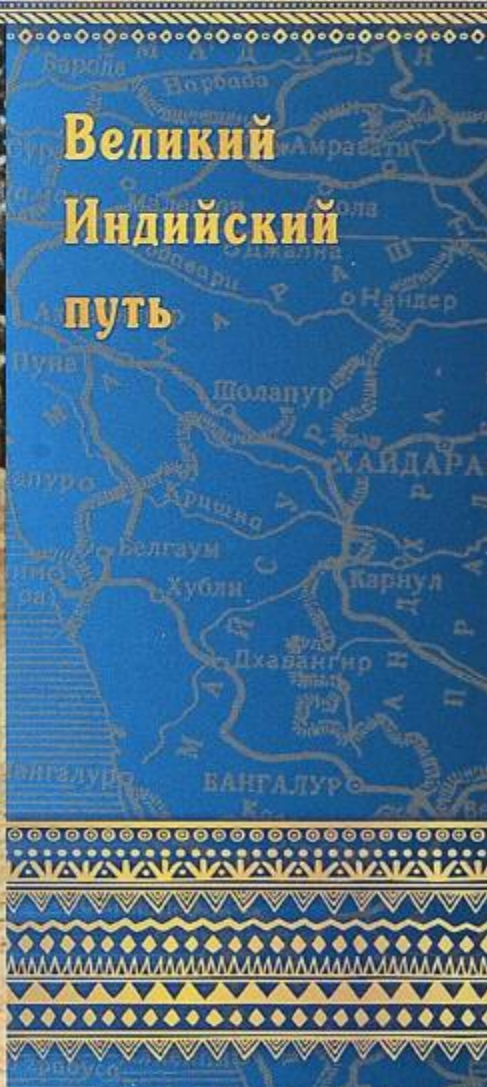
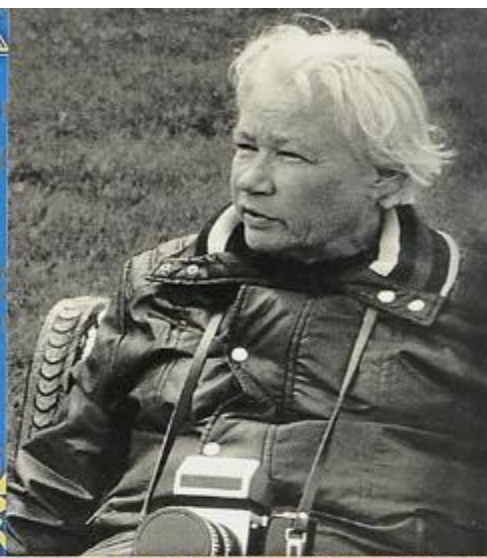

Л.В. Шапошникова

**АВСТРАЛОИДЫ ЖИВУТ В
ИНДИИ**

От автора

Два с половиной года, с 1970 по 1972-й, я работала в Индии, в Мадрасском отделении представительства Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Работа была большой по объему и многообразной по форме. Я читала лекции о Советском Союзе, преподавала русский язык, посещала конференции индо-советских культурных обществ, работала с делегациями и т. д. и т. п. В общем делала все то, что содействовало укреплению дружбы и взаимопониманию между нами и индийцами.

Но у меня было еще одно занятие. Занятие, которое я сама себе придумала. Я ездила по стране и многое наблюдала. Но все эти наблюдения были связаны с проблемами происхождения дравидийских народов, населяющих современную Южную Индию. Я обнаружила, что древнейший слой этого населения, так называемый австралоидный, до сих пор сохранился в стране. Этот слой оказался довольно многочисленным.

Я встречала австралоидов повсюду: от Гималаев до мыса Коморин. Они представляли предо мной в самом разном качестве. Среди них были министры, профессора университетов, простые крестьяне, рабочие плантаций. Всех не перечислишь. Легче сказать, кем они не были. Там, где о них почему-то не помнили, они насмешливо глядели с барельефов старинных храмов, растянув в каменной улыбке толстые губы. В развалинах древнего Читтургарха на краю Раджастханской пустыни их лица украшали колонны храма Солнца. И сам бог-Солнце, Сурья, являлся одним из них. Так же, как и у них, у Сурьи был широкий нос, толстые губы и улыбчиво-задумчивые глаза. Такими же глазами смотрел на меня страж около дворца джайпурского махараджи. Он стоял у сводчатых ворот, которые вели во двор со множеством арок, переходов и причудливых башенок.

— Я мина, — гордо сказал он мне, ткнув пальцем в золотую пуговицу своего белого сюртука.

— А кто такие мина? — спросила я.

Он удивленно вскинул голову и горестно покачал красным тюрбаном:

— Ты не знаешь, кто такие мина?

— Нет, — чистосердечно призналась я.

— Мина — самое древнее племя в этих краях. Смотри, мы не похожи на раджпутов.

Действительно, он не был похож на раджпута. В его лице отчетливо проступали черты бога Сурьи с колонн Читтургархского храма.

Когда я встречала их, то у меня в памяти всегда возникала изящная бронзовая статуэтка танцовщицы из Махенджо-Даро. Статуэтке было по крайней мере пять тысяч лет. Но те же пропорции, те же черты я видела и в ныне живущих. Богиня Мариамма, богиня Кали, воинственный Дварпалака, мифические асуры были из их числа. И даже в статуях Будды иногда исчезала традиционная утонченность облика великого учителя, и каменная улыбка толстых губ свидетельствовала об иных представлениях и иных связях...

Говорят, в древности они приносили жертвы богиням, которым поклонялись, чтили Солнце, молились змее, рассказывали истории о животных, которых считали родовыми предками. Много из этого они сумели пронести через века. Они сумели даже больше. Сохранили себя в виде целых племенных островков. Вот эти-то австралоидные племена неудержимо влекли меня к себе. Я понимала, что предки нынешних австралоидов внесли свой вклад в общую индийскую культуру и что теперешние племена сохранили много элементов этой изначальной культуры. Что это были за элементы и из чего складывалась жизнь древних австралоидов, мне и предстояло выяснить в моих путешествиях.

Путешествия эти проходили по отдельным районам южноиндийских штатов: Андхра Прадеш, Тамилнад, Керала.

Мне удалось повидать немало австралоидных племен. Их мир был удивителен и своеобразен и совсем не похож на наш. Я видела их церемонии, обычаи, праздники. Они всегда поражали меня своей оригинальностью, своей какой-то изначальностью и, я бы сказала, первозданной талантливостью. Все эти племена жили в тесном общении с природой, обожествляли эту природу, и она взамен давала им то, что уже утрачено современным цивилизованным человеком, — удивительную свежесть восприятия окружающего мира и сознание

своего органического единства с ним. И поэтому в их характере, психологии и поступках было для меня много непонятного и немотивированного, но тем не менее глубоко симпатичного и притягательного. Они привлекали меня как люди и нередко платили мне за это полной взаимностью.

Поэтом мне было сравнительно легко собирать материал о жизни этих племен и не пришлось испытывать особых затруднений во время бесед с ними на их языке. А когда эти затруднения возникали, мне помогали проводники. Материал оказался большим по объему и многообразным по содержанию. И только часть его нашла свое отражение в очерках, которые предлагаются читателям в этой книге.

I

ПЛЕМЯ НА КВАРЦЕВЫХ ХОЛМАХ

1

Автобус в каменный век

В одно прекрасное и сияющее утро я вошла в комнату, где размещалось наше мадрасское представительство Союза советских обществ дружбы. Секретарь — индиец Пракаш, не успев даже поздороваться, выпалил:

— Мадам, вас там дожидается один австралоид.

— Кто? — не сразу поняла я.

— Ну этот, которых вы изучаете, — пояснил Пракаш. Австралоид, скромно примостившийся на диванчике в нашей приемной, оказался адвокатом из Неллуру. Он был нашим другом и членом Индо-советского культурного общества. Он смешно морщил широкий нос, и улыбка не сходила с его толстых губ, когда он уговаривал меня приехать к ним в Неллуру. Неллуру, заштатный городишко в Андхре, не входил в мои планы. И поэтому предложение адвоката не вызывало во мне ответного чувства. Но тут Пракаш неожиданно пришел на помощь неллурскому австралоиду.

— Мадам, — шепнул он мне, — у них есть племена, — и с деланно равнодушным видом отошел в сторону.

В душе «мадам» катастрофически быстро стало нарастать ответное чувство.

— У вас есть племена? — как будто между делом спросила я.

— О! — оживился австралоид. — У нас есть великолепное племя янади. Очень древнее племя. Янади не дошли еще до ступени скотоводства. Настоящий каменный век. Раньше у них даже ткани не

было. Они делали одежду из листьев. Правда, приезжайте, ведь такое даже вам интересно посмотреть.

— Ну а как они внешне выглядят? — поинтересовалась я.

Адвокат задумался и провел рукой по буйно вьющейся шевелюре.

— Затрудняюсь даже объяснить. Ну вот взять, к примеру, меня. Нет, на меня они не похожи, — он решительно тряхнул шевелюрой.

— А... — разочарованно протянула я.

— Ну что же вам можно о них сказать? — продолжал он, как будто что-то припоминая. — У них широкие носы, толстые губы, кожа темная, рост небольшой.

В углу, около дивана, раздался звук, похожий на фыркание. Это был вежливый и сдержанный смех Пракаша: адвокат точно описал свою внешность.

— Подходят, — сказала я, поднимаясь с дивана. — А как добраться до вашего каменного века?

— Очень просто, — ответил австралоид. — В каменный век можно проехать на автобусе, можно на машине. Это ведь недалеко. Миль двести.

На следующее утро меня уже ждала машина, следовавшая по маршруту: Мадрас — каменный век.

2

Деревни без названий

Отыскать каменный век в сутолоке современной жизни было не так просто. Когда я приехала в Неллуру, мне объяснили, что искать его надо где-то между городом и плотным железной дороги. Расположение было довольно странным.

Шоссе шло параллельно железной дороге. С противоположной стороны к дороге подступала сухая земля, покрытая редкими зарослями колючего кустарника. Где-то за этой полосой неухоженной земли начинался город, и, если пристальнее взглядеться, там, у пыльного горизонта, можно было различить какие-то нагромождения каменных городских строений. Мы проехали мили две, и вдруг в придорожном ландшафте появилась какая-то новая и странная деталь — сооружения, напоминавшие то ли круглые большие муравейники,

то ли небольшие стожки, прикрытые пальмовыми листьями. Они то появлялись, то вновь исчезали в призрачном мареве.

«Странно... — подумала я. — Что это такое? Человеческое жилье? Вряд ли. Вокруг нет ни изгороди, ни возделанной земли...»

И, как бы ломая стройную логику моих размышлений, из одного «стожка» неожиданно появился человек.

— Стойте! Здесь кто-то есть, — сказала я.

Человек был темнокож и строен. Копна буйно вьющихся волос падала на глубоко посаженные глаза. Бедро охватывала узкая полоска ткани, а на шее на грязном шнурке висел коготь какой-то неведомой мне птицы. В руке у человека был нож. Нож с кремневым лезвием.

Завидев нас, он вдруг подпрыгнул на месте, прокрутился на одной ноге и, ринувшись к «стожку», исчез в нем. Как будто никого и не было. Я подумала, что мне все померещилось: и австралоид в набедренной повязке, и нож с кремневым лезвием, и когтистый птичий амулет. Но «стожок» по-прежнему стоял на месте. Я поняла, что это хижина. И вошла в нее.

На земляном полу догорали, подергиваясь тонкой пленкой пепла, аккуратно сложенные поленья. Рядом с ними стоял глиняный горшок. Кто-то сопел в темном углу.

— Послушай, как тебя зовут?

Ответа не последовало, но сопение усилилось. Мой nellурский приятель Рагавия решил вмешаться:

— Как тебе не стыдно?! Ты же янади! Почему ты испугался? А ну, выходи!

В хижине что-то шевельнулось, сопение прекратилось, и янади робко вступил в полосу солнечного света. Его звали Шамбайя. А вот у деревни названия не было. Так же как и у многих других, которые я потом встречала. Сама деревня была до странности пустынной.

— А где женщины? — поинтересовалась я.

— Там, — Шамбайя махнул рукой в сторону города.

— Где там? — переспросила я.

— В городе.

— А что они там делают?

— Побираются. Просят еду.

Поворот был неожиданным. Люди каменного века, побирающиеся на улицах современного города. Все как-то сдвинулось и спуталось.

Каменный век неотвратимо уплывал в призрачную даль прошлого. Здесь же, в настоящем, он оставлял растерянного Шамбайю, хижины-стожки и нож с кремневым лезвием...

Вдоль дороги на много миль тянутся одна за другой эти странные деревни без названий. Несколько круглых хижин-шалашей — вот и все. Ни полей, ни обычной для деревни разнообразной живности, ни улиц, ни храма... Кажется, что хижины только сейчас поставили в этом случайном месте, а завтра их обладатели уйдут куда-нибудь дальше. Во всем облике этих деревень чувствуется что-то временное и нестабильное. Такое впечатление всегда возникает, когда видишь селения кочевников. Янади и были ими.

Случилось так, что шоссе проложили по древнему пути, по которому век за веком кочевали янади. Над страной проносились бури, но они не нарушали их традиционного уклада жизни. Иногда янади наблюдали непонятные им битвы и старались держаться от них подальше. Так они шли из поколения в поколение по стране и не замечали, как изменялась жизнь, как появлялись города, как по железным рельсам застучали колеса поездов и по проложенным шоссе пошли машины.

Потом их остановили, предложили жить оседло и дали по клочку земли. Их стали селить в колониях хариджан — бывших «неприкасаемых», где они оказались вместе с другими внекастовыми. Но они продолжали кочевать между этими колониями, легко оставляя на прежнем месте дарованную им землю. Так два мира — мир прошлого и мир настоящего — существовали рядом во времени и в пространстве. Но каждый из этих миров жил своей жизнью.

Янади умели собирать древние лекарственные травы и съедобные коренья, но не умели считать. Янади проходили огромные расстояния, но мерили его локтями, не подозревая о том, что есть миля и километр. Время янади отличалось от времени в соседнем мире. Оно оказалось более значительным и растянутым. Крик петуха, восход солнца, восход Полярной звезды, заход солнца. Современный мир добавил им только одну временную вежу — гул самолета, пролетающего регулярно над деревней. Как и в древности, они отмечали месяцы и годы значительностью происшедших событий. Они находили речные заводы, богатые рыбой, умело выслеживали мелкого зверя в редких островках еще не погибших джунглей. Но они не знали социальной

значимости денег и не мерили достоинство человека этой величиной. Они были непосредственны, самобытны и по-своему талантливы.

3

Барабаны, которые не звучат

Предки, спасите нас
От беспокойств и несчастий.
Пусть все останется так, как сейчас.

Голос, произнесший эту своеобразную молитву-заклинание, звучал тихо и печально.

— А почему «как сейчас»? — спросила я.

Старик повернул ко мне свое лицо. Оно было как негатив. Волосы, спадавшие кудрями на лоб, были белые, такими же были брови и борода. А черты темного лица с трудом угадывались в вечернем сумраке. Старик посмотрел на меня долгим взглядом.

— Ведь может быть и хуже. Так пусть будет хотя бы как сейчас, — философски заметил он и опустил голову.

Мы сидели на голой земле в недостроенной хижине. В глиняном очаге, вделанном прямо в пол, то вспыхивали, то гасли догорающие поленья. Временами огонь прорывался сквозь них, и тогда наши тени начинали неожиданно расти и достигали бамбуковых жердей, под которыми на прокопченных и пыльных веревках висело несколько глиняных горшков. Больше в хижине ничего не было, если не считать плетеного кузовка, наполненного мелкой вяленой рыбой. Что может быть хуже, я не знала. Но старик янади имел свой опыт и, видимо, знал. Его хижина стояла в колонии хариджан, где жило семьдесят семей из племени янади. В колонию я попала уже под вечер, когда над городом и окрестными полями поднялась оранжевая луна.

Глинобитные хижины примостились между шоссе и железной дорогой. Подслеповатые окна этих жилищ светились огоньками керосиновых ламп. Ночные бабочки вились у запыленных колпаков фонарей. Пахло человеческим жильем, дымом паровозов и машинным маслом. В поселке было знойно и душно.

Нималавенкайя (так звали старика) принадлежал роду Нимала — «Лимонное дерево».

— Лимонное дерево, — рассуждал он, — приносит кислые плоды. А когда плоды маленькие, они бывают горькими. Так и жизнь моего рода — горько-кислая. Да и осталось нас в роду совсем немного. Остальных мы уже давно растеряли. Я слышал, что несколько семей моего рода кочует где-то недалеко от нашего города. Но я никогда их не видел. Все мы, живущие здесь, тоже когда-то кочевали и строили хижины вдоль дорог. А теперь нам велели жить здесь.

Нималавенкайя, по-стариковски побряхтывая, поднимается и выходит из хижины. Я иду за ним. Из темноты навстречу нам выступает несколько человек. Я сразу замечаю гибкую фигуру юноши. На нем ничего нет, и только на бедрах неопрятный лоскут.

— Наш старейшина, — говорит Нималавенкайя. Старейшине от силы лет двадцать пять. Руки он держит почему-то за спиной. Потом, очевидно решившись, протягивает мне обод от барабана.

— Это что? — не сразу понимаю я.

— Барабан, — тихо говорит старейшина.

— Ну и что? — снова недоумеваю я.

— Барабан, который не звучит, — и опускает голову. Потом встряхивает буйной шевелюрой и говорит быстро и горячо, боясь, что его могут перебить и он забудет то, что хотел сказать. Его жесты выразительнее и красноречивее слов.

— Раньше в каждой хижине янади был барабан. Барабаны звучали по всей округе (старейшина бьет по ободу), и все знали, что это янади. У нас есть пословица: «Для янади барабан, что вода для рыбы». Наши предки пугали барабанным боем диких зверей, а потом били в барабаны и танцевали. А что осталось теперь у нас? — он поднимает обод над головой. — Один обод. У нас нет денег, чтобы достать новую кожу для барабана. Она стоит дорого.

И стоящие вокруг люди как эхо повторяют:

— ...дорого.

В темноте какой-то детской печалью светятся их глаза. И сами они напоминают мне детей, которые жалуются взрослому и просят его помочь им.

Но старейшина как будто угадывает мои мысли.

— Нет, — твердо говорит он. — Нет, мы не просим у тебя денег. Мы просто рассказываем тебе о наших бедах. Ты вошла в нашу хижину и сидела с янади. Поэтому я тебе все это говорю. Те, в городе, считают нас «неприкасаемыми». А мы — янади. Они не понимают этого.

— ...Не понимают этого, — снова эхом отзываются остальные.

Я всматривалась в лица окруживших меня людей и задавала себе вопрос: что я о них знаю?

Я знала, что они принадлежат к племени янади. Их предки, протоавстралоиды, были первыми обитателями этой земли. Им удалось сохранить до сих пор элементы культуры каменного века. Но я знала о них и другое. Эти люди добывали себе хлеб тяжелым поденным трудом. Они рубили дрова, подметали городские улицы, убирали городские особняки, ухаживали за деревьями и цветами в городских садах, крутили педали велорикш. Соседний малопонятный и враждебный им мир заставил их работать на себя. И они стали париями этого мира. неприкасаемыми. Их заманили в западню, и только смерть вырвет их из нее. Но почему разорванный барабан оказался главным во всем этом? Почему старейшина начал именно с него? Почему он не сказал, что за их труд они получают гроши, что их обманывают и обсчитывают? И постепенно я стала понимать. Этот молчащий барабан превратился сейчас для племени в некий символ. В символ их трагедии.

Луна уже высоко стояла в небе, и теперь я без труда различала черты людей. Старейшина замолчал так же неожиданно, как и начал. И вдруг произошло чудо. Беспорядочная толпа расступилась, превратилась в правильный круг. Люди медленно задвигались, прихлопывая в ладони, и запели мелодично гортанными голосами. И вновь каменный век ступил на этот клочок городской земли. И эта земля, луна и звезды принадлежали только им, янади. Бесшумно двигались темные полуобнаженные тела, и звучала древняя песня. Янади пели о луне, о прохладных горных джунглях, о синем цветке, который распускался на благоухающей поляне в лунную ночь. Круг танцующих двигался куда-то в бесконечность, и прекрасные слова необычной для этих мест песни звучали приглушенно и таинственно. Янади пели, и временами шум проходивших поездов заглушал песню. Но они уже не обращали внимания на этот шум. Сегодня они были

настоящими свободными янади. Они были самими собой. В эту ночь они бросали вызов городу, который превратит их завтра утром в рикш, подметальщиков, уборщиков, разносчиков. Песня была как заклинание против коварного колдовства злого города. Но в этой песне-заклинании не было существенной детали, и поэтому заклинание было бессильным. В нем не звучали барабаны...

4

Рыбаки Сангама

«Сангам» — значит «слияние». В этом месте сливаются две реки. Они широкие, но мелководные и в жаркий сезон превращаются в ручейки. Ручейки текут по песчаному ложу. И вся почва вокруг песчаная. Песчаные холмы покрывают берег у самого слияния. Раскален воздух, и раскален песок. Здесь растут чахлый кустарник и редкие с искривленными стволами деревья. Деревья почти не дают тени. Прямо на песке, открытые всем ветрам и безжалостному солнцу, стоят несколько хижин янади. Издали они похожи на кучи сухих листьев. Несколько хижин — это уже целая деревня. И деревня эта называется Сангам. В жидкой тени дерева прямо на песке сидят несколько женщин. К искривленной ветви привязан узел, и, потому что узел время от времени шевелится и издает утробные звуки, я понимаю: в нем ребенок. Женщины под деревом заняты важным и приятным, с точки зрения янади, делом. Они вылавливают насекомых в головах друг у друга. Эта «охота» полностью поглощает их внимание, и женщины не слышат шагов и не замечают появления «чужака». Когда я останавливаюсь в непосредственной близости от дерева, одна из них, заподозрив, что в окружающем мире произошли какие-то изменения, поднимает голову. Буйно выющиеся кудри припыленными космами спадают ей на глаза, но тем не менее дают ей возможность разглядеть подошедшего.

— Аё! Вот это да! — вырывается у нее.

«Вот это да» — исчерпывающая и окончательная моя характеристика. Короче и лучше сказать трудно. Остальные немедленно вскакивают на ноги и застывают в позах, напоминающих финальную сцену из гоголевского «Ревизора». Некоторое время мы

рассматриваем друг друга, переминаясь с ноги на ногу. Я мучительно вспоминаю неожиданно исчезнувшее из моей головы нужное сейчас слово «здравствуйте» и тоже молчу.

— Вот это да... — повторяет одна из них и задумчиво чешет в затылке.

— Здравствуйте, — говорю я, наконец поймав пропавшее слово.

Женщины изумленно смотрят на меня. Они бы, наверно, удивились меньше, если бы заговорил лежащий рядом камень. Привел всех в чувство и вернул к реальности крик ребенка, который почему-то в этот драматический момент решил выпасть из узла. Женщины бросились к нему, приглашая меня последовать их примеру. Человеческое взаимопонимание между нами было восстановлено, и дальнейшее общение уже не вызывало затруднений.

Старшую из женщин звали Лакшми. Она объяснила, что все мужчины в деревне ловят рыбу в реке и что жители деревни питаются в основном рыбой. Теперь я заметила, что между хижинами были натянуты тонкие веревки, на которых висела серебристая вяленая рыбешка.

— Эй-о-о-о! — раздалось откуда-то снизу, с реки.

— Идет, — удовлетворенно сказала Лакшми.

— Кто идет? — спросила я.

— Как кто? Разве не узнаешь?

— Нет, — чистосердечно призналась я.

Лакшми сначала удивилась, потом хлопнула себя по лбу и заливисто засмеялась. Остальные тоже засмеялись.

— Аё! — сквозь смех сказала Лакшми, — ты же его не видела и, конечно, не знаешь его голоса.

«Логично», — подумала я и осторожно спросила:

— Кого его?

— Да нашего старейшину, вождя.

В это время из-за песчаного холма показался человек. Он был темнокож, мал ростом и продвигался от холма к деревне какими-то короткими перебежками. Все замолчали и стали выжидательно смотреть на приближавшегося. Наконец человек сделал последнюю перебежку и оказался рядом со мной.

— Ты? — спросил он меня, как будто мы были знакомы, а я долго отсутствовала и наконец вернулась в родные края.

— Наш гость, — выручила меня Лакшми.

Глаза вождя смотрели приветливо, но где-то в глубине их таилось недоверчивое выжидание. Он потербил жидкую бородку и сказал значительно:

— Так.

Я поняла, что вождь разговорчивостью не отличается. Сатъя Мастан, так звали вождя, действительно не любил говорить. До разговоров ли тут, если его голова занята всегда двумя важными хозяйственными вопросами: где нарубить дров и где наловить рыбы. Первый вопрос был почти неразрешимым: дрова рубить было негде. Все, что можно, уже вырубил. Но на то и мудрый вождь в деревне, чтобы что-то придумать. И многотумную голову Сатъя Мастана время от времени посещали великолепные идеи. Одна из них своим блеском затмила все предшествующие и последующие и осталась в памяти жителей деревни. Идея была проста, но с ней не согласились местные власти, которые сочли железнодорожные шпалы неподходящим материалом для дров. С этими властями у Сатъя Мастана было много неприятностей и волнений. У жителей Сангама тоже. Поэтому приходилось довольствоваться ветвями чахлых кустов, растущих на песчаных холмах. Со вторым вопросом дела обстоят лучше. Рыба пока в реке водится.

Ни плотин, ни гидроэлектростанций на ней не предвидится. Сатъя Мастан хорошо знает заповедные места и досконально изучил повадки разных рыб, поэтому уловы всегда удачны.

Мы идем через песчаные холмы вниз к реке. От песка, нагретого за день, исходит прозрачное знойное марево. Сквозь подошвы туфель я ощущаю тепло этих раскаленных холмов. Сатъя Мастан идет босиком, привычно и спокойно ступая по горячему песку. Солнце стоит уже высоко над горизонтом, и по небу растекаются, все увеличиваясь, багровые мазки заката. Вода в реке постепенно превращается в красное, призрачно струящееся полотно, и на его фоне резко выделяются темные тонкие фигуры рыбаков янади. Вытянувшись цепочкой, они окружают что-то мне невидимое, резко взмахивают руками, и паутина сетей на какое-то мгновение застывает в воздухе. Потом сеть, оседая, как купол парашюта, опускается на воду и исчезает под ней. Негромко переговариваясь, рыбаки какое-то время

«колдуют» этими сетями, снова поднимают их над водой, и в тонких ячейках трепещет и бьется серебристая рыба.

У самого берега по колено в воде бродит несколько человек. С какой-то методической размеренностью они опускают в реку конические, сплетенные из тонких прутьев корзины-ловушки и время от времени выбрасывают на берег мелкую скользкую рыбу. Нагие, измазанные в иле и песке мальчишки подхватывают ее с торжествующими криками и затем аккуратно складывают на песке.

Сатья Мастан какое-то время пристально, не отрываясь, смотрит на все это.

— Вот так почти целый день. День за днем и всю жизнь, — философски замечает он. — А многие считают янади ленивыми. Не верь им. Янади не уйдет с реки, пока не наловит рыбы, чтобы прокормить семью. А теперь надо ловить больше, может быть, удастся что-нибудь продать.

— А удастся?

— Иногда, — ответил старейшина. — Самое большее, что мы можем получить, — это полторы рупии.

— Не много.

— Да, совсем не много, — согласился Сатья Мастан. — Да еще могут обмануть. Нас легко обмануть.

Несколько рыбаков, заметив нас, перестали ловить, вышли на берег и робко остановились чуть поодаль.

— Эй, что вы там стоите! Идите сюда! — крикнул им старейшина.

Они несмело приблизились, на их темных телах еще блестели капли речной воды.

— Они из моего рода, рода Правды, — сказал Сатья Мастан.

— Правда, правда, — закивали рыбаки, — мы из рода Правды.

Такой род я встречала впервые и, конечно, заинтересовалась, сколько же человек в этом редком роду.

— Вот он, он и он, — старейшина ткнул пальцем в рядом стоявших рыбаков.

— Ну, а сколько же всего? — не отставала я.

Сатья Мастан, шепча что-то про себя, стал загибать пальцы. Потом, видимо, сбился и смущенно опустил голову.

— Не знаю, — признался он. — Нас немного.

Я поняла, что вождь Сангама не имел представления о счете.

Широкоплечий юноша пришел на выручку вождю.

— Наш род очень славный и знаменитый, — начал он несколько сбивчиво, но посмотрел на Сатью Мастана и замолчал.

— Говори, говори, — великодушно разрешил вождь. — Я сегодня говорил так много, что язык уже болит. Говори.

...Род Правды был когда-то очень большим. Его люди кочевали по берегам рек и озер и ловили рыбу. Много рыбы. Тогда можно было и охотиться. И род никогда не испытывал недостатка в еде. Женщины всегда были дома, и им незачем было идти в город и кланчить пищу.

Вместе с родом Правды ловил рыбу и охотился род Жемчуга. Теперь из этого рода почти никого не осталось, так же как не осталось и жемчуга в реках.

— Хорошо рассказал, — похвалил Сатья Мастан юношу. Тот окончательно смутился и спрятался за спины товарищей.

Незаметно подкрались сумерки, которые быстро стали сменяться темнотой. Река опустела, и только на берегу остались разложенные для просушки рыбацкие сети и снасти. Со стороны деревни потянуло дымком вечерних очагов. Под деревом, где сидели днем женщины, зажгли небольшой костер. Он был тусклый и не очень веселый. У людей рода Правды не было дров для лучшего.

Племя без жрецов

Злой дух бесновался всю ночь. Он ухал, подвывал и хлопал над хижиной крыльями. Как тогда, много лет назад. Старый Венкайя покрылся холодным потом и мелко дрожал. Мелькнула мысль, что надо выйти из хижины и посмотреть, что там такое. Но он отбросил ее как ненужную, потому что был уверен, чьи это проделки. Он прижался к стенке хижины, и сухие пальмовые листья впились ему в тело. Казалось, это доставило радость духу, который снова трижды проухал над хижиной. Теперь не было сомнения, что куражился дед. Это он имел привычку троекратным уханьем выражать свое удовлетворение. Души добропорядочных покойников уходят куда-то в страну мертвых. Но никто не мог сказать, где эта страна находится. Одни говорили, что наверху, другие думали, что внизу. Ясного представления ни у кого не было, даже у стариков. Венкайя заворочался в своем углу и снова стал прислушиваться. Но дух затаился и ничем себя не выдавал. «Наверно, готовит новую шкоду», — вздохнул Венкайя. Дед и при жизни не обладал мирным характером, а после смерти с ним совсем не стало сладу. Венкайя несколько лет назад пытался выяснить, что же, собственно, надо делать с духом — молиться или бросать в него камни. Но никто в племени не мог ему сказать ничего определенного. Даже старый Полайя, немало повидавший на своем веку, не дал совета.

— Ты не один, которого тревожат духи, — сказал он тогда Венкайе. — Это все потому, что мы перестали чтить предков. Янади ходят в индусские храмы и молятся там раскрашенным картинкам. Мы давно забыли даже погребальные обычаи. Духи мертвых возмущаются, а мы не знаем, как их умиловить.

Дед умер много лет назад — в год Великого голода. Но никто в доме не плакал. Янади не плачут по покойнику. В тот год с трудом достали новую набедренную повязку, чтобы умерший выглядел прилично. По древнему обычаю, на тело положили цветы и листья дерева «пана». Дед, который при жизни делал все не так, как надо, и умер в неподходящий день, во вторник, поэтому к носилкам привязали лягушку. К месту погребения все двинулись в полном молчании, и

только беспрерывно бил барабан. Тогда кожа на барабане еще была цела. Перед носилками несколько человек с распущенными волосами исполняли погребальный танец.

Венкайе казалось, что ничего нет страшнее этого танца. Танцоры дергались как будто в конвульсиях, а черты их лиц застыли и были неподвижны. Они не пели и не издавали веселых возгласов. Они двигались молча в своем страшном и печальном танце. Отец сказал Венкайе, что танцоры пугают злых духов, которые хотят утащить душу деда к себе. Танцоры старались напрасно, потому что злой дух еще до смерти сидел в деде и теперь посмеивался, глядя на этот устрашающий погребальный танец. Потом на месте погребения вырыли неглубокую яму и опустили в нее деда лицом вниз, головой на юг. Рядом с ним положили листья «пана», кокосовый орех и медную монету. Отец Венкайи — он был старшим сыном деда — первым бросил три горсти земли на умершего.

Когда все вернулись в деревню, у хижины деда разбили два глиняных горшка. Так делали всегда, и никто не мог объяснить почему.

На третий день после похорон Венкайя проснулся от странного звука, который исходил откуда-то из глубины хижины. Звуки напоминали то всхлипывания, то плач. Венкайя долго лежал в темноте, прислушиваясь, и наконец понял, что плакала бабка. Венкайя очень удивился, но потом отец объяснил ему, что у них не было еды, чтобы в этот третий день покормить дух умершего деда. Поэтому бабка и горевала. Духу следовало отнести на могилу рис, лепешки и молоко, которое лили в отверстие на могиле. Всего этого не было не только у них, но и во всей деревне.

— Дед вам этого не простит, — причитала бабка. — Он всегла любил поесть. А вы его оставили голодным. Вот он всем вам теперь покажет.

Отец Венкайи сидел на пороге хижины, угрюмо опустив голову, и ни на кого не смотрел. Мать принялась плакать вместе с бабкой. А потом было еще хуже...

На двадцать первый день после похорон янади освящают хижину умершего, чтобы его дух не беспокоил живущих. В этот день устраивается большой погребальный пир. Освящает хижину жрец, он читает заклинания, известные только ему. Но во всей округе не было ни одного жреца-янади. Последний старый жрец умер несколько лет

назад, так и не успев передать свое искусство молодому. Говорили, что остались еще жрецы на острове Срихарикхота, который лежит посреди большого озера. Но остров находился далеко, и туда уже не попасть. Чужой индусский жрец-брамин запросил много денег за освящение. Их не было, и хижина осталась без защиты. В этот вечер зажгли только масляный светильник, около которого сидела бабка. Она горестно раскачивалась перед трепещущим огоньком и тянула какую-то известную только ей одной тоскливую песню без слов. На этот двадцать первый день дух деда остался тоже голодным.

Правда, его пытались ублажить барабанным боем и танцами, но дух отверг такую замену. Он хотел есть и поэтому всю следующую ночь выл над хижинкой и хлопал крыльями.

— Все ясно, — заключила бабка. — Дед не попал в Верхнюю страну. Теперь он всю жизнь будет метаться между небом и землей.

И бабка оказалась права. Дух не довольствовался вытьем по ночам. Он стал чинить мелкие пакости. Подставлял под ноги камни в неожиданных местах, притворялся ветром, дул на хижину и однажды чуть ее не разрушил. Путал тропинки в лесу, когда молодой Венкайя отправлялся за кореньями и ягодами. Да разве упомянуть все дедовы проделки. Правильно говорил отец: голодный способен на все.

И вот теперь этот ночной концерт. Венкайя снова прислушался. Где-то прокричал петух, и старик облегченно вздохнул. Теперь можно было выйти и посмотреть, что натворил этот неумный дух. Дрожь постепенно проходила, и Венкайя кряхтя, выполз из хижины. На черном предрассветном небе стояла красная ущербная луна. Венкайя осмотрелся вокруг, но ничего подозрительного не обнаружил. И вдруг где-то снова раздался протяжный вой. Венкайя вздрогнул и инстинктивно прикрыл голову руками.

«Ну, теперь не уйти», — мелькнула мысль. Но через некоторое мгновение испуганным слухом он уловил ритмичное постукивание. «Так это же поезд! — обрадовался Венкайя. — Ну, конечно, поезд. Только поезд так гудит». Каждую ночь перед самым рассветом он слышал стук колес. По этому стуку он определял, скоро ли взойдет солнце. Поезд ему был знаком и понятен. С духом все обстояло сложнее. «Что же с ним делать? — тоскливо подумал Венкайя. — И спросить не у кого. Может быть, богиня надоумит?»

Но вовремя спохватился, вспомнив, что место прежнего обитания богини пустовало уже несколько лет. У янади не было денег, чтобы купить камень. Вокруг лежали государственные земли, и за хороший камень надо было платить. А без камня ни одна уважающая себя богиня в этом месте жить не будет.

Венкайя тяжело вздохнул и увидел, как начала светлеть полоска неба на востоке. Бог-солнце Сурья кончил свой отдых за горами и теперь просыпался. Венкайя еще раз посмотрел на небо и поплелся к своей хижине. «Только бог Сурья может спасти от злого духа», — размышлял он.

Сурья, духи предков. Духи добрые и злые. Демоны. Богини и боги. Их многочисленные чада и домочадцы. Янади считали, что они населяли джунгли и горы, реки и ручьи. Они были неотъемлемой частью природы. Они формировали образ жизни племени. Той жизни, в которой царили законы и заветы предков. Богам и духам молились, их задабривали, сердились на них, а иногда отвергали. В честь их устраивали шумные праздники с ночными танцами, торжественные жертвоприношения и замысловатые церемонии. Предки удостаивались особого внимания. Для них существовал специальный праздник, когда хижину украшали ароматными цветами и разбивали кокосовые орехи.

Боги и духи были везде: в священном дереве «маргоса» и в акации. Поэтому вокруг этих деревьев янади сооружали каменные платформы. Они были в камнях, в глиняных горшках, в деревянном идоле на острове Срихарикхота, в куске глины, они прятались в фигурках, нарисованных на скалах. Поэтому все это было достойно поклонения. Даже горшок с водой.

И боги не оставались в долгу. Они защищали янади от напастей и болезней, приносили удачу в охоте, вступали в единоборство со злыми духами, гнали косяки рыб в сети, обсыпали кусты сладкими ягодами, вели в места, где были дикий мед и съедобные коренья. Короче говоря, боги старались вовсю, и особенно богини. Могущество последних удачно сочеталось с их трудолюбием. И поэтому матери-богини занимали самое почетное место в своеобразном пантеоне янади.

Самое популярное божество Ченчудевуду. Но единого мнения в отношении пола Ченчудевуду не существовало. Старики утверждали, что это богиня. Молодые считали, что это бог. Но так или иначе, Ченчудевуду всегда заботился (или заботилась) о благосостоянии

янади, о росте их семейств и о мире под их пальмовыми крышами. Божеству приносили желтые цветы «могили» и клали в его честь камень на крыши хижин. Камень был на каждой хижине, и живущие в ней считали Ченчудевуду своим домашним покровителем. Ченчудевуду помогали богини местного родового значения. Их звали по-разному, но к имени каждой из них добавлялось слово «амма» — «мать». Полерамма, Анкамма, Кункаламма, Элламма. У богинь-матерей были самые разнообразные функции. Они спасали янади от оспы и холеры, сторожили границы их деревень, заботились о прибавлении семейства, охраняли их в трудном и длинном пути кочевий. И даже удачей в охоте ведала богиня. Звали ее Гарала Майсамма. Это она незримо присутствовала на воинственных охотничьих танцах, шла вместе с янади по запутанным тропинкам джунглей, придавала силу и твердость их рукам, пускающим стрелы и бросающим бумеранги. Каждая богиня достаивалась своего камня — его украшали цветами, и перед ним клали могущественным незримым матерям жертвы.

Богини не были вегетарианками, они с удовольствием потребляли мясо, и поэтому в честь их у камней резали петухов, коз, а иногда и буйволов. Человеческая кровь у этих камней не проливалась. Ибо богини были молоды и наивны. Они не подозревали, что земля, если ее полить человеческой кровью, может дать урожай риса или ячменя. Богини янади знали, как охотиться, как собирать то, что растет в джунглях. Среди них не было Великой матери, которая учила другие племена обрабатывать землю, сеять на ней и которую надо было задабривать человеческими жертвоприношениями. Племя и его богини так и не дошли до ступени земледелия.

Янади почитали не только богинь и богов, духов и демонов. Многие их роды непостижимым образом оказались связанными с животными и носили их названия. У янади были роды Козы, Медведя, Водяной ящерицы, Мухи, Попугая, Тигра и, наконец, Змеи. Со змеями у них возникли сложные отношения. Змею чтил не только род Змеи. Ей поклонялись и представители других родов. Змеи особых чудес не совершали, они только шипели и кусались. Янади знали траву, которая излечивала от змеиных укусов, но трава не всегда помогала. Молитвы и заклинания, по мнению янади, были эффективнее. И поэтому женщины племени раз в год на четвертый день после новой луны

приносили молоко к норам кобр. Кобры были самыми главными змеями. Женщины просили их не трогать янади. Кобры пили молоко, но время от времени тем не менее нарушали договор. И янади стали ловить змей.

Они шли в джунгли с палками, расщепленными на конце, выслеживали змею и прижимали ее ядовитую голову рогаткой. Затем ловко подхватывали ее за хвост и сажали в корзинку. Боги-змеи недовольно шуршали в корзинках. А потом стали плясать под звуки флейт. Проданные в рабство своими почитателями змеи продолжили сохранять для последних свой божественный статус. Во время охотничьего танца, изображавшего ловлю змей, янади пели:

Иди ловить змею,
О, заклинатель змей.
Держи стоящую змею.
Надейся на звук своей флейты,
Приходи, приходи с большой змеей в корзине
И с маленькой змеей в своих кудрях.

Янади почитали и обезьян. Они их не трогали — не убивали и не ели, как другие племена. Они оставляли обезьянам еду в джунглях и считали священными места их сборищ.

Многие века складывались у янади представления о себе, о земле, о богах, о мире, который их окружал. Но время шло, и многое менялось. Незаметно для себя янади стали поклоняться чужим богам: Субрамания, Нарасимхе, Венкатесваре. Сарасвати, Парвати и Лакшми — богини индусского пантеона заменили родовых богинь с приставкой «амма» — «мать». Женщины-янади, собираясь по вечерам вокруг лампы-светильника, хором стали петь:

Мать, наша мать Махалакшми,
Ты всем нам мать.

Родовые богини обиделись и одна за другой стали отворачиваться от янади. Они не могли простить такого предательства. Они не знали, что янади вкладывали в молитву новой богине тот же смысл, который присутствовал в молитвах родовым «амма».

Большие богини были вегетарианками и вполне довольствовались цветами и кокосовыми орехами. Эти чужие богини стояли в больших

каменных храмах. На них были одежды и украшения, сверкающие драгоценными камнями. В честь их устраивались многолюдные и пышные праздничные процессии. Им прислуживали жрецы, которые произносили заклинания и молитвы на непонятном янади языке. И оттого, что в больших храмах, где обитали большие боги, все было непонятно, росло ощущение могущества и неизбежности этих богов. Свои боги казались бедными и слабыми, а свои жрецы — несведущими и жалкими. Так постепенно рушился традиционный мир собственных представлений янади.

Внешний мир тоже менялся и разрушался. Джунгли были вырублены, горы отодвинулись вдаль, потоки пересохла. А янади оказались в пыльных придорожных деревнях и в колониях хариджан-париев. Там они забыли сказания о своих богах, легенды о своих предках, потеряли своих жрецов. Их слабеющая память удержала только смутные воспоминания и образы прошлого. Большие боги и жрецы-брамины обманули янади блеском драгоценных украшений и толстыми книгами священных гимнов. Индусские боги не снизошли к молитвам и просьбам париев. И теперь как знак надежды отчаявшихся еще можно увидеть камень Ченчудевуду на пальмовой хижине или глиняный конус Полерамма под навесом. Но что теперь они могут сделать? Чем могут помочь? И боги и люди не в силах остановить неотвратимость свершающегося...

Христианин

Он остановился передо мной и стал потирать одну ступню о другую. По этому характерному жесту я поняла, что человек находится в состоянии смущения и робости. Я сидела на поваленном дереве у самой крайней хижины неллурской колонии хариджан. А человек стоял передо мной молча, и только сопение выдавало усиленную работу его мысли. Я тоже молчала и разглядывала пришедшего. Ему было лет двадцать пять, не больше. Его набедренная повязка была грязна и носила следы неумелой штопки. На плечах каким-то чудом держалось нечто когда-то бывшее, очевидно, рубашкой, от которой теперь осталось несколько причудливо соединенных между собой лоскутов. Густые вьющиеся волосы падали ему на лоб и почти скрывали глаза. А за ухом неожиданно и кокетливо, смягчая весь «разбойный» облик его владельца, торчал желтый цветок «могили». Время от времени парень безгласно шевелил толстыми губами, как будто хотел что-то сказать, но не решался. Первой потеряла терпение я и кашлянула.

— Кхм, — повторил парень и снова замолчал.

Конечно, так могло продолжаться до бесконечности, ибо передо мной стоял янади, который не заговорит первым.

— Как тебя зовут? — спросила я.

Стоявший вздрогнул от неожиданности и как-то сразу вышел из задумчивости.

— Голакондаполайя, — чуть хрипловато сказал он. Затем набрал воздуха и выпалил: — А я из твоего племени!

От удивления я чуть было не сказала «здравствуйте» по-русски. Но вовремя удержалась и правильно сделала. А Голакондаполайя, не переводя дыхания, путаясь и сбиваясь, продолжал:

— Да, да! Из твоего племени. Потому что я христианин, а все белые — христиане, и я теперь принадлежу к твоему племени, хоть я и не белый.

— Подожди, подожди, — перебила я его. — Я не возражаю, чтобы ты принадлежал к моему племени. Мне даже приятно, что в моем

племени будет хоть один янади. Но кто тебе сказал, что все белые — христиане?

— Отец.

— Какой отец? Твой что ли?

— Не мой. Отец, который живет в каменном доме вместе с богом и носит длинное белое платье. А на доме вот такой крест. И Голакондаполайя извлек из-под лохмотьев бывшей рубашки засаленный шнурок, на котором болтался простой железный крестик.

— Так, — сказала я, — значит, ты христианин?

— Да, — ответил Голакондаполайя и потер снова одну ступню о другую. — А ты тоже?

— Нет.

— Вот это да! — удивился парень. — А кто же ты?

— Как кто? Человек.

Голакондаполайя растерянно и недоумевающе смотрел на меня.

— Как же ты стал христианином? — поинтересовалась я.

— Очень просто, — вздохнул он. — Отец дал мне двадцать пять рупий, этот крест и попросил молиться его богу. Я не мог отказать ему, да и деньги мне были нужны. Я думаю, что сделал отцу большое одолжение.

— А если я попрошу тебя об одолжении? — не удержалась я.

— Ну что ж, — покорно согласился Голакондаполайя. — Я тебе тоже не смогу отказать. А у тебя какой бог? — вдруг оживился он. — По правде говоря, христианский бог мне не очень нравится. Борода у него жидкая, глаза печальные. И висит почему-то на кресте. Все боги как боги, а этот висит на кресте. Как ты думаешь, зачем это?

— Это длинная история, — уклончиво ответила я.

— Ну да! — обрадовался христианин. — Длинная и непонятная. У янади боги наказывают людей, а у христиан почему-то люди наказали бога. — И Голакондаполайя, опустившись на корточки, впал в философское раздумье.

— Вот у янади есть Ченчуамма — богиня-мать, — начал Голакондаполайя, выходя из задумчивости. — У христиан бог, который висит, а какой бог у тебя?

— А у меня бога нет.

— Аё! — снова удивился янади. — Как же я тебе сделаю одолжение? У тебя нет даже висящего бога.

— Нет, — горестно согласилась я.

— Ну, тогда, — Голакондаполайя на минуту задумался, — ты мне дашь за одолжение пятьдесят рупий. Если бы у тебя был бог, мы бы обошлись тридцатью, а если нет, то не меньше пятидесяти.

Я поняла, что здесь, как и везде, безбожие обходилось дороже.

Голакондаполайя был, пожалуй, единственным христианином во всем племени янади. Случай этот был настолько редким и исключительным, что янади не восприняли «обращение» Голакондаполайи всерьез и не применили против него никаких санкций, соответствующих данному поступку.

Все действительно произошло крайне просто. Голакондаполайя жил в колонии хариджан на окраине Неллуру и работал городским подметальщиком. Подметальщиком его устроил дядя. Голакондаполайя хорошо помнил, как они с дядей ходили к важному чиновнику и дядя долго просил его о чем-то. Племянник не слышал, о чем они говорили. Он стоял в почтительном отдалении. Наконец, чиновник кивнул головой в знак согласия, и дядя довольный подошел к юноше.

— Завтра утром ты придешь сюда к старшему подметальщику, и он покажет тебе, что надо делать, — сказал ему дядя. — Теперь у тебя будут деньги, и ты сможешь прокормить мать и младших братьев.

С тех пор Голакондаполайя каждое утро выходил на улицу, которую ему отвели, и подметал. Улица примыкала к рыночной площади и была обычно усеяна обрывками бумаги, банановой кожурой, апельсиновыми корками, скорлупой кокосовых орехов. Когда поднимался ветер, подметальщику становилось совсем худо. Он мел, а ветер бросал в лицо весь мусор, который поднимала его метла. И еще пыль. Много дней спустя кто-то из подметальщиков объяснил ему, что мести против ветра — дело бесполезное. Надо мести по ветру. Постепенно Голакондаполайя приобрел рабочий опыт подметальщика. Чиновник обещал платить ему 125 рупий в месяц. Но когда Голакондаполайя приходил за деньгами, их оказывалось всегда меньше. И никто не мог объяснить ему, почему так происходило. Дядя тоже не мог. Заработанных денег с трудом хватало на рис с овощным карри раз в день. Иногда он подносил к рынку тяжелые грузы.

В конце улицы стоял странный каменный дом с остроконечной крышей. Однажды Голакондаполайя услышал, как там зазвонил колокол. Он оставил свою метлу у фонарного столба и пошел на звук

колокола. Около странного дома толпились люди. Он увидел там несколько белых. Он знал, что это важные и богатые люди, и решил держаться от них подальше. Дверь в доме была открыта, и он, выждав около получаса, наконец решился тоже войти. Дядя всегда говорил, что его когда-нибудь погубит любопытство. Но в тот момент он забыл, что говорил дядя. Осторожно, боком, стараясь никого не задеть, он протиснулся в дверь и остолбенел.

Внутри дома все сверкало и блестело. Он никогда не видел такого необычного и богатого убранства. Прямо перед ним на стене висел человек, из рук и ног которого сочилась кровь. Голакондаполайя в ужасе хотел броситься прочь, но вовремя заметил, что человек сделан из дерева. Любопытство пересилило, и он стал рассматривать этого странного деревянного человека. Глаза человека смотрели с укором и печалью. Голакондаполайя стало не по себе. Но в это время вышел человек в длинном белом одеянии, и люди, сидевшие на скамьях внутри дома, вдруг запели. Песня была печальная, длинная и многих слов из нее он не понимал. Но это была песня, а за песней всегда следует танец. Поэтому он остался, чтобы со всеми потанцевать. Наконец песня кончилась, и все встали. Голакондаполайя отбил такт ногой и приготовился. Но люди почему-то потянулись к выходу. Танцы не состоялись. Он знал, что в городе многое не так. Но то, что люди добровольно отказались от танцев, для него было неожиданностью. Он так удивился и расстроился, что даже не пошел со всеми, а остался растерянно стоять у стены. В это время он и увидел женщину, нарисованную на доске. Она была прекрасна, как богиня Ченчуамма. Женщина держала на руках голого розового младенца. Он так внимательно рассматривал картину, что не услышал приближающихся шагов. Он вздрогнул от неожиданности, когда кто-то спросил его:

— Что ты делаешь здесь, сын мой?

Перед ним стоял человек в длинном белом одеянии. Голакондаполайя понял еще тогда, когда вошел в дом, что этот человек здесь главный.

— Смотрю, — ответил вежливо Голакондаполайя.

— А ты знаешь, кто это? — спросил главный.

— Ченчуамма, — выпалил Голакондаполайя.

Главный улыбнулся и сказал:

— Так, значит, ты янади.

Голакондаполайя утвердительно кивнул.

— А это, — сказал главный, показывая на портрет, — Святая дева — мать Иисуса Христа.

— Тебе здесь нравится? — вновь спросил главный.

Голакондаполайя не смог скрыть своего восхищения и удивления от всего, что он увидел в этом доме.

Главный одобрительно кивал головой. Голакондаполайе нравились его белое длинное одеяние, пышная, мягкая борода и понимающие добрые глаза. Никто в городе до этого с ним так хорошо не разговаривал.

Потом главный сказал, что дом этот — храм, или церковь, женщина и израненный человек — его боги, а сам он священник, или жрец. Все зовут его отец, и Голакондаполайя тоже может звать его отцом. После этих слов на янади напала какая-то оторопь, и тут он вспомнил, что говорил ему дядя. И решил немедленно уйти. Но новоявленный отец пригласил его сесть. Голакондаполайя присел на краешек скамейки. Было неудобно, но он из вежливости терпел.

— Хочешь приходить сюда и молиться нашим богам? — спросил его отец. — И тогда все, кто сюда ходит, будут братьями и сестрами.

— Ого! — Голакондаполайя даже привстал от изумления. — И те белые тоже будут моими братьями и сестрами?

— Конечно, сын мой.

— И я должен буду о них заботиться и их кормить? Как принято у янади? Но ведь моих денег на всех не хватит!

Отец снисходительно улыбнулся и объяснил, что тогда эти братья и сестры будут помогать ему, Голакондаполайе.

Янади задумался. Ему не хотелось расставаться с привычной ему Ченчуаммой, да и такое множество братьев и сестер его пугало.

Священник почувствовал колебания подметальщика. И применил уже не раз испытанный метод.

— Я дам тебе красивый железный крестик, — сказал он, — и еще двадцать пять рупий в придачу, если ты выполнишь, мою просьбу.

— Вы меня просите, чтобы я приходил сюда молиться? — переспросил янади.

— Очень прошу, — подтвердил отец.

Голакондаполайя был добр и не мог никому отказать в просьбе. Отцу он тоже не смог отказать и поэтому неожиданно для себя стал

христианином. Домой он возвращался в приподнятом настроении. Дядя даже не подозревал, сколько полезных приобретений сделал его любимый племянник за сегодняшний день: два чужих бога, один железный крестик, двадцать пять рупий, отец в белом одеянии и множество братьев и сестер, среди которых значилось несколько белых. Когда Голакондаполайя уже в третий раз сбивчиво объяснил все это, дядя наконец понял, что произошло. Дядя был старым и мудрым янади.

— Хорошо, — сказал дядя, — а как теперь ты выпутаешься из этой истории?

— А зачем мне выпутываться? — весело и самонадеянно спросил Голакондаполайя.

— Как зачем? — удивился дядя. — А что будет с тобой после смерти? Тебе придется идти в Верхнюю страну христиан. А страны, где все твои предки и куда идут после смерти янади, тебе уже не видать.

Голакондаполайе вдруг стал ясен весь ужас свершившегося. Радость мгновенно улетучилась. Он обхватил голову руками и стал раскачиваться из стороны в сторону, издавая всхлипывающие звуки. Дядя печально взирал на племянника. Но Голакондаполайя не зря славился тем, что находил выход из любого трудного положения. Голова у него работала хорошо. И сейчас она неустанно трудилась над поиском выхода. И по мере того как напряженная мысль Голакондаполайи формировала этот выход, всхлипывания и завывания становились тише, а раскачивания не такими головокружительными. Наконец он совсем успокоился и обрел способность снова говорить.

— Теперь все в порядке, — заявил он дяде. — Я знаю, что мне надо делать. За день до смерти я снова обращусь к Ченчуамме, выброшу крестик и пойду в Верхнюю страну янади. Только бы мне об этом не забыть.

У дяди от изумления отвисла нижняя челюсть. Племянник превзошел его в мудрости...

Ну а многочисленные братья и сестры, как же с ними? Долгое время Голакондаполайя питал к ним самые братские чувства. Правда, эти чувства не находили должного отклика в душах и сердцах вновь обретенных родственников. А потом случилось вот что. Голакондаполайю не пустили в каменный дом, когда там шла

торжественная служба в честь юбилея невесть откуда взявшегося третьего бога со странным именем апостол Фома Неверующий. И все из-за того, что на Голакондаполайе была одна набедренная повязка. Рубашку «братья» и «сестры» ему так и не купили, а у самого него не было для этого денег. В тот день он ушел от дверей каменного дома с чувством облегчающей потери.

Вот и вся история о христианине. К этому можно добавить, пожалуй, еще одно. Единственный христианин янади до сих пор мучается теологической проблемой: не забыть за день до смерти вновь обратиться к надежной и испытанной богине Ченчуамме.

Улыбка янади

Это случилось в первый день моего появления у янади. Мы остановились у очередной безымянной деревни. У крайней хижины на выжженной земле сидело несколько человек: старик, молодой мужчина, женщина и мальчик.

— Здравствуйте, — вежливо сказала я.

Мне никто не ответил. Все четверо какую-то минуту молча рассматривали меня.

«Что за странное племя», — подумала я. И стала ждать. И вдруг как будто луч солнца озарил лица сидевших. Они улыбались. Улыбались удивительно искренне и приветливо. И я поняла, что теперь все в порядке. Просто у них не было слова для приветствия. И вместо этого они одаривали человека этой удивительной улыбкой.

Улыбка янади не была чем-то однозначным. Освещая лицо человека, она свидетельствовала о многом. В ней были робость и смущение, открытая радость, иногда немного печали, удивление и нежность, затаенная горечь и прямота смелости. Короче говоря, в этой особенной улыбке как в фокусе сосредоточивалось все, что было свойственно характеру самих янади. Характер этот формировался в течение многих веков в специфических племенных условиях, в теснейшем общении с природой, в среде традиционных представлений об окружающем мире. Окружающий мир менялся быстро, а представление о нем — медленно. Со временем увеличивалась своеобразная несовместимость характера и представлений янади с городом и бытовавшими в нем отношениями. Несовместимость эта почти вычеркнула янади из современного общества и создала в этом обществе представления о племени. Представления эти оказались более примитивными, чем сами янади и их характер. Они сводились к определенному набору эпитетов, прочно прилипших к племени. Чтобы найти эти эпитеты, не надо было обладать ни оригинальностью мышления, ни душевной чуткостью. Янади ленивы, говорят горожане и крестьяне окрестных деревень, янади глупы и тупы, они непрактичны и медлительны, они... Да стоит ли все это повторять? На

это янади отвечает только улыбкой, в которой так много простого человеческого достоинства.

Город шумен и непонятен. Все куда-то бегут и торопятся. Здесь, а не в джунглях обречен теперь янади добывать средства к существованию — деньги. Деньги можно только заработать. Остальные пути их добывания янади не известны.

Деньги... Сколько человеческих конфликтов, трагедий и кровавых историй связано с ними! Но об этом янади пока не знают. К деньгам и работе они подходят с позиций древних собирателей и охотников. Если в хижине нет еды, надо идти в джунгли и добыть ее. Когда еда есть, то не надо беспокоиться. Можно не идти в джунгли, можно сидеть на берегу реки и замороженно смотреть на игру ее струй, можно следить за облаками, плывущими по небу, можно бить в барабан и танцевать. Можно многое. А завтрашний день? В данную минуту это понятие почти абстрактное. Завтрашний день неясно рисуется в призрачной дымке отдаленного будущего.

Что такое работа и деньги? Это еда сегодняшнего дня. Это беззаботный вечер и ужин для всей семьи. Нужно ли беспокоиться о завтрашнем дне? Тысячелетиями предки янади не умели этого делать. Могут ли потомки научиться этому за сотню лет?

Когда живешь сегодняшним днем, деньги теряют свою ценность. Деньги и янади существуют пока отдельно. Поэтому в городе говорят: янади не знают цены деньгам. Они не копят деньги, не ссужают их под проценты, не покупают на них лавки и магазины, не пересчитывают жадно денежную прибыль, не ссорятся из-за них, не грабят, не убивают. Янади будет честно трудиться целую неделю, но, получив деньги, он на следующий день не придет на работу. Перед ним стоит важная проблема: скорее истратить эти деньги. Пока эта задача не разрешена, янади вновь на работе не появится. Получая деньги, он не станет их пересчитывать. Просто потому, что не умеет считать. Он овладел счетом в пределах десяти, таблица умножения ему не знакома, и он не в силах пока ее постичь. Он берет столько денег, сколько дает ему хозяин, и претензий не предъявляет. Если хозяин совсем не дает денег, янади тоже спокойно уходит. Поэтому в городе и смеются над янади, считая, что каждый может их обмануть. Но не каждому из смеющихся под силу поступить так, как янади. Он не будет валяться в ногах у притеснителя и вымогателя, не будет униженно выклянчивать

рупии и не будет плакать. Для этого он слишком горд, самостоятелен и независим. Он привык во всем полагаться только на самого себя. Чужому миру не сделать из него раба. И он не хочет и не желает зависеть от людей этого мира. Он пока еще янади. И у него есть какое-никакое, но свое племя. Он одаривает обидчиков обезоруживающей улыбкой. Улыбкой янади.

Голод не причина для плохого настроения янади. Недоедание — почти обычное его состояние. Ну а те, у кого оказались деньги? Как они их тратят? Они идут на рынок. Здесь их снова обманывают и обсчитывают. Янади покупает риса ровно столько, сколько нужно на сегодняшний день. Завтрашний день вновь растворяется для него в неясной дымке. Какие-то деньги еще остаются, и вторая важная покупка — кусок ткани для жены. А если и после этого останутся деньги, янади может осуществить свою заветную мечту — покататься на автобусе и даже на поезде. В автобусе или вагоне он садится на пол и с замиранием ждет, когда тронется эта чудесная машина. От быстрого движения у него ёкает внутри, сжимается сердце и чуть кружится голова. Он не представляет себе, куда он едет и зачем. Главное — едет.

В раскрытые окна врывается теплый ветер и мелькают дома и придорожные деревья. Немного жутковато, в этот момент он считает себя самым везучим человеком на свете. Он, городской янади, знает, что тысячи его соплеменников до сих пор не держали монеты в руках, не ездили в автобусе, ни в поезде, ни на телеге. И жизнь ему кажется в этот момент счастливой и удивительной. Из этого счастливого забытья янади нередко выводит пинок контролера, обнаружившего, что билет странного пассажира давно уже кончился. Не возражая и не споря янади покидает вагон и бодро шагает по шпалам — опять в город. Обратный путь может занять и два и три дня. Семья терпеливо ждет отсутствующего кормильца, не высказывая при этом ни беспокойства, ни волнения. Съестные припасы, которые он наконец приносит, уничтожаются немедленно при общем ликовании всех домочадцев. А когда наступает завтра и в хижине не обнаруживается ни горстки риса, янади вновь отправляется на работу. В работе он проявляет творческое начало, которое средний горожанин считает недопустимой роскошью. Янади не возьмется за любую работу. Он выберет ту, что ему по душе. Если ему нравится быть садовником и ухаживать за цветами, он не

станет подметальщиком. Если ему интересно крутить педали велорикши, он не наймется батраком к соседнему помещику. Но город и окрестные деревни не в состоянии удовлетворить индивидуальные запросы янади в работе. Тогда янади будет голодать, но не возьмется за труд, который ему не интересен. Где-то в глубине своей души он всегда остается бескорыстным свободным художником. И это тоже не нравится городу.

Крестьяне соседних деревень удивляются, как можно пренебрегать акром земли и парой буйволов, которые правительство предоставило янади в некоторых колониях хариджан. Как можно так легко терять такую собственность! Но янади не привык ни к собственности, ни к обработке земли. Он пока, как это ни поразительно, остается еще охотником и собирателем. Традиции предков продолжают жить, и их инерция еще велика.

Мой неллурский друг Рагавия, много лет занимавшийся благотворительной работой среди янади, как-то сказал мне:

— Ведь надо понять одно, что обеспеченное жилье, надежное занятие и беспокойство о завтрашнем дне — вещи, о которых янади не думали миллионы лет.

— «Миллионы лет» — это сильно сказано, — возразила я. — Первые миллионы лет об этом никто не думал.

— Ну хорошо, — поправился Рагавия, — по крайней мере они об этом не думали последние две тысячи лет. А впрочем, понаблюдайте за ними сами. И особенно в городе. Это будет интересно.

И я стала наблюдать. Отличить янади в городской толпе было нетрудно. Их сухощавые фигуры с набедренными повязками грациозно и ловко лавировали в густом людском потоке. И в этой их грации было что-то от змеи. Они проскальзывали между горожанами, никого не толкая и не задевая. Иногда толкали их, но они легко отступали в сторону, и на лицах их появлялась улыбка извинения. Когда они выбирались из толпы, то опускали головы и пристально смотрели в землю. Сначала я не могла понять, что с ними происходит. Не могли же все янади находиться в состоянии печали и не могли все сразу поднять голову.

— Послушай, — сказала я одному из них, — почему ты идешь с опущенной головой? У тебя что-нибудь случилось?

— Нет, — оторопело посмотрел он на меня. — Я ищу.

— Что же здесь можно искать? — удивилась я.

— Все, — лаконично ответил он. — Здесь все можно искать.

Значит, и в городе инстинкт собирателя не покидает янади. Он идет по асфальтовым тротуарам, как по джунглям, и видит на этих тротуарах много больше, чем обычный горожанин. Его острые глаза лесного жителя замечают оброненную случайно вещь, и след, оставленный в пыли, и направление ветра, поднимающего бумажный сор. Город, так же как и джунгли, рассказывает ему о многом. И он отлично запоминает этот рассказ. Поэтому полицейский инспектор, ведущий трудное расследование, нередко прибегает к помощи янади. Только янади способен точно восстановить ход событий и обстановку. Но когда он рассказывает, его нельзя перебивать, а тем более задавать наводящие вопросы, ибо с последними янади немедленно начинает соглашаться. Ему надо дать возможность спокойно высказаться. В своем рассказе он не упустит ни одной детали, а сам рассказ будет, логичен и последователен. Единственно, что нужно янади от слушающего его человека, — это сочувствие к рассказчику и интерес к происходящим событиям. Поэтому янади будет смотреть вам в лицо и искать в ваших глазах понимание. А если вы еще подбодрите его восклицанием «хну!», что для янади равносильно нетерпеливому «что же случилось дальше?», тогда все будет хорошо.

Янади Венкатасвами однажды помогал полицейскому инспектору. Другой на месте янади сказал бы просто: ко мне пришел полицейский инспектор. Но это другой, а не янади. Для Венкатасвами короткая фраза «Ко мне пришел полицейский инспектор» была наполнена самими разнообразными событиями, умолчать о которых значило ничего не сказать. Поэтому эта фраза в устах рассказчика-янади выглядела так:

Это было давно, когда моя жена была беременна старшим сыном. Я сторожил снопы падди в поле Аччи Редди всю предыдущую ночь. На следующее утро я пошел к нему и сказал, что падди можно увозить с поля. Он сказал, что я могу позавтракать холодным рисом. Служанка Субби вынесла мне во двор миску риса. Я сел под лимонным деревом и наелся. Потом Редди попросил Субби дать мне табака, и женщина, которая хорошо мне улыбалась, принесла мне много табака. Я вернулся домой и спал целый день. Моя жена разбудила меня и позвала обедать. Я не встал, и она ворчала. Я проснулся на закате

солнца и поел риса с рыбным карри. И опять пошел спать. Моя женщина ворчала и ругала Редди и его рисовое поле. Я проснулся, когда закричал петух, выглянул в дверь и увидел, что светлеет. Я вышел наружу, справил нужду, потом вернулся к хижине и сел перед ней. Потом я заметил, что два человека идут к моей хижине. Одного я узнал, это был староста деревни. Другой был чужой. Он был средних лет с густыми усами и шрамом на левой щеке. Оба подошли к моей хижине. Я встал, и чужой спросил: «Ты Венкатасвами?» «Да», — ответил я. Тогда человек со шрамом заглянул в хижину и велел моей женщине выйти наружу. Она дрожа вышла.

Рассказ о разговоре с инспектором, о поездке Венкатасвами в город и успешной его деятельности на поприще неллурского уголовного розыска займет не один печатный лист. Этот рассказ вызвал первый конфликт между моим другом Рагавией и мной. Ортодоксальный брамин Рагавия, снисходительно относившийся к янади, считал, что рассказ свидетельствует о низком интеллектуальном уровне последних. Я же увидела в этом рассказе свидетельство отличной памяти, острой наблюдательности и внимания к чисто человеческим деталям жизни.

Что такое время? Это рассвет, полдень и закат. Все, что существует в промежутках, несущественно. Поэтому назначать янади точное время бесполезно: он все равно не придет вовремя. Не потому, что не хочет этого, а потому, что не имеет о точном времени никакого представления. Понятия о долге у него тоже свои. Он знает, что надо заботиться о семье, уважать родителей, чтить своих богов, добывать пропитание, поддерживать отношения с родственниками. Это — его обязанности перед собственным племенем, и он их выполняет. Но оказывается, что и соседний, чужой мир требует от янади выполнения каких-то обязанностей. Янади о чем-то просят, куда-то посылают, что-то заставляют делать. Но древний собиратель, идущий из одного конца города в другой с поручением, отвлекается часто на другие, более важные дела и спокойно забывает о поручении. И янади-рикши тоже часто отвлекаются и везут седока не туда, куда нужно последнему. Если седок говорит «направо», рикша из племени янади спокойно может повернуть налево. Пассажир не подозревает, что для янади «право» и «лево» — понятия абстрактные и поэтому трудноусвояемые.

Пассажир раздражается, начинает ругаться и оскорблять «тупого» рикшу.

Но рикша, к его удивлению, не отвечает ни на брань, ни на оскорбления. Он только улыбается открыто и доверчиво.

Сами янади никого не ругают и не оскорбляют. Они одинаково вежливы и с прачкой, и с брамином. Соблюдая эту традиционную вежливость, янади никогда с чужими не заговорит первым. Что еще можно сказать о характере янади? В них живет честность и верность. Они терпеливы в горе и несчастье. Янади редко плачут и редко впадают в меланхолию и депрессию. Только печаль, спрятанная где-то в глубине глаз, выдает их состояние. Их мужеству иной раз можно позавидовать. Единственное место, где янади теряет это мужество, — больница или поликлиника. Запах лекарств, непонятные инструменты и строгие люди в белых халатах повергают янади в панику и обращают в позорное бегство. Все это производит на них то же впечатление, что и появление духа около хижины или на тропинке в джунглях. Пожалуй, это два момента в жизни янади, когда он теряет способность улыбаться. Ибо известно, что на духов и врачей улыбки не действуют.

Звезда Арундати

Темной безлунной ночью Ченчамма бежала третий раз из дому. Она проснулась незадолго до рассвета, когда сон обитателей ее хижины был особенно крепок. Тихо, стараясь не дышать, проскользнула между спящими и нырнула в прохладную темень ночи. Свежий воздух тек откуда-то со стороны далеких гор, и Ченчамма зябко поеживалась. Над деревней висело низкое черное небо, усеянное звездами. Она подняла глаза к небу и в самом его уголке нашла желанную звезду Арундати. Звезда мерцала тускло и неверно. Примета была плохой. Но теперь Ченчамме было все равно. Она обхватила себя руками и еще несколько мгновений наблюдала за звездой. Но Арундати не становилась ярче.

Где-то в отдалении завывала собака, и Ченчамма пугливо насторожилась. Но в деревне по-прежнему было тихо, и конусы пальмовых хижин смутно и мирно вырисовывались в темноте. И только внизу, у обрывистого песчаного берега, журчала, перекатываясь по камням, неглубокая речка. Стараясь не шуметь, Ченчамма спустилась к реке и ступила в воду. Она хотела было вскрикнуть (вода оказалась неожиданно холодной), но вовремя спохватилась, и крик застрял в горле. Она перешла реку и выбралась на противоположный пологий берег. Отсюда было недалеко до шоссе. Но до него надо было идти до рассвета. Это был самый опасный участок пути. Открытый и плоский. И если ее начнут преследовать, укрыться будет негде. Тогда ее снова схватят, как в прошлые два раза.

Она ускорила шаги. Небо по-прежнему оставалось темным, а желанная звезда Арундати, желто и неверно померцав, скрылась за облаком. Ченчамма вздохнула, но шаг не сбавила. И вскоре ее тонкая стройная фигурка растворилась в предрассветной густой темноте.

Третий раз Ченчамма, непокорная дочь Полии, сделала попытку отстоять свою свободу и свою любовь. С тех пор как Ченчамма себя помнила, она жила в деревне на берегу реки. У деревни, как и у многих деревень янади, не было названия. Зато у девочки было длинное и красивое имя Маникалаченчамма. «Маникала» — значит

«зерно». Так назывался род ее матери. По древним законам предков название рода матери прибавлялось к имени ребенка. Теперь, когда многое забыто, об этом не часто вспоминают. И даже дети стали получать имя рода отца. Но мать соблюдала древние законы. Отец Ченчаммы был из соседнего рода Ига, что значило «муха». Все звали отца Игаполия. Игаполия почти каждый день на рассвете уходил на реку. Он был искусным и удачливым рыболовом. Ченчамма оставалась с матерью и помогала ей в ее нехитром хозяйстве. Когда ее хозяйственные обязанности кончались, Ченчамма бежала на реку и барахталась в воде с остальными ребятами деревни. Они играли всегда вместе, мальчишки и девочки. Самым ловким из них был Гантайя из рода Чукка — «звезда». Он плавал лучше всех и умел нырять с открытыми глазами. Гантайя доставал со дна реки красивые разноцветные камушки и ловил маленьких юрких крабов. Иногда он приносил все эти сокровища Ченчамме и робко клал их у порога ее хижины. Ченчамма улыбкой благодарила его. В языке янади не было слова «спасибо», и люди, когда хотели поблагодарить, всегда улыбались.

Прошло несколько лет, и Гантайя превратился в сильного и стройного юношу. В нем была удивительная природная грация, и он скоро стал лучшим танцором в деревне. Лунными ночами, когда в деревне начинались танцы, он был всегда первым. Ни одна женщина, ни один мужчина не могли так красиво и ловко двигаться под ритм барабана. Они всегда танцевали вместе — мужчины и женщины, девушки и юноши. И Ченчамма, танцуя вместе со всеми, смотрела только на Гантайю. Гантайя время от времени чуть смущенно поглядывал на нее. И от этого взгляда у Ченчаммы глубоко внутри что-то сладостно сжималось.

Гантайя уже не приносил ей с реки разноцветные камешки и смешных крабов. Как и все мужчины, он стал заниматься серьезным делом — ловить рыбу. Ловил рыбу вместе со своим отцом. Гантайя был старшим из детей в своей семье и должен был заботиться обо всех, как любой взрослый. Но однажды Гантайя не пришел на реку, а Ченчамма слышала, как в его хижине бил барабан шамана. Шаман изгонял злого духа из отца Гантайи, того духа, который не давал пошевелиться старику и выжимал из него обильный пот. Шаман жег в

хижине Гантайи благовонную смолу и целый день читал заклинания. Но злой дух не покидал старика. Так продолжалось неделю.

Теперь Гантайя рыбачил на реке один. Отцу становилось все хуже. Злой дух оказался цепким и покинул отца только вместе с его душой. После смерти мужа мать Гантайи приняла твердое решение: вся семья перекочует в деревню, где жил ее родной брат, дядя Гантайи. Чуккавенкайя теперь будет им за отца. Древние законы племени предписывали каждому мужчине заботиться в первую очередь о своей сестре и ее детях, потому что все они принадлежали к одному роду. И законы рода были строги.

Так Гантайя покинул деревню Ченчаммы. Время от времени он появлялся в деревне, чтобы повидаться с девушкой. Они садились на обрывистом берегу реки и тихо разговаривали. Иногда Гантайя касался руки и ног Ченчаммы. Большого он себе позволить не мог. Церемония зрелости, после которой девушка может стать женщиной, еще не состоялась. А до этой церемонии она для каждого мужчины — табу. Однажды Ченчамма сказала Гантайе, что скоро состоится ее церемония.

— А потом, — добавила она, — на празднике бога гор Венкатесвара мы обо всем договоримся.

Гантайя знал, что значит праздник бога гор. На нем всегда договариваются, кто будет чьим мужем и чьей женой. Правда, горы были далеко от их места, поэтому Венкатесвара обитал на окрестных кварцевых холмах. На этих же холмах раз в год устраивались ночные танцы. Это были веселые и быстрые танцы. Танцы их предков. Предки умели пошутить и посмеяться. В вихревом сплетении тел, под смех, песни и грохот барабана они знали, как договориться о самом важном. Родители в эти дела не вмешивались. У них были свои привязанности, и они тоже могли договариваться. Замужняя женщина могла договориться еще с одним мужчиной, а женатый мужчина с новой женщиной. Старики рассказывали, что женщины в старину имели по несколько мужей. Теперь этот обычай забывается. Редко у кого по несколько мужей. Зато несколько жен встречается чаще. Однако всех их содержать трудно, и поэтому жены обычно живут отдельно. Но Гантайе было достаточно одной жены — Ченчаммы.

Наконец пришел день церемонии зрелости для Ченчаммы. Накануне этого дня в деревне появился дядя брата ее матери.

Ченчамма знала, что дядя навещает редко, но, когда в семье важное событие, дядя всегда приходит. Дядя был сухим и маленьким человеком с темной морщинистой кожей.

— Ты знаешь, зачем я пришел? — улыбаясь спросил он Ченчамму. — Я без дела не прихожу.

Ченчамма уже догадалась, зачем пришел дядя. Перед закатом солнца дядя стал строить для нее церемониальную хижину. Только дядя мог отвести от нее злых духов. И поэтому он, как и шаман, жег благовонную смолу в этой хижине и читал заклинания. Утром мать принесла ей новую одежду, и Ченчамма, сопровождаемая всей деревней, направилась в хижину. В хижине стоял горшок для омовения. Девять дней, как предписывали предки, девушка провела в церемониальной хижине и каждый день совершала омовения. На десятый день дядя вывел ее из хижины, снял с нее новую одежду и сжег ее на костре. Потом все танцевали вокруг этого костра, пели шуточные песни в честь Ченчаммы и желали ей красивого мужа. Через несколько дней после церемонии в деревне появился Гантайя. Теперь он был нетерпелив и настойчив. От робости, которую он испытывал до церемонии, не осталось и следа.

В эту ночь они долго сидели на холме за деревней и смотрели на маленькую звездочку Арундати. Им казалось, что эта звезда была самой яркой. Арундати считалась символом любви и семейного счастья янади. Теперь они стали мужем и женой, но окончательно договориться обо всем можно было только на празднике горного бога.

Никто в деревне не осудил Ченчамму. Янади считали, что если люди любят друг друга, они должны и принадлежать друг другу. Неважно, что связь эта будет узаконена потом. Главное — правильно выбрать будущего мужа или жену. А выбор — дело сложное. Правда, если выбор оказывался неудачным, то ничего страшного не происходило. Можно было начинать все сначала. Ну, а если уже поздно и женщина ждет ребенка? Для янади это «поздно» не существует. Обязательно найдется мужчина, который полюбит эту женщину и будет заботиться о ее ребенке. А если не найдется? Тогда она его найдет...

Да, никто в деревне не осудил Ченчамму. И все было бы хорошо, если бы не ее собственный отец Полия. Не зря Полия принадлежал к мушиному роду Ига. Известно, что люди этого рода отличались

беспокойным характером, настырностью и упрямством. Полия одно время работал в городе и нахватался там неведь чего. Время от времени его лохматую голову посещали идеи, которые казались его соплеменникам странными и невыполнимыми. На этот раз у Полии тоже возникла идея. Ему захотелось породниться с полицейским. У полицейского был красивый тюрбан, блестящая кожаная портупея и пистолет. Он важно расхаживал на углу улицы рядом с садом, где Полия сажал цветы и подстригал деревья. Полия наблюдал за ним, каждый раз замирая от восхищения. И однажды он представил себе, как он приводит полицейского в свою хижину и тот становится его зятем. И одна картина радужнее другой стали сменяться в его воображении. Вот он появляется с полицейским в деревне. Все выстроились перед ним и дрожат. Янади всегда боятся полицейских: от них им ждать хорошего не приходится. А Полия не боится: полицейский теперь его собственный зять. Или вот еще как. Он идет по городу. И все перед ним почтительно расступаются. И он слышит, как люди говорят: «Вот идет Игаполия, его зять — наш важный полицейский». Полицейский станет приносить в его хижину рис и одежду, и все они будут сыты и одеты.

Наконец Полия решился. Он подошел к полицейскому и предложил ему дочь в жены.

— Ты что, старик, рехнулся? У меня же... — начал тот, но осекся.

Полицейский был молод и в предложении странного старика увидел возможность забавного и приятного приключения. Редди, так звали его, быстро договорился с Полией и обещал через день-два навестить в деревню. Окрыленный успехом, Полия целый день хвастался в деревне удачей. Только Ченчамма не обратила на это внимания и не приняла слов отца всерьез. Она слишком хорошо его знала. Но прошло несколько дней, и в деревне появился полицейский. Ченчамма, стройная и большеглазая, сразу приглянулась ему.

— Ну что ж, — снисходительно посмеиваясь, сказал Редди, — будешь моей женой.

— Нет, — решительно ответила Ченчамма. — Я твоей женой не буду. Я люблю Гантаю.

— Ха-ха! — затрясся Редди. — Она любит Гантаю. Это даже интересно!

И ему, действительно, стало интересно. Банальное приключение приобретало эмоциональную и даже драматическую окраску. Он подошел к Ченчамме, взял грубой рукой ее за подбородок и сказал:

— Смотри теперь у меня. Редди не из тех, кто упускает хорошеньких девчонок. Сейчас мне некогда, но приду через неделю. Так что приготовься.

Ченчамма резко вырвалась от него и убежала на реку. Редди для солидности еще посидел в деревне, а потом насмешливо бросил Полие: «Пока, тесть», — и удалился.

— И-эх — сказала Полие жена. — Старый, а ума не нажил! — и в сердцах разбила единственный горшок.

Ночью этого дня Ченчамма первый раз бежала из дому. Но Полия был бдительным. Он почувствовал настроение дочери. Они с братом поймали девушку, когда она была уже за рекой, и вернули домой. А Гантайя все не приходил. Видимо, был занят своими мужскими делами.

Полицейский сдержал свое обещание и воскресным утром снова появился в деревне. Ботинки его были до блеска начищены, а сбоку грозно висел пистолет. Полицейский был полон решимости и настроен серьезно.

— Ну как, одумалась? — спросил он Ченчамму.

Он уже знал о ее побеге.

— Я не буду твоей женой, — ответила она.

— Слушай, — сказал Редди, — перестань упрямиться. Ведь всем известно, что женщины-янади сговорчивые. Вы ведь и до замужества спите с парнями. А ты что, особенная?

— Мы спим, когда любим, — громко сказала Ченчамма. — И тебе этого не понять.

Редди опять захохотал:

— Как это, не понять? Ишь ты! Так ведь это проще простого. Подумаешь — переспать! И ты это брось! Ты будешь есть рис каждый день, если уйдешь со мной в город. Сари куплю тебе красивое.

— Не надо мне ни риса, ни сари, ни тебя! — последовал дерзкий ответ.

— Ченчамма! Что ты делаешь? — вдруг вне себя закричал Полия. Он был сердит и раздражен. Его мечта, так долго лелеянная и так великолепно и хитроумно осуществленная, теперь разбивалась на

куски об упрямство этой девчонки. Разбивалась на куски прямо на глазах у изумленных и потрясенных жителей деревни. И на глазах его самого. Это было свыше его сил.

— Подожди, старик, не ори, — повелительно приказал Редди. — Сейчас она заговорит по-другому.

Полицейский сдвинул кобуру и стал вытаскивать пистолет. Ему уже порядком надоела эта история. Но отступить от девчонки ему не хотелось. Он очень надеялся, что пистолет ускорит ход желаемых событий. При виде пистолета всех свидетелей этой захватывающей сцены сдуло как ветром. Даже Полия малодушно спрятался за хижину. А у Ченчаммы ноги как будто приросли к земле. Она не могла шевельнуться и стояла перед Редди тонкая, прямая, с посеревшими губами.

— Ну как? — спросил полицейский, поигрывая пистолетом. — Теперь согласишься?

— Нет, — с трудом выдавила из себя девушка.

Полия глухо застонал за хижинкой.

— Ну так пеняй на себя! — глумливо улыбаясь, сказал Редди. — Теперь стреляю. Раз, два...

Полия заткнул уши. Он однажды слышал, как громко стреляет пистолет.

— Три!

— Нет!

И это «нет» было громче и сильнее пистолетного выстрела.

Полицейский рванул кобуру и дрожащими пальцами стал засовывать туда пистолет. В хижине стонала мать от страха и горя.

— Эй ты, вонючий шакал! — закричал Редди Полие. — Выползай! А когда придешь в себя, сам приведешь мне ее в город.

Ченчамма тихо и безмолвно опустилась на теплую землю...

Известия быстро распространяются по всей округе янади. Но в пути меняются многие детали, а иногда смысл новости. Так Гантайя узнал, что Ченчамма собирается стать женой важного полицейского из города.

Он бежал целый день, не разбирая дороги. Он не знал куда бежал. Он просто убегал от своей боли, но она настигала его, валила обессиленного в кусты. Затем встряхивала, поднимала и вновь бежала вместе с ним. Она была такой невыносимой и неотступной, что смерть

казалась Гантайе желанной и облегчающей. К вечеру, совсем обессиленный, он добрел до полотна железной дороги. Оступаясь, поднялся на насыпь, положил голову на рельсы и стал ждать. Сталь рельсов приятно холодила разгоряченную щеку. Гантайя начал понемногу успокаиваться, но решимость погибнуть под поездом не проходила. Теперь он лежал на рельсах, отрешенный от всего мира, от своего прошлого, от Ченчаммы. Было тихо, очень тихо. И эта тишина давила. Потом тишина наполнилась каким-то поющим звуком. Гантайя не мог понять откуда шел звук. Он прислушался и понял, что звучали рельсы. Звук неотвратно нарастал, и Гантайе становилось страшно. Он втянул воздух и почувствовал, что пахнет гарью. Подходил поезд. А рельсы теперь гремели, как тысячи хорошо натянутых барабанов. Смерть получалась шумной, а это было не в духе янади. И дух этот в нем взбунтовался. Дрожа от испуга, Гантайя вскочил с рельс, но не успел отдернуть правую руку. Колесо проехало по пальцам. Острая боль пронизала все тело. И в этой боли, страшном грохоте, дыму и сверкании огней унеслось куда-то в ночь чудовище поезда. И тогда Гантайя почувствовал, что теплые струйки крови стекают по телу из раненой руки. Он инстинктивно прижал к себе запястье...

И снова известия поползли из одной деревни янади в другую. Так Ченчамма узнала, что Гантайя из-за нее бросился под поезд. Но она была женщиной. А женщины в племени янади (как, наверно, и везде) благоразумнее и рассудительнее мужчин. Ченчамма решила пойти в деревню Гантайи и узнать о случившемся на месте. Так она сделала вторую попытку сбежать из дому. И снова Полия перехватил ее. Ему хотелось выполнить приказ полицейского и привести дочь в город. Но... не тащить же ее на спине. Полия больше не работал садовником в городе. Он боялся встречаться с Редди. А Ченчамма целыми днями сидела в хижине наедине со своим горем. Она отказывалась даже от той скудной пищи, которая была в семье. Но в один прекрасный день, когда Полия и его брат были на реке, в хижину сунулась улыбающаяся физиономия Гантайи. Ченчамма даже не вскрикнула. Она смотрела на Гантайю широко открытыми глазами и ничего не говорила. Так смотрят на внезапно материлизовавшийся дух предка. Правая рука Гантайи была на перевязи, и он смог обнять ее только левой.

— Так ты не стала женой полицейского? — только и спросил он ее.

Ченчамма покачала головой и почувствовала, что в жилах духа, когда-то бросившегося под поезд, течет настоящая человеческая кровь, только, пожалуй, слишком горячая...

В тот день они договорились обо всем. И вот теперь эта прохладная ночь третьего побега. Несмотря на то, что звезда Арундати вела себя в эту ночь сомнительно, Ченчамма с рассветом уже была в деревне Гантайи.

Род Звезды был возмущен родом Мухи.

— Виданное ли дело, — сказала мать Гантайи, — вмешиваться в дела дочери. Полия совсем выжил из ума. Это все его городские штучки. Это там родители суют свой нос, куда не следует.

Как бы то ни было, а брачная церемония должна была состояться в доме невесты. И люди рода Звезды направились увещевать Полию.

Полия вздыхал и отводил глаза. Ибо перед этими глазами неотступно стоял образ важного и рассерженного полицейского с пистолетом.

Переговоры грозили стать затяжными. Но решительно вмешалась мать Ченчаммы.

— Ченчамма — моя дочь, — сказала она. — И свадьба будет здесь. А ты, — повернувшись к Полии, — можешь отправляться к своему важному полицейскому.

— Нет-нет, — малодушно забормотал Полия. Одна только мысль о встрече с Редди приводила его в трепет. Полия, махнув рукой на все, удалился на безопасное расстояние от обеих договаривающихся сторон. Оттуда он пытался подавать кое-какие реплики. Например: как быть с завязыванием тали. В городе невесте завязывали тали — ожерелье для замужней женщины, — и некоторые янади тоже делают это. Правда, такого ритуала удостоиваются только невинные девицы, сказал ему брат в городском храме. Жена снова прервала его туманные рассуждения на этот счет.

— Что тебе далось это тали? Наши предки никогда этого не делали. Мы тоже обойдемся.

Довод был убедительным, и Полия окончательно замолчал.

А потом было много цветов. Хижину Ченчаммы украсили лотосами, в волосы невесты вплели гирлянды жасмина. Люди рода Звезды и рода Рисового зерна пели и танцевали в тот день и вечер. А представители рода Мухи все больше сидели и помалкивали. Они

считали себя в чем-то ущемленными. Но в чем именно, так и не могли разобраться. Может быть, они жалели Полию и его погибшую мечту.

А когда вошла желанная звезда Арундати, Ченчамма и Гантайя долго смотрели на нее. Все янади, которые хотят счастья в любви, смотрят на нее. Особенно в день свадьбы.

Утром Гантайя на краю деревни построил для Ченчаммы и для себя хижину из пальмовых листьев. С этого дня Ченчамма перестала звать Гантайю по имени. «Мой янади», — теперь говорит она.

Моя женщина

На пыльной дороге, ведущей в колонию хариджан, шла какая-то потасовка. По столбу поднятой пыли я поняли, что дела обстоят серьезно. Солнце било мне в глаза, и я смогла различить только темные силуэты двух людей. Люди дрались. Причем один из них явно брал верх. Победенный, несколько раз упав в пыль, так и остался на дороге. Я подошла ближе и с удивлением обнаружила, что в роли славного победителя выступала моя знакомая Поламма.

— За что это тебя так? — спросила я поверженного.

Мужчина поднял голову, и я узнала мужа Поламмы. Под глазом Суббайи цвел великолепный синяк. Синяк стремительно менял свою окраску и превращался на глазах в украшение, которое играло всеми цветами радуги.

— Ну и ну, — сказала я. — Что же это такое?

— Что такое? — уныло переспросил Суббайя. — Это — моя женщина.

Поламма стояла в отдалении, не считая нужным пока вмешиваться в наш разговор. «Ничего себе, „моя женщина“, — подумала я, — надо же поставить такой синяк». Так за что же это тебя? — снова спросила я.

— Как будто бьют всегда за что-то, — увиливая от ответа, философски произнес Суббайя.

Услышав такой невразумительный ответ, «моя женщина» решительно двинулась к нам. Я оглянулась вокруг, стараясь найти путь к отступлению. Суббайя малодушно втянул голову в плечи и прикрыл ее руками. Но мир уже входил в душу Поламмы.

— Значит, ты не знаешь, за что я тебя побила? — уже спокойно спросила Поламма.

Суббайя ничего не ответил и обреченно уставился на пыльную дорогу.

— Ты бы, амма, тоже его побила, — сказала Поламма, обращаясь ко мне. — Любая женщина за это побила бы. Я иду в город, а он вздумал за мной шпионить. Видала такое? Он думает, что у меня в

городе другой мужчина. И решил меня на этом подловить. Ну и что из этого получилось? — и она ткнула пальцем в сторону поверженного Суббайи. — Так будет каждый раз, — категорически изрекла она. — Это же надо такое придумать, шпионить за женщиной! Не доверять своей жене! Жалкий ты человек! — Поламма снова повернулась к Суббайе.

«Жалкий человек» сразу сообразил, что Поламма начинает входить в раж. Не поднимаясь, он стал медленно отъезжать от нас, загребая ногами пыль. От Поламмы не укрылся этот маневр. Сплюнув, она наградила еще одним пинком униженно согнутую спину, потом развела руками, призывая меня в свидетели безобразного поведения «жалкого человека», и гордо удалилась. Она шла по дороге, прямая и сильная. Женщина, самостоятельно защитившая свое достоинство.

Женщины в племени янади занимают особое место. Времена, когда господствовал материнский род с его своеобразными традициями, с его свободой женщины, с ее самостоятельностью, для янади еще не кончились. Городская сестра янади уже потеряла все это. Патриархат выбил из-под ее ног почву. Женщина янади еще прочно стоит на этой почве. И определение «сильный пол» относится прежде всего к ним. «Моя женщина» — так называет янади свою жену. В племени янади нет холостяков, потому что жизнь мужчины без «моей женщины» будет социально неполноценной. Без жены он окажется беспомощным во многих вопросах. Взять хотя бы традиционные церемонии. Кто знает досконально, как поступить с духом предка, как принести жертву богине, в какой день устроить поминки по умершему? Женщины. В этой области они своего рода эксперты. Они — хранительницы традиционных знаний, они — блюстительницы древнего образа жизни. Они передают этот опыт из поколения в поколение, от матери к дочери. Но женщины янади — люди разносторонние. Как ни странно, они оказались приспособленными к современному миру лучше, чем мужчины. Может быть, здесь сыграли свою роль гибкость женского ума, умение быстро ориентироваться, смелость и женская самостоятельность. Сейчас трудно сказать что-то определенное. Но факт остается фактом. Мужчина не примет решения, не посоветовавшись с «моей женщиной». Мужчины янади уже много веков убеждены в том, что женщины опытнее и умнее их. Чем старше

женщина, тем больше у нее этих качеств. И поэтому женитьба на женщине старше себя — большая удача.

Большинство браков янади именно такие. Да и как же иначе, если женщинам приходится вести все дела своих мужчин. Нужно, например, о чем-то договориться с очередным чиновником. Мужчины к нему без женщин не пойдут. Переговоры с чиновником ведут женщины. Мужчины останутся позади, будут переживать, сочувствовать и кивать головами в знак одобрения каждого слова, сказанного «их женщинами». Если у янади возникает конфликт с хозяином, на поле которого он сторожит снопы риса или работает в его саду, он обязательно приведет жену. Любой конфликт может разрешить только женщина, мужчине это еще не под силу.

Теперь вы можете представить, как трудно бывает холостяку без твердой и надежной женской руки. А тому, кого жена вдруг бросает, еще труднее и горше. Для мужчины это настоящая беда. К их чести, надо сказать, что в этой беде они плачут редко. Все-таки у них есть своя мужская гордость и достоинство. Мужчина уходит в далекие джунгли на несколько дней и там в одиночку переживает свое горе. Как и положено сильному полу, женщины чаще бросают своих мужей, чем они их. Поэтому старый Нималавенкайя однажды сказал мне:

— Ты знаешь, амма, лучше совсем не жениться. Эти женщины могут бросить тебя в любой момент.

— А как же без жены? — коварно спросила я.

— Еще хуже, — чистосердечно признался Нималавенкайя.

Развод в племени янади — дело простое. Никакие экономические факторы этому не препятствуют. Приданого возвращать не надо: его нет. Так же, как и нет выкупа за невесту. Поэтому вопрос «жить или не жить вместе» решается самими супругами. И конечно, в этом решении первое слово за женщиной. Причины для развода бывают самые разные. Если муж не в состоянии прокормить семью, если совершил преступление против законов племени, если оказался неспособным выполнять супружеские обязанности, если обвинил жену в измене, если извел ее своими подозрениями и недоверием, если оказался скучным, если обругал, если его просто не за что любить... Всего этого женщина янади не прощает мужчине и уходит от него. Сколь ни оскорблен и обижен мужчина этим уходом, ему и в голову не приходит

тронуть жену даже пальцем. Ну а если вдруг такое случится? То тогда его постигает участь Суббайи, поверженного в пыль дороги.

Причины развода демонстрируют разнообразие, многогранность и богатство женской натуры янади. Мужчины в этом случае менее оригинальны, более постоянны. Они тоже время от времени требуют развода. Но причина всегда одна — беременность жены. В племени существует строгое табу — женщина с первого и до последнего месяца беременности неприкосновенна для мужчины. Для мужчины янади пережить этот период трудно, но если он его переживет, то других причин для развода у него никогда не будет. У него не будет, а у женщины они всегда найдутся. С женщиной янади нельзя даже и пытаться обращаться так, как это иногда делают в городе. Она к этому не готова. Это может подтвердить со всей очевидностью Дарапенчалайя из неллурской колонии хариджан. Он — мужчина видный, и в способностях и сообразительности ему отказать тоже нельзя. Но семейная жизнь Дарапенчалайи складывалась крайне неудачно. И все из-за того, что он, наглядевшись, как обходятся с женами в городе, решил утвердить свое мужское превосходство. Восемь «моих женщин» покинули Дарапенчалайю, а девятая размышляет. Рассказывая об этом, Дарапенчалайя смущенно хмыкает и разводит руками. Борец за «мужскую эмансипацию» не может похвалиться успехами.

Дарапенчалайя много лет работал в городе шофером такси. Всего несколько янади имели такую серьезную работу. Но Дарапенчалайя с ней прекрасно справлялся. А теперь он безработный. Дело в том, что у него возник конфликт с хозяином именно в тот момент, когда очередная жена его покинула. Поэтому некому было пойти и заступиться за него. Вот он и остался без работы.

— Хуже нет одинокого мужчины, — говорит он и горестно качает головой с пышными кудрями.

Первая жена ушла от него, потому что он поднял на нее руку. Он видел, как это делали мужчины на городской окраине, где у него были друзья. Ему это дорого обошлось: жена дала сдачи, и Дарапенчалайя отлеживался три дня. Но его пожалели. Женщина всегда остается женщиной. Пожалевшая стала его второй женой. Все было бы хорошо, если бы не ее страсть к кино. В грязном и душном кинотеатре, что

стоял на окраине, она могла проводить все дни. Дарапенчалайя долго терпел, а потом пожаловался своему напарнику-шоферу.

— И она уходит без спроса? — удивился тот.

— Да, — ответил Дарапенчалайя, но в свою очередь тоже удивился. — Жена должна спрашивать разрешения?

— Ты что, дефективный? — спросил напарник. — Как это — жена и ходит без спроса? Побей ее.

— Нет, — благоразумно ответил Дарапенчалайя. — Я не могу.

— Ну тогда, если ты такой хороший, хоть отругай ее.

И Дарапенчалайя отругал. Результат оказался аналогичным первому. «Моя женщина» ушла. Потом появилась третья, которая откровенно изменяла ему. Но, он был научен горьким опытом — не дрался и не ругался. Она ушла сама.

С четвертой случилось несчастье. Она переходила линию железной дороги и попала под поезд. Пришлось найти пятую. Она тоже была строптивой — с точки зрения его напарника.

— Слушай, — сказал он однажды Дарапенчалайе, — что ты не мужчина — это ясно. Не можешь жену ни побить, ни отругать. Но раз ты с ней не можешь справиться, не давай ей денег на еду. Она у тебя заговорит по-другому, если поголодает день-два.

Дарапенчалайя так и сделал. И снова тот же результат — жена ушла.

Шестая прожила с ним несколько лет. Но однажды она потеряла последние три рупии, на которые Дарапенчалайя рассчитывал купить рис. Он был голоден, не сдержался и накричал на жену. «Моя женщина» в знак протеста не ела три дня, а на четвертый покинула дом. Седьмая оставалась в доме несколько дней, но ушла из него, потому что Дарапенчалайя ей был не по душе.

Свою восьмую жену он встретил на вокзале, когда полицейский снимал ее с поезда. Ему понравилось, что она плакала и униженно умоляла полицейского отпустить ее. Дарапенчалайя подумал, что она сможет быть покорной женой. Он просто тогда не понял, что существует большая разница между мужем и полицейским. А жена прекрасно эту разницу видела. У новой жены было явное отвращение к оседлой жизни. Она просто не могла жить без поезда. И в одно прекрасное утро паровозный гудок снова позвал ее в дорогу. Она села в поезд и до сих пор не вернулась.

Пришлось искать девятую жену. С последней женой Дарапенчалайя уже живет два года. И каждый раз, когда грозит возникнуть конфликт, Дарапенчалайя вовремя вспоминает, что перед ним свободолубивая дочь племени янади, а не какая-нибудь горожанка. И такое мудрое поведение спасает его от дальнейших осложнений. На данном этапе семейной жизни Дарапенчалайи «моя женщина» занята важным делом. Она ищет работу для мужа.

— Ей уже обещали в одном месте, — говорит Дарапенчалайя. — Никто еще не смог отвертеться от выполнения данного ей обещания. Вот такая «моя женщина»!

Жена уходит от мужа или муж уходит от жены. А что с детьми? Когда-то в племени янади все дети принадлежали роду матери, и, когда супруги расходились, дети оставались с матерью. Теперь мужчины стали претендовать на детей. И особенно на дочерей. Именно дочь (а не сын) способна проявить повседневную и действенную заботу об отце. Вопрос с детьми решен в племени компромиссным образом. До пятнадцати лет они остаются с матерью, после пятнадцати могут, если хотят, жить с отцом. Многие из них так и поступают. Но мать остается матерью. А «моя женщина», даже если она бывшая, все-таки по-прежнему сохраняет власть над мужчиной. Когда возникают с детьми затруднения или надо решить какой-то важный вопрос, отец обязательно пойдет за советом к матери своих детей.

Но пусть не создается у вас впечатления, что женщины янади полностью «поработили» мужчин. Этого не произошло. Занимая самостоятельное и равноправное положение, женщина остается женщиной. Она воспитывает детей, стряпает, помогает мужу в работе. Свободная и независимая манера держать себя удачно сочетается в ней с ласковостью, мягкостью и женственностью. Характер большинства женщин племени спокойный и покладистый. Женщина обычно бывает очень привязана к своему супругу — «моему янади». Привязанность эта к старости возрастает. И дружная пара стариков, трогательно заботящихся друг о друге, — явление нередкое в любой деревне янади.

Мужчины янади часто берут своих жен на рыбную ловлю, на охоту или даже в город, где они заняты поденным трудом. Так им спокойнее и безопаснее. Питая традиционное уважение к женщине как к матери и жене, мужчины выполняют всегда самую тяжелую работу, как

правило, оставляя женщинам легкую. Если у янади завелись лишние деньги, он в первую очередь купит одежду «моей женщине».

И хотя янади называет жену «моя женщина», чувство ответственности по отношению к ней — то чувство, которое возникает на основе материального превосходства мужчины, — ему еще не известно. Экономически те и другие равны. Вернее, у тех и других ничего нет. Понятия частной собственности в племени тоже не существует. Есть только личная собственность: хижина, горшки, минимум одежды, несколько циновок, рыбацкая сеть, палка для копания кореньев, пара коз или кур, палочки для добывания огня трением, нож-тесак для рубки ветвей, скромные женские украшения. Все это становится у супругов общим. Ну а если мужчина умирает? Тогда в силу вступают традиционные законы наследования. Хижина остается вдове. Ей же отходит третья часть общего имущества, вторую треть получают дочери. Оставшаяся часть может быть поделена между сыновьями. Очень часто получается так, что делить нечего. Никому из янади на родительские капиталы и сбережения рассчитывать не приходится — их просто нет. Молодожены начинают с нуля. Они сами строят себе хижину, плетут рыбацкую сеть, вырезают палку для копания кореньев, покупают горшок. И только барабан им помогают приобрести родители. Но сейчас и с этим родители не могут справиться. Поэтому барабан остается мечтой до лучших времен. А они могут и не наступить.

Женатые дети живут в своей отдельной хижине, которую они ставят рядом с родительской. Могут поставить хижину рядом с родителями жены или мужа. Редкие конфликты, возникающие между невесткой и свекровью или между тещей и зятем, решаются очень просто. Молодые супруги переносят свою хижину в другое место. Простота жилищного вопроса в племени облегчает решение конфликтов, часто неразрешимых в цивилизованном обществе. В новой хижине полновластной хозяйкой становится «моя женщина». Та самая «моя женщина», без которой мужчине так худо и неудобно.

Как Катти Сандживи выплакал жену

Говорят, мужчины в племени янади плачут редко. Этому можно поверить. Но все-таки нашелся среди них один, который плакал так долго, что надоел всем. Но лучше все по порядку.

Деревня, где жил Катти Сандживи, стояла у самой обочины шоссе. По шоссе целый день шли грузовики, легковые автомобили, автобусы. Пыль, летевшая из-под их колес, покрывала тонким белесым слоем хижину и небольшую рощицу акаций, стоявшую позади деревни. В деревне было шесть хижин, и одна из них принадлежала Катти Сандживи и его жене Суббамме. Почти каждое утро, вооружившись палкой с раздвоенным концом, он уходил в дальние джунгли. Там Катти Сандживи ловил змей. Иногда он целыми часами сидел в засаде и подстерегал змею. Ему нужны были крупные змеи с красивой переливающейся кожей. За такую кожу Нарайян, хозяин лавки в городе, платил хорошо. Катти Сандживи мог поймать любую змею, но не смел трогать только черную кобру. Черная кобра была табу, и предки могли наказать за его нарушение. Каждый раз, когда приближался момент поимки змеи, Катти Сандживи переживал неприятное состояние. Ему становилось страшно, он боялся совершить неловкое движение, и тогда беды не миновать. Змея сильна и стремительна. А укус ее смертелен. Катти Сандживи имел всегда с собой целебную траву, которой можно спастись от укуса. Но он не был уверен, что это так. Траву он носил с собой, но предпочитал держаться подальше от ядовитых змеиных зубов. И каждый раз, когда он видел эти зубы и голову змеи, прижатую палкой, в его душу вползал холодный страх. Только когда он приканчивал добычу, этот страх отпускал его, но еще долго потом напоминал о себе.

Здесь же, в лесу, он снимал змеиную кожу. Из этой кожи в лавке Нараяна делали туфли, сумочки, бумажники и другие удивительные, но ненужные, на его взгляд, вещи. За несколько змеиных кож Нарайян давал ему две-три серебрянные монетки. На них иногда нельзя было купить даже рис. Но Катти Сандживи забирал монетки и ничего не говорил Нараяну. Если нельзя было купить рис, он снова шел в

джунгли. Там он ставил ловушки на диких кур и крыс. Всегда что-нибудь попадалось. Он знал места, где водились кролики. Он убивал их тяжелым деревянным бумерангом, ловко и сильно пущенным из кустов. У него не было лука и стрел. В его роду давно утратили искусство их изготовления. Из лука можно было подстрелить большого кабана, а его сердце, глаза, язык, кровь и мозги — принести в жертву богине. И Катти Сандживи очень жалел, что не имел такого оружия. Из мяса, которое он добывал в джунглях, Суббамма делала вкусное карри. Она садилась перед круглым камнем, который когда-то принадлежал еще ее бабушке и растирала на нем красный перец чилли, превращая его в густую массу. Катти Сандживи пристраивался где-нибудь рядом и смотрел на жену, на ее красивые, ловкие руки, тонкую шею, на густые украшенные цветами волосы. Он думал о том, что ему очень повезло, — его полюбила такая красивая женщина. Он гордился «моей женщиной» и не скрывал этого. Нередко они уходили в джунгли вдвоем. И Суббамма копала вкусные корни и собирала дикие ягоды.

Время текло размеренно и плавно, без скачков и неровностей. И все было бы хорошо, если бы не тот несчастный день, который начался как обычно и, казалось, не предвещал ничего плохого.

Катти Сандживи уже приготовил свою палку, чтобы идти в джунгли, но в это время за пальмовыми стенами хижины раздался скрип тормозов. Какая-то машина остановилась совсем рядом. Одолеваемый любопытством, он выглянул из хижины и увидел грузовик. Рядом с кабиной грузовика стоял полицейский и что-то говорил шоферу. Потом грузовик уехал, а полицейский остался. Он осмотрелся и, увидев Катти Сандживи, приосанился, поправил ремень на толстом животе и поманил Катти Сандживи пальцем. Катти Сандживи подошел к нему без промедления. Даже в самых отдаленных деревнях янади знают, что с полицией шутки плохи. Полицейский в упор посмотрел на него узкими заплывшими глазками и спросил:

— Твоя хижина?

— Моя, — кивнул головой Катти Сандживи.

— Веди, — приказал полицейский.

Он с трудом протиснулся в хижину и остановился в ее центре, касаясь головой пальмовой крыши. Суббама молча смотрела на

неожиданного гостя.

— Да у тебя здесь баба! — осклабился полицейский.

— Это моя женщина, — вежливо поправил его Катти Сандживи.

— Была твоя, будет моя, — хохотнул гость. — А ну марш отсюда! Ты здесь не нужен.

Катти Сандживи не сразу понял, в чем дело. Он вопросительно посмотрел на Суббамму, ожидая распоряжений от нее, но та отвела глаза и ничего не сказала.

— А ну, живей! — торопил полицейский.

И Катти Сандживи в недоумении покинул свою хижину. А дальше события разворачивались, как в кино, которое он однажды видел в городе. В хижине послышался непонятный шум, глухие звуки ударов, и полицейский, пробив пальмовую стену грузным телом, вывалился наружу. Лицо его было расцарапано, ворот форменной рубашки оторван. Катти Сандживи даже испугался за него. Когда полицейский пришел в себя, он стал ругаться и сквернословить. Потом набросился с кулаками на Катти Сандживи. Тот никак не мог понять за что.

— Теперь слушай, ты, ублюдок, — устав молотить кулаками, прохрипел полицейский, — если ты эту свою дикую кошку или, как ее, пантеру не приведешь в порядок и не заставишь уступить мне, пеняй на себя. Я вернусь опять к полудню. Так что имей в виду. — И гость скрылся за пыльной рощей акаций.

Катти Сандживи посмотрел на солнце и понял, что времени для приведения в порядок «моей женщины» осталось мало.

— Что же теперь нам делать? — спросил он у Суббаммы.

— И ты еще спрашиваешь меня об этом? — возмутилась та. — На твоих глазах оскорбили жену, а ты стоишь и размышляешь.

— Значит, полицейский тебе не понравился? Тогда почему ты мне не велела остаться в хижине?

— Тьфу! — в сердцах сплюнула Суббамма. — Если бы ты видел, что произошло в хижине! Любой муж не стерпел бы.

Теперь Катти Сандживи живо представил все детали происшествия. И по мере их осознания в его груди ширилось и росло что-то неприятное и беспокойное. Он уже ненавидел этого толстого полицейского, город, Нарайяна и его лавку — всю эту проклятую жизнь, с которой он оказался связанным. Отрывочные неоконченные мысли металась в его голове. Он почувствовал, что ему не хватает

дыхания, и оранжево-красные круги заплясали перед глазами. И в этих кругах плыла глумливо улыбающаяся физиономия полицейского. Руки с короткими пальцами хватали Суббамму. Зрелище становилось непереносимым...

Когда полицейский снова появился перед хижинкой, стремительная тень метнулась от пыльной рощи. Лезвие ножа мягко вошло в тело. Полицейский хватил воздух широко открытым ртом и стал оседать. Последнее, что увидел Катти Сандживи, — это бурое пятно на форменной рубашке полицейского, которое расплывалось и набухало свежей кровью. Внезапно ослепший и оглохший он бросился к дороге и побежал по ней, странно петляя между идущими машинами.

Потом на Катти Сандживи надели наручники и привезли в полицейском джипе в город. Он до последнего момента не хотел верить, что его пребывание в городе затянется на столь долгий срок.

В зале суда, мрачном и прохладном, за длинным столом сидели три человека. На них были длинные черные одеяния. Эти трое показались ему симпатичными людьми. Катти Сандживи невольно расположился к ним. Чуть поодаль от стола сидел оскорбитель-полицейский с бледным нахмуренным лицом. Его правая рука висела на перевязи. Катти Сандживи опасно покосился на него. Полицейский отвернулся.

Те трое начали задавать вопросы.

— Ты ударил полицейского ножом? — спросил первый

— Да, — ответил Катти Сандживи, радуясь, что он может ответить этому симпатичному ему человеку утвердительно.

— А может быть, ты не ударил его ножом? — спросил второй.

— Нет, не ударил, — Катти Сандживи не хотелось возражать и этому.

— Ударил или нет? — переспросил третий.

— Ударил или нет, — Катти Сандживи не хотелось обижать и третьего.

— Поразительно! — сказал первый. — Так мы ничего не добьемся. Я не могу понять логики его мыслей и поведения.

— Этого еще никому не удавалось сделать, — объяснил второй. — Перед нами янади. Они всегда со всем соглашаются. Мне кто-то говорил, что согласиться с собеседником для янади — значит проявить к нему уважение.

— Что же нам делать? — недоуменно пожал плечами третий. — Придется, наверно, пойти на процедурные нарушения. Ведь факт преступления налицо.

Катти Сандживи прислушивался к тому, как переговаривались эти трое. Но почти ничего не понял.

Ему перестали задавать вопросы. Видимо, вежливость янади здесь была неуместна. Его рассказ о случившемся все трое за длинным столом выслушали невнимательно и рассеянно. Они не смотрели на Катти Сандживи, и поэтому ему трудно было говорить. Он не знал, что судей не интересовал его рассказ. Их интересовал сам факт преступления.

Приговор гласил: два года тюремного заключения. За эти два года с Катти Сандживи случилось многое.

Его били дружки полицейского, которого он ранил. Он грузил тяжелые мешки с рисом, подметал тюремный двор, дробил камни, носил тяжелые шпалы. Но все это время он думал о Суббамме. Он очень хотел ее видеть, но она не появлялась. Он не знал, что однажды Суббамма с большими трудностями добралась до города, пришла к тюремным воротам, но ее не пустили. Время заключения тянулось очень медленно, но и ему пришел конец. В один прекрасный день надзиратель открыл дверь камеры и велел Катти Сандживи убираться прочь.

Когда он вышел из тюремных ворот, солнце стояло уже высоко в небе. Улица оглушила его шумом, пестротой товаров, выставленных в лавках, грохотом проходящих автобусов. Никто не обращал внимания на одиноко бредущего Катти Сандживи. Хотелось есть и пить, но у него не было денег. Около рынка он подобрал несколько полусгнивших бананов и утолил немного голод. Мысль о том, что сегодня он увидит Суббамму, придала ему сил, и он зашагал к окраине города, где проходила дорога, ведущая к его деревне. К вечеру на попутном грузовике он добрался до рощи пыльных акаций. Его хижина стояла рядом. Какой-то комок подкатил к горлу и остановился там, мешая дышать. Сквозь крышу хижины пробивался дымок, и Катти Сандживи понял, что Суббамма готовит ужин. Что-то защипало ему глаза, но он овладел собой и медленно направился к хижине. Он услышал два голоса: женский и мужской. Женский принадлежал Суббамме, мужской был ему незнаком. Он невольно остановился. И вдруг, нет, он

не ослышался, мужчина назвал Суббамму «моя женщина». Все поплыло перед глазами Катти Сандживи: и хижина, и пыльные акации, и темнеющее небо. Он понял, что Суббамма его не дождалась. И тут он сдал. Он заплакал громко, в голос. Так плачут дети, когда им нанесена незаслуженная и несправедливая обида. Голоса в хижине смолкли. Затем раздался шорох, и в дверях появилась Суббамма. Увидев Катти Сандживи, она на какое-то мгновение замерла, а затем обрела дар речи.

— Аё! — воскликнула она. — Да это же мой янади, — И осеклась, потому что в хижине был второй «мой янади», который поселился у Суббаммы год назад.

А Катти Сандживи продолжал плакать. Потом из хижины вышел мужчина и с удивлением уставился на обоих. Суббамма объяснила ему, в чем дело. Мужчина понимающе кивнул головой и с сочувствием посмотрел на плачущего. Потом молча направился к роще пыльных акаций.

— Эй, мой янади! — крикнула ему Суббамма. — Вернись.

При этих словах Катти Сандживи просто зарыдал.

— Перестань, — тихо сказала бывшему «моему янади» Суббамма. Жалость затопляла ее сердце. — Перестань, — повторила она. — И уходи. В племени янади всегда найдется для тебя женщина.

— Мне не нужно другой, — прорыдал Катти Сандживи. — Я пришел к тебе.

Но Суббамма ушла от прямого ответа и сочла за благо скрыться в хижине.

И Катти Сандживи ушел ни с чем. По дороге в деревню к своему брату он немного успокоился и вновь приобрел способность к трезвому размышлению. Оказывается, невольно, сам того не подозревая, он применил сразу очень сильное оружие — плач. Плач действовал безотказно на янади, и особенно на женщин. Идя по ночному шоссе, Катти Сандживи понял, что у него еще есть надежда вернуть Суббамму. Плач — вот его главное средство. Как только он это сообразил, ему сразу расхотелось плакать.

На следующий день он снова появился у своей бывшей хижины и стал плакать. Теперь он это делал сознательно и расчетливо. Из эмоциональной категории плач в устах Катти Сандживи стал превращаться в своего рода искусство. Через несколько дней Катти

достиг в этом искусстве своего совершенства. Даже духи предков испытали приступ острой зависти, слушая его завывания и горестные причитания. Никому из них в своих ночных шкодах не удавалось извлекать такие привлекательно-ужасные звуки. А что говорить о людях? Плач надрывал им сердца. Муж Суббаммы попытался урезонить его.

— Скоро ты кончишь? — спросил он. — Ведь нет никаких сил тебя слушать.

— Ну и не слушай, — ответил ему Катти Сандживи. Я плачу для Суббаммы, а не для тебя.

Соперник ничего не сказал, только тяжело вздохнул. Он уже начинал ощущать какую-то вину перед Катти Сандживи.

А тот, проплакав неделю, продолжал вторую, а потом и третью.

И наконец Суббамма не выдержала. Соперник малодушно бежал, прячась под покровом темной ночи. И Катти Сандживи, к великой своей радости, снова получил право называть Суббамму «моя женщина».

Говорят, Суббамма предупредила вновь обретенного «моего янади»: если он всхлипнет хоть еще раз в ее жизни, она немедленно прогонит его.

Вот какие истории бывают в племени янади...

11

Любимец богов

«Бум-бум-бум» — бьет барабан. Бьет методично и размеренно. И в этой размеренности есть что-то странное и завораживающее. Ритм боя не меняется. Как будто в барабан бьет не живая рука человека, а какая-то механическая сила. Кажется, что никто и ничто уже не остановит этот автоматический бой. И я не выдерживаю:

— Что это? — спрашиваю я у Патрасешайи. Он старший в деревне и должен все знать.

— Соде, — говорит он не объясняя.

— А что такое соде? — не успокаиваюсь я.

— Как что? Соде, — получаю я исчерпывающий ответ.

Я снова прислушиваюсь к бою барабана. Его звуки доносятся откуда-то из-за рощи веерных пальм, что растут на этой бесплодной песчаной почве. Патрасешайя угадывает мои мысли, поднимается и говорит:

— Идем.

И мы идем. За пальмовой рощей на песчаном пригорке стоит одинокая хижина. Барабан бьет в этой хижине. Рядом сидят человек десять. Они молчаливы, и в их позах чувствуется какая-то напряженность. Нас они почти не замечают. Вход в хижину завешен куском грязной ткани. Патрасешайя отводит край занавеси и делает приглашающий жест. Я вхожу. И сразу попадаю в какой-то иной мир. Пляшут языки пламени костра, странно и резко пахнет дым, обнаженный человек бьет размеренно и автоматически в барабан. Тело человека покрыто мелкими каплями пота. Тут же женщина раскачивается над пламенем. Пламя то замирает, то вновь разгорается. И когда оно разгорается, я замечаю глиняную фигурку богини Анкаммы и таких же глиняных кобр рядом с ней.

Женщина тянула какую-то бесконечную песню без слов. Бой барабана и пение женщины своеобразно и гармонично сливались с речитативом заклинания, которое произносил человек, бьющий в барабан. Теперь я увидела, что глаза человека были закрыты, а лицо застыло неподвижной черной маской. И на этой маске зловеще и призрачно выделялись красные и белые полосы. Мне стало не по себе. От дыма начала кружиться голова, а барабан все гремел, металось пламя костра, и в клубях синеватого дыма стыла зловещая маска с закрытыми глазами. И странно и нереально в устах этой маски звучали слова заклинания:

Людей много в мире,
Они пашут и сеют,
Богов много в мире,
Есть боги-змеи,
Есть большие боги.
Скажи, от чего мы будем страдать,
Скажи, что нам делать.
Мы забыли богов,
Мы жалки, и судьба нелегка.
Объясни, почему мы такие.
Откуда все эти напасти?

В этой одинокой хижине совершалось какое-то древнее таинство. И неясный поначалу смысл таинства постепенно стал доходить до меня. Я поняла, что человек с барабаном — пророк и вещун, древний посредник между людьми и богами. И сразу вся картина стала ясна.

Богиня Анкамма собрала своеобразную пресс-конференцию. Люди, сидевшие перед хижинкой, задавали вопросы. Судя по заклинаниям, вопросы носили общий, я бы сказала, философский характер. Для того, что получить ответ богини, пророку надо было впасть в транс. Но до транса еще, кажется, было далеко. Зато я от грохота барабана, дыма и духоты была уже близка к этому состоянию. Правда, я не знала, о чем спрашивать богиню. Ни пророк, ни его помощница-жена, занятые важным делом, не обращали на меня внимания. Воспользовавшись этим, я стала рассматривать хижину. Здесь было просто. Минимум утвари, циновки и никаких украшений. Я подняла глаза к конической крыше хижины и обомлела. Под верхней жердью на веревке висела электрическая лампочка. Электричества в деревне не было и лампочка, видимо, служила украшением. Увязать это было очень трудно — пророк, как будто пришелец из далекого прошлого, древние заклинания, богиня Анкамма и электрическая лампочка. Но как бы то ни было, именно эта запыленная лампочка на веревке вернула меня, современного человека, к действительности. Исчезла зловещая маска, и я увидела напряженное, усталое лицо немолодого человека; синеватый дым благовоний перестал оказывать на меня действие, и даже звук барабана утратил свою прежнюю колдовскую силу. Я взглянула на пророка. Его движения становились все более некоординированными, слова заклинаний все бессвязнее, а тело теряло

устойчивость. Наступал желанный миг транса. Потом пророк выкрикнул несколько фраз, на которые он, казалось, потратил свои последние силы:

Поклоняйтесь мне!

Верьте мне!

Не забывают меня!

И я поняла, что богиня Анкамма дала ответ собравшимся и тем самым кончила свою пресс-конференцию. Люди, сидевшие у хижины, стали подниматься, разочарованно переговариваясь между собой. Богиня и на этот раз ничего нового не сказала.

— Все время одно и то же, — посетовал Патрасешайя. — Совсем разленилась, — неожиданно добавил он. И это «совсем разленилась» свидетельствовало о близких и даже родственных отношениях между янади и их богами. Я представила себе эту разленившуюся богиню, которая не желает сказать лишнего слова, чтобы утешить своих соплеменников, которая не дает себе труда, как им помочь.

А Патрасешайя не унимался:

— Если такое будет продолжаться, ее надо наказать.

— А как? — поинтересовалась я.

— Очень просто. Пусть соде изменит ее имя. Вот перестанет быть Анкаммой, тогда возьмется за ум.

И я поняла, что отношения между богами и янади были не только близкими, но и равными. Боги наказывали людей, и люди отвечали им тем же.

Соде звали Ветагиривенкатарамайя, и он принадлежал к роду священной горы Ветагири. Это был небольшого роста темнокожий человек с усталыми глазами. Он ничем особенным не отличался от своих соплеменников. И пожалуй, сразу было трудно поверить, что в нем живет неукротимый дух пророка. Но тем не менее это было так. В племени не было жрецов, но оставались еще свои пророки — те, кто выступали посредниками между людьми и их полузабытыми богами и духами. У каждого соде был свой бог или дух, которому он служил. Только этот конкретный дух или бог мог вселяться в него и говорить его устами. Только их тени мог видеть пророк в темной хижине, в синеватой дымке горящих благовоний. Только к ним смел обращаться,

только их мог наказывать за нерадивость, изменяя имя своего бога или духа.

Пророки — категория более древняя, чем жрецы. Пророки, по давним представлениям, находились в непосредственных отношениях с богами. Жрецы же подменили эти отношения таинственным и малопонятным культом. Культ скрывал их неспособность прямого общения с небожителями. Жрецом мог быть каждый, а пророком — избранный. И расстояние, которое отделяло жреца от пророка, было тем же, которое существовало между ремеслом и талантом подлинного творчества. И поэтому история полна борьбы между жрецами и пророками. И эта борьба нередко кончалась полным непризнанием последних. Янади же — одно из немногих племен, где еще ценятся собственные пророки. Не зря их называют племенем каменного века. Век железный такой слабостью не страдает.

Быть пророком — «соде» в племени может только мужчина. Когда-то здесь были и пророчицы. Правда, и теперь без помощи женщины никакого пророчества получается. Но тем не менее женщина, жена пророка, только помощник и не более того.

Искусство пророчества передается из поколения в поколение. Обучает отец сына или учитель ученика. Годы ученичества могут тянуться долго. Но приходит срок, когда из ученика вырастает мастер. Это событие отмечается длительной церемонией. Двадцать один день будущий пророк живет в отдельной хижине, питается только молоком, фруктами и орехами, не разговаривает с женщинами и даже с собственной женой.

На двадцать первый день пророку устраивают свадебную церемонию с собственной женой, и все отправляются на охоту. А будущий пророк и его учитель входят в воду. Считается, что именно через воду сила и искусство учителя вливаются в бывшего ученика. Из воды выходит уже новый пророк. Тогда и начинает звучать в его хижине барабан.

Отношения пророка с богами просты — по принципу «спрашивайте — отвечаем». Янади спрашивают, как лечить болезни, где выследить в джунглях добычу, что делать с непокорной женой, когда лучше ловить рыбу и т. п. Отношения с духами предков сложнее. У нашкодившего духа мало получить просто объяснения злодейского поступка. Надо добиться, чтобы дух принес извинения

пострадавшему. Дух дедушки Патрасешайя в одну прекрасную ночь взял и сдул с хижины внука пальмовую крышу. Крыша, собственно, ему не мешала, но дух деда сделал это из озорства или просто чтобы напомнить внуку о себе. Патрасешайя очень рассердился и пошел к соде. И тот добился от деда извинения, которое в устах пророка звучало так:

— Я дух твоего дедушки Венкайи! Прости ты меня грешного за причиненные убытки. Не знаю, кто попутал меня в эту ночь. Но больше не буду.

Да, нелегкая работа у соде в племени янади. И поэтому пророков становится все меньше. Современные заботы племени уже не оставляют им места. Городские янади забыли об их существовании. И когда этим янади начинают досаждают духи предков, они не знают, что делать.

Искусство пророков переживает кризис. Постепенно забываются древние традиционные заклинания. Старые пророки умирают и уносят тайну заклинаний с собой. Но современные пророки все же находят выход из положения. Одни из них выдают за заклинания бессмысленный набор слов. Другие подходят к возникшей проблеме творчески. Используют в заклинании всю сумму своих знаний. Этим особенно отличается пророк Тупакулалакчумайя, и поэтому всем интересно его слушать. Тупакулалакчумайя начинает свои заклинания с сотворения мира. Сведения об этом он почерпнул у индусских жрецов. Поэтому процесс сотворения мира начинается с бога Вишну, который сидит на листе баньяна и занимается мирозиданием. За сим следует описание планет и звезд. На этом часть доклада пророка, относящаяся к кардинальным вопросам строения и познания Вселенной, кончается. Пророк переходит к информационной его части. И эта часть включает описание охоты на крыс, рассказ о последнем дожде, полезные сведения о рыбной ловле. Все завершается разбором последних конфликтов янади с полицией. Когда дело доходит до полиции, наступает самый подходящий момент, чтобы впасть в транс...

Бум-бум-бум — бьет барабан. Очередной соде приступает к исполнению своих нелегких обязанностей — один из последних пророков племени янади, один из уникальных артистов неумолимо уходящего каменного века.

Когда наступает полнолуние

Из-за холма медленно выползла красная луна. Ее диск на некоторое время остановился над чахлым кустарником, а потом устремился вверх, туда, где сверкала звездная россыпь. Проходя через эти россыпи, луна теряла свой первоначальный цвет и как будто вбирала в себя голубой огонь созвездий. И этот голубой свет полнолуния постепенно заливал окрестные холмы, серебрил листья веерных пальм и клал четкие тени акаций на сухую теплую землю. У пальмовой рощи стояло несколько конических хижин, и лунный свет превратил широкие листья их покрытий в серебристый металл. И хижины стали похожими на жилища какой-то иной планеты.

И только дымок, который плыл над ними, растворяясь в лунной голубизне, придавал им земную реальность. Пламя костра освещало фигуры людей, похожих на статуэтки из черного дерева. Эти фигуры двигались, пересмеиваясь и перешептываясь. И как-то неожиданно, но легко и естественно, как будто дыхание самой земли, зародилась и полилась песня. Ее пели женщины мелодичными и слаженными голосами. Песня лилась тихо и была похожа на лунный свет, на сухую землю, на теплый ветер. В ней была грусть чего-то полузабытого, может быть, и давно ушедшего. Когда одна группа женщин кончала, другие сразу начинали. И песня катилась, как волна, то затихая, то вновь поднимаясь. И в этом чередовании, спадах и подъемах, было что-то бесконечно притягательное и завораживающее. Песня укачивала, касалась нежно чего-то самого сокровенного и уводила куда-то далеко, туда, где звездная россыпь соприкасалась с твердой линией земного горизонта...

Это была самая древняя песня из всех слышанных мною на земле. Она оборвалась так же неожиданно, как и началась. Как будто вздохнула и исчезла, растворившись в призрачном свете звезд. И вдруг забил барабан громко, резко. Сразу все изменилось. Люди задвигались быстро и энергично. И песня теперь была совсем другая. В ней слышалась какая-то отчаянная бесшабашность, даже разгулье. Круг распался, и в образовавшееся пространство влетела вихрем старуха. Она замерла на мгновение, растянула беззубый рот в улыбке, подняла

темные сморщенные руки, и лунный свет пронизал ее седые, всклокоченные волосы, превратив их в странно светящийся нимб. Тело старухи каким-то замысловатым движением подалось влево, затем вправо. И я поймала себя на том, что я уже где-то видела такое движение. Но где и когда, я не могла сразу вспомнить. Несколько человек присоединилось к ней, и их тела тоже задвигались в этом ломающемся вращении. И я в какое-то мгновение поняла, что это твист. Твист каменного века. Современный отличался от него мало.

Твистовала вся деревня. Гремел барабан, что-то пронзительное выкрикивали певцы, темные тела дергались и извивались в резком вращающемся ритме. И это было так магически-заразительно, что я поймала себя на том, что мои ноги невольно начинают двигаться в такт барабанному бою. Старуха со светящимся нимбом на голове подскочила ко мне и за руку потянула в самую гущу танцующих. Вокруг засмеялись и приглашающе расступились. Для меня наступил критический момент.

— Эй, гость, танцуй с нами! — закричало несколько голосов.

«А почему бы и нет?» — подумала я. Ведь не каждому из нашего мира удастся потвистовать в каменном веке при луне, среди древних кварцевых холмов.

Но в это время что-то случилось с барабанщиком или барабаном, и магия звука и ритма исчезла. Я посмотрела на часы. Стрелки показывали половину второго ночи. Мне пора было возвращаться в город. Стоявшие вокруг люди племени янади сказали, что очень жаль. И я была полностью согласна с ними. Но впереди лежал долгий путь.

Наш шофер Балан остановил машину неподалеку от деревни на грунтовой дороге милях в трех от шоссе. И когда я двинулась, вся деревня вызвалась меня проводить.

По дороге снова забил барабан, и снова все пошло твистом. Бой барабана теперь сопровождался не песней, а пронзительным разбойным свистом. Потом вся танцующая орава вырвалась на дорогу. Казалось, они выскочили из далекого прошлого к этой машине, лихо пробив брешь во времени. У Балана, увидевшего меня в таком окружении, непроизвольно отвисла челюсть, и он стал нелепо спиной пятиться в сторону от машины. Но на моих друзей этот маневр не произвел впечатления. Они продолжали бить в барабан, танцевать и

свистеть. У Балана дрожали руки, и он долго не мог попасть ключом зажигания в скважину. Через несколько миль он пришел себя.

— Ну и ну, — сказал он. — Поначалу мне показалось, что вы тоже танцуете и свистите. И тогда я сказал себе ну все, доездились. И нервы мои в тот момент сдали. Потом все, конечно, разъяснилось. И как это вы, мэм, с ними можете...

— А что тут мочь? — удивилась я. — Они очень симпатичные и приветливые люди.

Балан присвистнул и покачал головой. Но ничего не сказал. Он всегда так поступал, когда не был согласен.

А вокруг все было залито лунным светом. И почти в каждой деревне пели и танцевали янади. Полная луна лучшее время для таких танцев. Я знала, что танцы будут продолжаться до рассвета. Так было много веков тому назад, так осталось и сейчас. Все давно изменилось вокруг янади, да и сами они тоже изменились. Но неизменной осталась эта ночь. Ночь, когда вновь возникает связь между сегодняшним янади и миром его далеких предков.

13

Племя на кварцевых холмах

Принц Мухаммед Масум, сын могущественного императора Аурангзеба из династии Великих Моголов, путешествовал по древней земле Андхры. Мухаммеда сопровождали многочисленная свита и личная вооруженная гвардия. Хорошо обученный слон бережно нес на широкой спине изукрашенный паланкин. Рядом скакали всадники. За всадниками гордо и важно вышагивали верблюды. На их горбах покачивались сундуки с личным гардеробом. Караван замыкали пешие воины.

Уже третий день шествие двигалось по Андхре. Вокруг тянулись холмы, покрытые джунглями, а на горизонте время от времени поднимались и исчезали синие горы. Придворный летописец, наклонив старательно голову в высоком тюрбане, записывал изощренной персидской вязью все события, которые происходили с принцем во время путешествия.

Сухая земля была раскалена, и в воздухе стояло знойное марево. Принц, откинувшись на бархатные подушки, подставлял разгоряченное лицо павлиньему опахалу, которое приводил в движение усталый и измученный слуга. Принц тоже устал от этой жары и однообразия пустынной дороги. Из дремотного состояния его вывели какие-то крики и суeta впереди. Он недовольно приподнялся на подушках, но так и не понял, что произошло. Сделал знак всаднику. Тот рванулся вперед.

— Господин! Господин! — прокричал вернувшийся через несколько минут всадник. — Там черные дьяволы! Совсем дикие!

— Привести сюда! — коротко приказал принц.

Человек десять низкорослых темнокожих людей в окружении стражи предстали перед Мухаммедом Масумом.

Так состоялась встреча могольского принца с представителями племени янади.

И придворный летописец через несколько дней записал, что янади были «очень черными, с длинными волосами. Они носили шапки, сделанные из листьев. Каждый мужчина имел лук и стрелы для охоты. Они ни к кому не приставали и жили в пещерах под тенью деревьев. Принц дал им золота и серебра, но они не проявили к ним никакого интереса». Это случилось в 1694 году.

Давно умер принц, распалась империя Великих Моголов, пришли и ушли чужеземные поработители, отступили под ударами топора джунгли, обнажив складки кварцевых холмов, железная дорога и шоссе легли между ними, а племя янади продолжает свой отсчет времени в пальмовых хижинах. Безлесные кварцевые холмы, раскаленные днем и испускающие тепло ночью, по-прежнему укрывают на своих склонах деревушки янади.

Трудно сказать, когда пришли янади на эту холмистую равнину Андхры. Теперь основной район их расселения обозначен рекой Поннери на юге и рекой Годавари на севере. Остров Срихарихота, расположенный в лагуне у Бенгальского залива, до последнего времени был главным владением племени. Но наибольшее количество янади обитает в районе Неллuru — около ста пятидесяти тысяч. А всего их сейчас свыше двухсот тысяч. Это одно из крупнейших племен Южной Индии.

В местах, еще не тронутых цивилизацией, в племени сохранилась изначальная родовая организация. У янади существовало две фратрии — манчи и чалла. Манчи были выше по социальному статусу, нежели чалла. Между этими фратриями не было браков. Более того, в сношениях между ними существовал своеобразный кодекс «неприкасаемости». Члены фратрий жили в своих отдельных деревнях, манчи и чалла не могли есть вместе, чалла не имели права прикасаться к посуде манчи; женщина-манчи, вышедшая замуж за чалла, изгонялась из своей фратрии. Фратрия в процессе развития обретала первоначальные признаки касты, но продолжала сохранять внутреннее деление на роды. Сейчас трудно восстановить действительное количество родов, но, по приблизительным подсчетам, их было не менее пятидесяти. Около двадцати родов принадлежало манчи, и не менее тридцати — чалла. Роды носили названия животных и птиц (медведь — илугу, лягушка — каппала, змея — памула, тигр — пули, слон — инигета, коза — мекала, попугай — чикала, ящерица — удамала и т. д.), деревьев (лимонное дерево — ниммала, кокосовая пальма — тенкаяла), гор (Комагири, Понтагири, Турувидхи, Тирумаласетти) и просто разных мест (Ковуру, Аллуру, Поннуру и т. д.). В пределах фратрии роды были экзогамны, то есть браки внутри них были запрещены. Но в брачных отношениях между родами существовали свои ограничения. Можно было жениться, например, на дочери брата матери или на дочери сестры отца. Но дочь сестры матери или дочь брата отца были табу. Эти табу складывались веками. Анализ терминов, обозначающих различные степени родства, свидетельствует о том, что существующие роды имели когда-то матрилинейную организацию. В некоторых местах еще сохранились материнские роды. Но сейчас многие из них разрушены, а некоторые постепенно приобретают патриархальный характер. Но матриархальные элементы в племени еще сильны, что накладывает своеобразный отпечаток на отношения между соплеменниками.

Янади не единственное племя на просторах штата Андхра Прадеш. Рядом живет племя ченчу. Правда, ченчу — в основном горные обитатели. Но между двумя этими племенами очень много общего. Оба племени представляют австралоидный антропологический тип. Те и другие — собиратели и охотники, и даже бог Ченчудевуду имеет почитателей и у тех и у других.

Мой друг Рагавия из Неллуру считает, что ченчу и янади были когда-то одним племенем. А потом часть этого племени по каким-то не известным нам причинам спустилась с гор и превратилась в янади. Английский этнограф Торстон, оставивший после себя семитомный труд о кастах и племенах Южной Индии, рассматривает янади как одну из групп племени ченчу. Известный этнограф Фюрер-Хаймендорф с такой точкой зрения не согласен. Ченчу и янади, утверждает он, — родственные племена.

Люди племени говорят: «Мы — янади». Теперь уже трудно восстановить первоначальный смысл этого слова. Разные народы прошли по холмистой равнине Андхры, разные языки звучали в веках. И многие слова искажены и изменили свой смысл. В племени не могут объяснить, что значит «янади». Янади — и все. Так мы назывались всегда, утверждают они. Но «всегда» — понятие многогранное и растяжимое. В языке телугу аналогичных созвучий обнаружить пока не удалось. Зато древний санскрит, язык более поздний, чем дравидийские, к которым принадлежит и телугу, дает кое-какие нити. «Янам» на этом языке значит «лодка», «ади» одним из своих значений имеет «средства к жизни». Слово «янадам», утверждают, соответствует — «покоряющий море».

Это филологическое исследование сделал Рагавия. Когда янади узнали об этом, то стали говорить, что когда-то их предки пересекли море. Что-нибудь определенное трудно сказать: ведь известна привычка янади соглашаться с понравившимся им человеком. Но не исключено, что здесь отголоски чего-то реального.

Что касается лодок и моря, то таких следов у янади мы не находим. Они не делают лодок и даже не сохранили об этом воспоминаний. Янади никогда не ловили, с тех пор как мы их знаем, морской рыбы. Их промысел ограничивается реками и мелкими внутренними водоемами. Охотники и собиратели, они вряд ли могли быть в прошлом мореходами. Никакой традиции, указывающей на это, не сохранилось. Поэтому связывать янади так прямо с морем, даже имея за собой авторитет санскрита, по меньшей мере рискованно. Но с чем же их все-таки можно связать? По-моему, все с теми же кварцевыми холмами, первыми обитателями которых они и были.

Истории известно, что район Неллуру был заселен еще в палеолите — древнем каменном веке. Никаких отклонений в переходе к неолиту,

к новому каменному веку, которые бы свидетельствовали о вторжении какой-то принципиально новой культуры, пока не обнаружено. Археологические раскопки приносят каменные топоры, каменные наконечники для стрел, каменные лезвия ножей. И если внимательно рассмотреть каменные терки янади, редко встречающиеся ножи с каменными лезвиями, каменные наконечники палок для копания кореньев, то связь племени с этими находками далекого прошлого станет ясной. Корни племени глубоко уходят в землю кварцевых холмов — так глубоко, как обычно уходят корни аборигенного населения. Считать, что десять — пятнадцать тысяч лет назад кварцевые холмы были заняты другим народом, не предками янади и ченчу, пока нет оснований. Тем более, что оба племени принадлежат к той группе населения Индии, которую мы до сих пор считали древнейшей аборигенной основой страны. Можно с уверенностью сказать, что те и другие имеют общий антропологический тип, общий язык, общую материальную и духовную культуру. И эта культура, без сомнения, оказала свое влияние на более поздние народы. Влияние это имело самые разнообразные аспекты и, видимо, было довольно сильным. Признаки этого влияния можно проследить довольно легко. Например, среди народа телугу, представляющего самую развитую часть населения штата, нередко можно встретить имена: Ченчайя, Ченчурамайя, Ченчалиа, Ченчукришнайя. Древнейшие племена внесли свой вклад в формирование современной народности телугу.

II

ДРЕВНЯЯ ЗЕМЛЯ ВАЙНАДА

1

Дух на цепи

Ветвистое с мощным стволом дерево неожиданно вынырнуло из-за поворота дороги. Оно стояло как-то особняком от зарослей, которые тянулись вдоль шоссе. Отсюда, сверху, в голубоватой дымке были видны хребты низких гор, пересеченные ущельями и густо заросшими сырыми и темными распадками. На дереве висела цепь — длинная, с массивными заржавленными звеньями. «Кому пришло в голову заковать в цепь это большое, красивое дерево?» — удивилась я. Тогда я еще не знала, что в цепь заковали не дерево, а злого духа. Именно так. Злой дух был пойман волшебником и как непослушная дворняга посажен на цепь. Все было вполне реальным. И дорога, и дерево, и ржавая цепь. И только на цепи сидел ирреальный злой дух. Я подошла к дереву, потрогала его шершавый ствол, коснулась ржавой цепи, и она издала какой-то звенящий стон. Может быть, это застонал сам злой дух. В той стране, где я находилась, все было возможным...

Рядом с деревом стояли две каменные платформы. На одной из них был сооружен маленький павильончик — в таких местах жители «держат» духов предков. На второй — вертикальный камень. И я поняла, что одна из платформ должна быть могилой человека, который и стал этим злым духом.

Каждый из нас, умирая, оставляет по себе какую-то память. Человек, чьи останки покоились у дороги, оставил после себя слишком много: священное дерево, цепь, две каменные платформы и легенду. Легенду не древнюю, а почти современную. Вот она.

Все началось еще при англичанах. Английский инженер руководил прокладкой дороги в этих местах. Места были глухие и плохо изученные. Горы, покрытые джунглями, неожиданные ущелья, скалы и водопады. Вести дорогу было трудно, но еще труднее было найти самый короткий путь через плато Вайнад. И тогда англичанин-инженер стал искать среди местных жителей человека, который бы показал этот путь. Однажды к нему пришел человек из племени куручия и сказал, что знает такой путь через джунгли и горы. Инженер воспользовался предложением куручия. Но как гласит легенда, инженеру не хотелось,

чтобы кто-то узнал, что путь проложил не он сам. Англичанин подстерег куручия у линии будущей дороги и убил его. Тело закопал тут же, в лесу. Никто не знал об этом, и над убитым не совершили погребального ритуала. Поэтому неприкаянный дух куручия стал болтаться по окрестным джунглям и горам. И постепенно превратился в злого духа.

Пока строили дорогу, он ничем себя не выдавал. Но как только все закончили, дух стал разбойничать на новом шоссе. Шоссе круто вилось среди лесистых гор, и злому духу легко было сталкивать машины со склона и обрушивать их в пропасти и ущелья. Все шоферы на этой трассе выучили заклинания против него. Жгли у себя в кабине смолу, дым которой губительно действовал на духа, вешали на ветровое стекло талисманы. Но ничего не помогало. Количество дорожных происшествий и аварий по-прежнему оставалось большим. Особенно буйствовал злой дух после захода солнца, когда фары были не в состоянии осветить всю крутизну поворота, а шофер не мог по каким-то причинам сбавить скорость... Вот тут-то дух куручия и сводил счеты с ненавистной ему дорогой.

От проделок злого духа страдали не только шоферы, но и местные жители, которые пользовались попутными машинами. И тогда было решено найти волшебника. В любом другом месте это сделать трудно или просто невозможно. Но в малабарском Вайнаде такие проблемы не вызывают затруднений. Пришел волшебник. У него была длинная седая борода, остроконечная шапка и черный хитон. Волшебник как волшебник, и никто даже удивился. Старик долго читал таинственные и непонятные заклинания под деревом, где был убит куручия. И наконец, выманил злого духа из его убежища. Накрыв его глиняным горшком и сказал, что дело сделано, но только наполовину. Теперь надо найти большую цепь, и он прикует злого духа к дереву. Цепь нашли и духа приковали. И вот уже несколько десятилетий непослушный злой дух сидит на цепи.

Время от времени его подкармливают, оставляя на каменной платформе кокосовые орехи, молоко, вареный рис. Говорят, что число дорожных происшествий после этого сократилось. Но это говорят. Когда наша машина миновала очередной поворот, я увидела грузовик, лежавший на боку среди деревьев крутого склона. Шофер в горестной задумчивости сидел на обочине шоссе.

— Опять проделки злого духа? — спросила я парня.

— Опять... — обреченно покачал головой шофер.

— Так он же на цепи.

— Ну и что? — ответил тот. — Даже собака может сбежать с цепи, а злой дух и подавно. И надо же, выбрал какой момент! Выехал я с неисправными тормозами...

В этой короткой речи была своя неуязвимая логика.

Волшебники и маги, астрологи и предсказатели, пророки и гадалщики. Все они не мифические персонажи полузабытых сказок и легенд, а реальные живые люди. Они сохранились до сих пор на древней земле Вайнада и Малабара и придают этой земле удивительное своеобразие. Во всем этом своеобразии странно сочетается реальное и ирреальное. То, что в любом другом месте уже давно ушло в прошлое и стало легендой, здесь продолжает жить. Не удивляйтесь, когда на деревенской площади вы увидите пророка в красной тоге и пропыленных сандалиях. Не поражайтесь, когда встретите странную фигуру — черный хитон, черный с желтым колпак, пронзительный взгляд глаз. Это, безусловно, маг или волшебник. Не старайтесь обойти астролога, мирно примостившегося на узкой городской улочке. Он приветливо кивает синим высоким тюрбаном и перебирает желтые, похожие на звезды четки. Гладко выбритый продолговатый череп, выгнутый нос, тонкие губы, глаза, полуприкрытые тяжелыми веками. Из каких отдаленных времен вынырнул этот человек? Он будто сошел с древнеегипетской фрески. Там он был жрецом. Здесь оказался предсказателем. И никто не изумляется, когда его оранжевый балахон мелькает среди обычной городской толпы. На лесной тропинке звонит колокольчик, и кто-то распевает старческим надтреснутым голосом. Появляется человек. Его седая борода давно не чесана, взгляд отражает тени каких-то сумеречных мыслей, скользящих в его мозгу. Он поет странные и на первый взгляд бессмысленные заклинания, и звон медного колокольчика сопровождает это пение. Человек кутается в живописные зеленые лохмотья и, как призрак, исчезает среди деревьев. Может быть, он опять ушел в прошлое?

* * *

Плато Вайнад начинается от гор Нилгири в штате Тамилнад и продолжается на Малабаре в северной части штата Керала. Горы Нилгири высоки, около трех тысяч метров над уровнем моря. Они начинаются у сухой и жаркой долины Коимбатура, поднимаясь над ней призрачной голубой громадой. Поэтому «Нилгири» — значит «Голубые горы». Когда-то существовал единственный путь в эти горы — с запада через Малабар. Со стороны коимбатурской долины Нилгири были долгое время недосыгаемы. Их отделяли от долины труднопроходимые малярийные джунгли. Вместе с плато Вайнад Нилгири представляли своеобразный горный «карман», где с древнейших времен обитали таинственные племена и где задерживались неизвестные путники-народы.

Плато Вайнад окаймлено с запада невысоким хребтом Западных Гхат. Хребет спускается к прибрежной полосе. Там, на этой полосе, находились древние портовые города. И самым крупным из них, а может быть, и самым древним был Каликат. Это у стен Каликата в XV веке появились паруса кораблей Васко да Гамы. Мы знаем об этом, потому что все случилось не так давно. История Малабара также хранит память о судах царя Соломона, о римских галеонах, о красных парусах быстроходных барок ранних арабских купцов. А что было до этого? Кто и на каких кораблях приставал к богатому пряностями и чудесами Малабарскому побережью? Кто проникал сюда с севера? Кто и когда оставался здесь, плененный пышной природой, мягким климатом, вечным летом? Об этом мы пока не знаем. Можем только догадываться.

Но как бы то ни было, горный «карман» втянул в себя многих. Втянул и задержал надолго. В течение многих веков в районе Нилгири — Вайнад формировался свой особый мир. Относительно изолированный от остальной части Индии, он сохранял то, что время уносило в других местах. И постепенно Вайнад — и Малабарский и Нилгирийский — стал превращаться в своеобразный заповедник древней жизни с мертвыми и живыми ее реликвиями и знаками.

Над древней страной встают ослепительные, наполненные удивительным спокойствием и тишиной рассветы! Над ней пылают багровые в полнеба закаты. Ночи полнолуния превращают Вайнад в голубой призрачный край. Здесь стоят нетронутые джунгли и птицы

прыгают по плитам древних погребений. Здесь пещеры хранят вековые загадки, которые таятся в их стенах, покрытых удивительными рисунками. В небольших городках и деревнях Вайнада стоят храмы, не похожие на храмы остальной Индии. По дорогам этой страны бродят колдуны и астрологи. Темными ночами обычные люди пляшут на раскаленных углях, не обжигая босых ступней. Корчатся и вещают пророки. Как тени то тут, то там возникают тантристы, которых считают волшебниками. И время от времени ползут слухи об их зловещих делах.

Все это было в Вайнаде тысячу лет назад. Так осталось и до сих пор. И продолжают там существовать удивительные племена темнокожих австралоидов — потомки самых древних обитателей этой земли, островки какой-то первозданности в нашем современном мире. И эти племена с их изначальной верой в духов и пророков, с их своеобразным восприятием мира, где реальное и ирреальное часто соприкасаются, являют собой неиссякаемый источник, питающий древнюю жизнь современного Вайнада.

...От Утакаманда, лежащего в каменной котловине, дорога стала карабкаться круто вверх. Она то сворачивалась в кольца, то распрямлялась и с каждым витком приближала нас к небу, на котором стояло низкое предзакатное солнце. Его лучи били прямо в глаза и превращали близкие скалы и дальние пики гор в странно движущиеся черные силуэты. Пронзительный холодный ветер свободно разгуливал на высоте и пробирал до костей. Я застегнула брезентовый бок нашего «джипа», но ветер проникал в щели неплотной обшивки. Натужно гудя, «джип» наконец взобрался на самую высокую точку Нилгирийского хребта, а затем покатился вниз. И отсюда, с западного склона, как-то неожиданно открылся свободный простор плато Вайнада. Оно лежало внизу, густо покрытое джунглями. Эти джунгли, расположенные так близко к небу, были голубыми, и из-за этого все плато казалось фантастическим уголком какой-то другой планеты. Но по мере нашего приближения к плато голубой оттенок исчезал, сменяясь зеленым сочным цветом земного леса.

Мы въехали в заросли. Стало теплее, и тонкий свежий аромат джунглей проник в «джип» и заглушил запах. Солнце исчезло где-то за деревьями. И только тонкие красноватые его лучи, пробиваясь сквозь листву, плясали на сырой покрытой мхом и густой травой земле.

Постепенно солнечные блики стали тускнеть и затем исчезли совсем. Лес затопили сиреневые короткие сумерки. Потом сиреневый неверный свет отступил куда-то в глубину леса, и теперь только фары «джипа» высвечивали заросли, подступившие к шоссе. Вскоре шоссе кончилось, и началась грунтовая дорога. Позади остались огни городка Гудалур и большой деревни Ирумаду. До самой Кералы не было больше крупных населенных пунктов. Ветви зарослей хлестали по обшивке «джипа», стряхивая обильно выпавшую росу. Иногда над дорогой возникали высеченные в грунте обочины, тогда придорожные заросли уходили куда-то вверх, и оттуда причудливо свешивались на дорогу ветви деревьев и кустарников. И в этих ветвях плыли яркие звезды.

Стрелки моих часов показывали полночь. А «джип» продолжал все куда-то двигаться сквозь заросли и звезды. Неожиданно какая-то тень возникла на дороге и метнулась в придорожные кусты. Машина остановилась. И вдруг прямо из зарослей к машине вышла вереница людей. Маленькие, темнокожие, они легко ступали по земле, о чем-то тихо переговариваясь между собой. Их выющиеся волосы напоминали высокие меховые шапки. Короткие куски светлой ткани, начинавшиеся где-то около подбородка, прикрывали худые темные тела. В глазах, по-детски широко открытых, светилось удивление и как-то странно отражались низкие звезды. Их тихий говор был похож на шелест листьев ночного леса. Так же неожиданно, как и появились, они вдруг исчезли, растворившись, как призраки, в сумраке окружающего леса. Передо мной была пустая дорога. Может быть, мне все это померещилось?

— Панья, — сказал шофер. — Лесные люди.

И я поняла, что мы приехали в самый древний Вайнад.

Мы — панья

Солнечный луч проник сквозь подслеповатое окошко хижины и лег веселым зайчиком на противоположную закопченную стену. Пылинки, вырвавшиеся из полумрака, освобожденно заплясали в неверном золоте света. Откуда-то пополз синеватый дымок, и я поняла, что наступило утро. Жесткий деревянный топчан, на котором я провела остаток ночи, сразу утратил свою привлекательность. Вошла девушка с печальными глазами и сказала:

— Вас там уже ждут.

Девушку звали Лакшми, и жилище, где я обрела ночлег, принадлежало ей. Хижина стояла рядом с небольшой амбулаторией, тоже похожей на хижину. Амбулаторию сумел организовать в этих глухих лесных местах все тот же «бессонный доктор» Нарасимха, который так заботливо и бескорыстно лечил нилгирийское племя тогда. Последний раз я видела доктора в 1965 году, а теперь уже был 1971 год, и я снова с ним встретилась.

Я вышла из хижины. Над Вайнадом стояло ослепительное и прозрачное раннее утро. Из соседних зарослей доносился гомон птиц. Над лесом, где-то у самого горизонта, синел хребет Западных Гхат. Свежий прохладный воздух этого январского утра был крепко настоен на лесных запахах. Было безлюдно, и только небольшая группка темнокожих людей, стоявшая недалеко от хижины, напоминала о том, что в этих местах все-таки обитает человек. Люди слегка поеживались в прохладе раннего утра и кутались в куски белой ткани. Группа о чем-то совещалась. Потом от нее отделилась женщина и решительно направилась ко мне. Женщина явно была парламентом. Она остановилась передо мной, и ровный белый ряд зубов в приветливой улыбке блеснул на ее темном лице. В жестко вьющихся волосах парламента кокетливо торчал синий цветок, а мочки ушей были растянуты круглыми серьгами, усеянными красными блестящими точками — зернами.

— Мадама, — сказал этот удивительный парламентар, — ты зачем сюда приехала?

В первую минуту «мадама» растерялась от такого неожиданного вопроса и оторопело спросила:

— Как зачем?

Парламентер непочтительно и недипломатично хихикнул и поманил рукой остальных.

— Вы кто? — спросила я.

— Мы — панья, — ответили мне.

— Я к вам в гости, — ненавязчиво сказала я.

Стоявшие рядом одобрительно закивали головами. Мой первый рабочий день в племени панья начался.

Панья... Пожалуй, это самое австралоидное и древнее племя плато Вайнад. Но послушаем, что о них говорят другие.

Английский этнограф Торстон писал в начале нашего века: «Панья — темнокожее племя небольшого роста с широкими носами и кудрявыми волосами, населяющее Вайнад». Индийский этнограф Гуха отмечал, что «панья имеет близкое отношение к австралийцам или, скорее, к австралоидному элементу с некоторой примесью негроидного элемента».

Они охотятся на тигров и пантер — с копьями и сетями. Едят крыс, змей, рыб, креветок, земляных крабов и черных обезьян, сообщает другой индийский этнограф — Луиз. Известный индийский ученый доктор Айяппан пишет: «Нет сомнения, что панья самые древние обитатели Вайнада».

Другие ученые, соприкасавшиеся с панья, сообщали, что у них есть колдуны, что они поклоняются странным богам и устраивают дьявольские танцы в джунглях. Помимо этого я знала, что панья являются крупнейшим лесным племенем. В общей сложности их было не менее сорока тысяч, и занимали они лесной район от Нилгири до Малабара. Основным местом их расселения оказалось плато Вайнад.

Что же еще я о них знала? Несколько легенд, которые проливали весьма сумеречный свет на историю племени. Легенды были противоречивы и отрывочны. В них присутствовали и правда и вымысел. Когда европейцы впервые увидели панья, то решили, что они являются потомками африканцев, которые когда-то потерпели кораблекрушение у берегов Малабара. Внешний вид панья ввел их в заблуждение. Мелко вьющиеся волосы и толстые губы для европейского обывателя были всегда признаками африканцев. О

протоавстралоидах они тогда еще не знали. Торстону панья рассказали только о том, что пришли издалека, бежав от притеснений какого-то раджи. Но они не помнили ни места своего прежнего обитания, ни имени раджи, ни времени своего «исхода».

По более поздним сведениям, стало известно, что панья когда-то жили на горе Иппимала около Тамарачерри. В те времена они не имели дела с другими людьми. Густой лес кормил их, пещеры укрывали от дождя и пронзительных ночных ветров. Однажды кто-то из них, выйдя к опушке леса, обнаружил там поле молодого риса. Зеленые побеги и незрелые колосья привлекли внимание лесного следопыта. Он попробовал их, и они ему понравились. Но его спугнул крик человека, который принял панья за обезьяну. Панья не знал, каким был этот человек, добрым или злым. Он понял только, что человек сторожит вкусные побеги и что днем «пасться» на поле опасно. Он рассказал соплеменникам об этом поле. Теперь каждую ночь панья выходили на опушку и ели зеленый рис.

Вскоре землевладельцы заметили, что кто-то по ночам поедает молодые побеги риса. Они думали, что это кролики или обезьяны. Они не знали, что в лесу рядом с ними живут люди, называвшие себя панья. Когда об этом стало известно, люди стали охотиться на людей. Но поймать осторожных и ловких жителей леса долго не удавалось. Наконец одному из землевладельцев пришла мысль расставить на похитителей риса сети, как их расставляли на диких зверей. В ту недобрую ночь 20 панья попали в сети. Маленькие, темнокожие, они беспомощно бились в этих непонятных снастях, кричали и плакали. Уцелевшие сидели на опушке леса в кустах и, не понимая, что произошло, не посмели прийти к ним на помощь. Опутанных сетями панья повели куда-то в глубь полей, подгоняя ударами палок. Так первую партию рабов-панья привели к большому каменному дому землевладельца. Они не понимали языка тех, кто их так вероломно захватил в плен. Их стали приручать, как диких зверей.

Но панья оказались, на удивление, сообразительными, послушными и терпеливыми. Их бдительно сторожили, и никому из них не удалось убежать за время приручения в родной лес. Панья заставили работать на поле, научили языку их хозяев и однажды отпустили. Но отпустили не просто, а приказали привести с собой соплеменников. Маленькие рабы не посмели ослушаться. А потом

наступили еще худшие времена, когда люди, владеющие рисовыми полями, начали скупать участки леса. Они покупали этот лес вместе с панья, которые автоматически становились их рабами. Тех, кто пытался избежать этой участи, ловили и силой обращали в рабство. Так было поработщено племя панья феодалами и помещиками Вайнада. Период рабства, видимо, длился не одну сотню лет. Да и сейчас оно окончательно не исчезло.

Поэтому не удивительно, что старого пророка и вождя Палана из Начери я встретила на кофейной плантации. Он сидел у куста зеленого кофе и рыхлил под ним землю. Когда я окликнула его, он поднял седую кудрявую голову и удивленно посмотрел на меня.

— Вот где я тебя нашла, — сказала я.

— А где бы ты меня могла сейчас найти? — еще раз удивился старик.

Мы так и уселись под этим же кустом кофе. Я видела, как по склону, на котором была расположена плантация, сновали люди, занятые работой. Среди них было немало панья. Склон спускался вниз к узкому ущелью, на дне которого мирно журчал прозрачный ручей.

— Все это, — Палан показал на плантацию, ущелье и лес, — принадлежало когда-то панья. В те времена панья были свободными. А теперь слушай, я расскажу тебе, что знаю. Прошло много лет, и в моей старой голове все спуталось. И если я вдруг скажу неправду, ты меня простишь. Я предупредил тебя.

...Давно-давно где-то на западе стояла гора Иппималаи. Это была высокая гора, сверху донизу покрытая лесом. В этом лесу с незапамятных времен и жили панья. Но жили они не так, как живут сейчас. У них не было домов. Убежищем им служили скалы и пещеры. У них не было ткани, и одежду они делали из широких листьев, они не знали, что такое рис, но лес давал им обильную пищу. В лесу они собирали фрукты, вкусные корни, дикий мед.

Панья были хорошими охотниками. Они выслеживали и убивали оленей, зайцев, диких буйволов, черных обезьян. Вечерами после удачной охоты они жарили куски сочной дичи на раскаленных углях. Люди собирались вокруг костров и терпеливо ждали, когда пламя сникнет и превратится в пышущий жар золотисто-красных углей. Панья ценили и пламя, и жар углей. Ибо было время, когда племя не знало, что такое огонь. Правда, им не раз приходилось наблюдать, как

в жаркий сезон в джунглях вспыхивали разрушительные пожары. Тогда пламя бушевало и гудело в зарослях. Животные и люди уходили дальше от опасных мест. Панья в те времена не умели подчинять огонь, не знали, как заставить его служить людям. Но однажды они заметили, как возникает лесной пожар. Сухой бамбук раскачивался на ветру. Ветви терлись друг о друга. И вдруг на одной из них появилась искра. Пламя забушевало в бамбуковой роще. Панья решили сами потереть бамбуковую палочку о сухой ствол. Так они добыли первый огонь. С тех пор они получают его трением бамбуковых палочек.

В джунглях, где обитали панья, стояли высокие деревья. Повсюду были разбросаны огромные серые валуны и скалы. Боги панья жили в этих деревьях и камнях. Поэтому люди поклонялись деревьям и камням. Боги панья всегда следовали за людьми и не покидали их. Они разговаривали с панья языком пророков. Люди заботились о богах, кормили их и приносили им жертвы. Великий бог Ишвара для удобства панья создал солнце, луну и звезды. Каждый день солнце поднимается на востоке, чтобы принести людям свет и тепло. К вечеру оно садится на западе, проходит сквозь землю, чтобы к утру вернуться на свое обычное место. Когда солнце исчезает, на небе появляются луна и звезды. Лунный свет рассеивает темноту, когда панья танцуют. Звезды помогают находить дорогу в джунглях и горах.

Многие годы панья мирно жили в джунглях, потом вдруг началась большая война. Уже никто не помнит, когда это случилось. Почти все панья были убиты в этой войне. Только двоим удалось спастись — мужчине и женщине. Они ушли далеко в джунгли и спрятались от победителей. Там, в густых зарослях, женщина-панья родила детей. И дети эти вновь возродили племя. Самое древнее племя плато Вайнад.

Палан замолчал. Он рассказывал очень долго. Солнце уже клонилось к горизонту и теперь наполовину ушло в землю, чтобы, пройдя ее насквозь, вновь появиться завтра утром на востоке.

— Прошло уже много-много лет с тех пор, — задумчиво сказал Палан. — Панья многому научились. Теперь мы строим дома, делаем одежду. Нас заставили работать на плантациях. Мы лишились многих своих земель. Но мы не забыли своих богов и свои джунгли. Когда нет работы на плантации, мы уходим в лес охотиться и собирать коренья и дикий мед. Мы ловим рыбу в реках и выращиваем тапиоку около наших деревень. Несмотря ни на что, панья остались панья.

В том, что панья остались панья, я убедилась очень скоро. Каждое утро, когда на деревьях и траве лежала обильная роса, я отправлялась в путь. Деревушки панья были разбросаны везде: на склонах гор, в лесных зарослях, в узких долинах. В каждой из них четыре — семь домов. Дома — небольшие хижинки, сделанные из бамбука. Крыши покрыты пальмовыми листьями или рисовой соломой. В некоторых деревнях бамбуковые стены обмазаны глиной. Глины вокруг много. Вся почва глинистая. Небольшие чистые дворики вокруг хижин врезаны в эту глинистую почву. Как правило, в хижине одна комната. Она небольшая, от восьми до десяти квадратных метров. Потолок комнаты сделан из бамбуковых жердей. Окон нет. Свет и воздух проникают сквозь узкую дверь. Справа от двери, прямо в земляном полу, находится очаг, несколько камней поддерживают глиняный горшок над очагом. Как и в любой племенной хижине, циновка заменяет всю мебель. На ней спят, сидят и едят. Кроме этой циновки, пары глиняных горшков, нескольких ложек из кокосового ореха, тряпки, которая заменяет многим одежду, а иногда топора с узким лезвием или старинного копья, вы ничего другого в хижине панья не найдете.

Перед некоторыми хижинами стоят деревянные высокие крупорушки с тяжелыми пестиками. В них обычно женщины рушат падди — неочищенный рис. Сами панья рис не выращивают, а покупают его на деньги, заработанные на плантации. Нередко хозяева плантаций расплачиваются с панья рисом. Рядом с двориками — небольшие возделанные участки, похожие на огороды. На этих участках панья выращивают тапиоку — сладкий картофель.

В некоторых местах появились так называемые колонии для хариджан. В них селят и панья. Там они живут в длинных каменных бараках под черепичной крышей. Каждый барак разделен на несколько секций. Секция — это и одна комната, рассчитанная на отдельную семью. Колонии строят в неудобных безлесных местах. Панья стараются в них не попадать.

В племени бывших рабов нет богатых и зажиточных. Панья все бедны. На плантациях они получают гроши, и на них почти невозможно прокормить семью. Поэтому панья не расстаются со своими традиционными занятиями. Лес по-прежнему кормит племя. Ростовщики и торговцы обманывают панья, и последние легко

попадают в их сети. Нередко бывает так, что весь дневной заработок панья отдает ростовщику.

Когда-то помещики-«дженми» силой отбирали землю у панья и превращали их в рабов. Теперь правительство закрепило оставшуюся землю за панья. Но и эти небольшие клочки земли часто являются причиной раздора между панья и дженми. Наивные и доверчивые панья, как правило, оказываются побежденными. Очень трудно человеку лесного племени разобраться во всех тонкостях земельных отношений.

Вот послушайте, что приключилось с Тонданом. Деревня Тондана стоит недалеко от городка со странным названием Султанская батарея. Сам городок — это просто большая деревня. Тондан возвращался от родственников жены. Тропинка вела через джунгли, и он несколько раз останавливался, стараясь отыскать гнездо диких пчел, которое, он подозревал, должно было быть где-то здесь. Гнезда он так и не нашел. К закату солнца Тондан вышел на опушку леса. Отсюда как на ладони была видна его деревня, расположенная в лощине. Он посмотрел вниз и не поверил своим глазам. Его хижины не было на месте. Все остальные пять хижин стояли по-прежнему, а его хижины не было. Продолжая не верить случившемуся, Тондан быстро спустился вниз и бегом пересек лощину. Сразу за банановой рощей он увидел груды поломанных бамбуковых жердей — все, что осталось от хижины. Около обломков сидела жена и, уткнув лицо колени, безмолвно и странно раскачивалась. Тондан окликнул ее, но она не отозвалась. Тогда он осторожно тронул ее за плечо. Она подняла лицо, и глаза ее горестно были устремлены куда-то вдаль мимо Тондана.

— Что случилось? — закричал Тондан. — Почему молчишь? Где отец?

— Дженми... — с трудом выдавила из себя женщина. Его увели люди дженми.

И тогда Тондан все понял.

Беда пришла несколько месяцев назад. К отцу зачастили люди дженми. Отец, старый простодушный панья пил вместе с ними араку и распевал по ночам песни. Потом люди дженми стали уводить его в усадьбу хозяина. Тондан не знал, чем занимался там отец. Но однажды тот вернулся домой пьяный и долго хвалился перед всеми, что земля, на которой стоит хижина, принадлежит ему, и только ему. Тондан

сначала удивился. Отец никогда раньше так не говорил. Земля действительно принадлежала ему. Это был клочок, выделенный их семье правительством штата. И тогда Тондан заподозрил неладное. Несколько дней спустя старик проболтался, что обещал помещику подарить свою землю.

— Ты в своем уме? — спросил его Тондан.

— В своем, — хвастливо ответил старик. — Земля моя, что хочу, то и делаю. А наш дженми хороший человек. Он дает мне араку, вкусно кормит и обещал новую одежду.

— Но что мы будем делать без земли? — наступал Тондам.

— Пить араку. Пить веселящую араку и танцевать, — старик хихикнул и подмигнул Тондану.

Тондан начал понимать, почему дженми был так внимателен к его старому, никчемному отцу. Он пытался пойти поговорить с самим дженми. Но те парни, которые приходили к его отцу, не пустили его даже в ворота большого каменного дома помещика.

— Иди, иди отсюда! — крикнул один из них. — Хозяин имеет дело только со стариком. Тебя он слушать не желает. — И наградил Тондана подзатыльником.

Тондан поплелся в свою деревню. Теперь уже никто не мог помочь. Но по дороге он встретил знакомого, и тот ему сказал, что в Амбалаваяле есть чиновник, господин Кришнан. Этот господин Кришнан выручил однажды уже не одного панья. Но Тондан не пошел к господину Кришнану. Он боялся получить еще один подзатыльник.

Теперь, сидя у развалин хижины рядом с плачущей женой, Тондан вспомнил о господине Кришнane. Утром он направился к нему.

Небольшого роста, коренастый человек встретил его во дворе домика с побеленными стенами.

— Ты панья? — спросил он Тондана, улыбаясь одними глазами. — Ну и с чем ты пожаловал?

— Мне нужен господин Кришнан, — робко сказал Тондан.

— Я господин Кришнан, — сказал человек и сделал приглашающий жест.

Тондан, путаясь и волнуясь, начал рассказывать о случившемся.

— Подожди, подожди — перебил его господин Кришнан. — Рассказывай все по порядку, иначе я ничего пойму.

И Тондан, осмелев, рассказал ему все. Глаза господина Кришнана больше не улыбались, смотрели строго и серьезно.

— Да, брат, — сказал он задумчиво, — история твоя трудная. Не хуже, чем в детективном романе.

— В чем? — не понял Тондан.

— Ни в чем, — засмеялся господин Кришнан. — Это я так, для себя. Знаешь, что теперь надо делать?

— Нет, — покачал головой Тондан.

— Действовать и немедленно. Сейчас мы с тобой поедem в Султанскую батарею.

— Зачем? — удивился Тондан.

— Потому что там единственная на весь округ юридическая контора.

— Что единственная? — опять не понял Тондан.

— Ну, брат, тебе всего не объяснишь. Лучше поторопись.

И они отправились в Султанскую батарею. Тондан был там только один раз, когда отец еще маленьким взял его с собой. Город Тондану не понравился. Там было шумно и непонятно. Но теперь рядом с ним господин Кришнан, от которого шла какая-то твердая уверенность. И это успокаивало. Они вышли на главную улицу, и Кришнан, приложив палец к губам, сказал:

— Тихо! Стой здесь и не шевелись. И наблюдай за тем окном.

Дом с решетчатыми окнами стоял на противоположной стороне улицы. Люди в комнате за окном двигались, входили и выходили. Вот вошел кто-то новый. Сутулая широкая спина, по-медвежьи поставленная голова. Что-то знакомое померещилось в нем Тондану. И у него вырвалось восклицание.

— Что ты увидел? — быстро повернулся господин Кришнан.

— Это дженми! — теперь Тондан был в этом уверен.

— Хорошо! — сказал Кришнан. — Значит, я прав. А теперь слушай объяснение. Вот за этим окном юридическая контора. Дженми пришел, чтобы получить бумагу на вашу землю. Но бумагу без твоего отца он не получит. Значит, отец где-то рядом. Пройдись по улице и попробуй его отыскать. Я тебя буду ждать здесь.

Как только Тондан отошел от господина Кришнана, он сразу потерял уверенность. Но где-то рядом был похищенный отец. Его надо было выручать и спасать землю. Тондан заглядывал в двери

прокопченных харчевен и узких лавок, которые тянулись вдоль улицы. Он расспрашивал прохожих. Но отца нигде не было. Тогда он вернулся к господину Кришнану. От шума у него начала болеть голова, он устал и был голоден.

— Ну? — нетерпеливо спросил Кришнан.

— Я не нашел его.

Эх ты, лесной следопыт. Тогда стой здесь и следи, чтобы твой дженми не исчез. А я пойду искать.

Кришнан прошел всю эту небольшую улицу, но не обнаружил следов старика. Уже возвращаясь обратно, он задержался у глухого переулка и почему-то свернул в него. Переулок был пустынен, и сюда не доносился шум главной улицы. Он остановился передохнуть в тени большого дерева. Рядом с деревом стоял дом под черепичной крышей. Стены дома были обшарпаны, углы обвалились. Вдруг до слуха Кришнана донесся слабый стон. Он прислушался. Стон повторился. Было ясно, что стон шел со стороны этого старого дома. Только теперь Кришнан заметил низкое подвальное окно внизу дома.

— Эй! Кто в подвале? — спросил он.

Стон прекратился. «Ну чистый детектив», — подумал Кришнан и пошел искать хозяина дома. Кришнан был молод, любил читать рассказы о сыщиках, но никогда не думал, что сам превратится в сыщика в этом глухом лесном месте, населенном мирными и покорными племенами. Хозяин, маленький всклокоченный человек в грязном дхоти с настороженным взглядом узких глаз, долго отпирался и не хотел пускать Кришнана в подвал. Пришлось пригрозить ему полицией. Угроза произвела желаемое действие, и хозяин провел Кришнана по шаткой лестнице вниз, в темный подвал. Кришнан чиркнул спичкой. В углу, сжавшись в комок, сидел темнокожий худой старик. Его руки были связаны за спиной, на теле ясно проступали синеватые кровоподтеки.

— Нет! Нет! — закричал вдруг старик. — Я раздумал! Я не отдам землю! Она нужна моим детям! — всхлипнул и тонко, по-детски заплакал.

— Успокойся! — сказал Кришнан и стал развязывать старика. — Если ты пойдешь со мной, земля останется у тебя.

Они вышли на солнечный свет, и Кришнан поддерживал старого панья, ноги которого не слушались. Они медленно двинулись вдоль

улицы. Теперь Кришнан понимал, что старика, отказавшегося в последний момент поставить отпечаток пальца под земельным документом, дженми решил просто убрать. В этом заброшенном подвале ему уготовили голодную смерть.

Менон резко дернулся на стуле, когда в контору пришли Тондан, старик и Кришнан.

— Ну, Менон, — сказал господин Кришнан, — что здесь делаешь? Готовишь документ на землю, хозяин которой исчез?

Менон грузно поднялся со стула, смял в потном кулаке форменный бланк, который он уже заполнил, и в глазах его полыхнула ненависть.

— Ты, ты, — его голос постепенно креп, — за все мне заплатишь!

Он двинулся к выходу, и клерки испуганно расступились перед дженми.

Кришнан знал, что угроза Менона не была пустой. Он помог Тондану переписать землю на его имя. Забрал всю семью в свой небольшой дом, потому что знал, что такое месть дженми. Он пытался возбудить уголовное дело против Менона, но остальные панья из деревни Тондана отказались дать свидетельские показания: они тоже знали, что с дженми шутки плохи.

Через месяц Тондан и его жена вернулись в свою деревню и отстроили разрушенную хижину. Вскоре умер старик. Он так и не сумел оправиться от побоев и перенесенного потрясения. А у господина Кришнана появился еще один враг — господин Менон, который никому ничего не прощает...

История Тондана кончилась пока благополучно для него самого. Но панья и дженми есть везде, а господин Кришнан — только в маленьком поселке Амбалавая. И поэтому, как и в прошлые годы, панья могут легко потерять свою землю.

Сначала они потеряли свою свободу, потом землю, теперь они могут потерять работу. В какой-то момент показалось, что они потеряли даже свою родовую организацию. И я этому не удивилась, потому что многие племена, которых превращали сначала в рабов, затем в батраков, забыли о своих первоначальных родах, не помнили их названий. Я думала, что с панья случилось то же самое. Та небольшая литература, которая была написана о них, подтверждала эту мысль. «Родовая организация утрачена», — отмечали солидные авторы. «Роды? — удивленно спрашивали меня панья из предгорий

Нилгири. — Нет, мы уже о них не помним. И легенд не знаем. Говорят, что было когда-то деление на роды, но теперь уже нет».

И каждый раз разговор о родах заходил в тупик. Но я продвигалась медленно по лесистому плато Вайнад, уходя дальше в глубь древней земли. Сначала мне удалось выяснить, что в каждой деревне панья есть свой вождь. Его называли куттан. Потом оказалось, что при вожде есть совет «коттани». Все дела в деревне решает совет. Основное место в работе совета занимали проблемы семейной жизни. За супружескую неверность совет наказывал и мужчин и женщин. Наказывал штрафом от семи до десяти рупий. Деньги шли на устройство праздников. Чем больше супружеских измен, тем пышнее и веселее праздники. Вождя в деревне выбирали. Здесь сохранились основы древней демократии. Раз есть вождь, значит есть еще племя. А потом выяснилось, что не все панья забыли о своей родовой организации.

* * *

Он пришел ко мне в Чингери под вечер и сказал, что живет в деревне неподалеку. Он был сед, темнокож, с живым подвижным лицом.

— Мадама, — сказал он, — говорят, что ты ищешь умного человека.

— Хочешь сказать, что ты тот умный человек? — спросила я.

— Конечно, — уверенно ответил он. — Я не только умный, но еще и жрец.

— Прекрасно. Так давай поговорим.

— Давай, — охотно согласился он.

И мы поговорили. Теперь я считаю, что Кулиен, сын Курумена, не только умный человек, но и самый памятный среди панья.

Оказалось, что у панья существует сто восемь родов. Их называют «кулам». Во главе каждого кулама стоит вождь. Роды называются по имени предков, их основателей. Конечно, Кулиен не помнил все сто восемь. Но некоторые назвал: Теваньен, Кадайран, Маниямкодан, Нанжильвудан, Нарикодан, Паппалан, Черанкодан. До сих пор дети принадлежат «кулам» матери, а муж, согласно традиции, живет в роду жены, в ее доме. Правда теперь есть отклонения от этой традиции. Но все это свидетельствует о том, что родовая система у панья была

матриархальной. В некоторых местах, правда, очень редко еще сохранилась и форма матриархального брака, полиандрия, или многомужество. Когда-то, как сказал Кулиен, собственность в племени принадлежала женщинам и переходила от матери к дочери. Но теперь положение мужчин в этом отношении улучшилось, и собственность делится (если есть, что делить) поровну между дочерьми и сыновьями.

Что касается женщин, то они чувствуют себя на равных с мужчинами и даже чуточку выше. Паничи — так называют женщин в племени панья. Паничи — народ энергичный, сообразительный, смелый и независимый. Без паничи нельзя решить ни один вопрос в семье. Если паничи требует развода, то перечить бесполезно. Если она решила взять кого-то себе в мужа, то, будьте уверены, она этого добьется. Паничи может быть и пророчицей и жрицей. Она — первая в танцах, и никому в племени не придет в голову сказать, что женщина танцевать не может. Есть ведь племена, где танцуют только мужчины. Но панья к таким племенам не принадлежат, ибо у них есть паничи. Те паничи, которые самостоятельно отправляются в джунгли, в одиночку проходят длинные расстояния по глухим местам и в обиду себя не дают. Те самые паничи, которые возникают перед вами неожиданно, — буйно кудрявые, маленькие, ловкие, задрапированные в кусок ткани, заинтересованные во всем, что происходит вокруг и не дающие никому спуска. Паничи украшают лицо татуировкой, и они почему-то напоминали мне маленьких быстроглазых пиратов, которых много веков назад высадил на берег фантастический корабль и оставил в этих лесах управлять своими панья.

Паничи поспевают везде: и по дому, и в работе на плантации, и в походах на местный рынок. Паничи и говорят быстрее, чем медлительные мужчины-панья. В их языке я улавливала какой-то иной, чужой акцент, хотя они говорят на одном из диалектов языка малаялам и употребляют немало тамильских слов. Следы ли это какого-то своего праязыка или просто неправильно произносимые слова, сказать трудно.

3

Тропа в ночи

Когда в Вайнаде наступает апрельская ночь новолуния, панья устраивают праздник в честь богини Мариаммы.

Для меня этот праздник начался несколько необычно. Поздно вечером я рассталась с нилгирийскими панья и пересекла границу Тамилнад — Керала. Молодой парень в форме цвета хаки приветливо откозырнул нашему «джипу», нимало не обеспокоившись «нарушением» границы. Через несколько километров от границы уже на «той стороне» меня поджидал господин Кришнан (тот самый, что спас землю Тондана от посягательств дженми). Я рассчитывала отдохнуть хотя бы ночью. Но господин Кришнан был не из тех, кто потворствовал таким слабостям. Округлив по-мальчишески глаза, он таинственно спросил меня:

— Знаете, что будет сегодня ночью?

— Нет, — чистосердечно призналась я.

— Сегодня ночью будет такое... — продолжал напускать туману господин Кришнан. — Короче говоря, вам не придется спать сегодня ночью, — неожиданно закончил он.

Но я почему-то не рассердилась. Я только переспросила, что же все-таки будет ночью.

— Ой! — схватился за голову господин Кришнан. — Будет такое... Короче, надо спешить.

Я посмотрела на часы. Стрелки показывали полночь. Почему-то без дальнейших расспросов я подчинилась господину Кришнану. И не пожалела. И потом я никогда не жалела, что следовала за ним, когда он говорил мне, не объясняя: «Знаете, будет такое...» или «Там есть такое...» С этой первой ночи я знала, что «такое» — это самое интересное и существенное для меня. Для Кришнана тоже. Так мы, как говорится, нашли друг друга.

Сначала дорога была пустынной. Над ней стояло темное звездное небо, и теплый ветер шумел в зарослях, тянувшихся по обе стороны. Время от времени ухала какая-то ночная птица. Из-за поворота вынырнула придорожная харчевня под пальмовой крышей. На харчевне было написано: «Отель „Париж“». «Париж» освещался керосиновой лампой, а над прокопченным его прилавком торчала лохматая голова, владелец которой грустно и задумчиво смотрел на темную дорогу. Отель «Париж» — здесь, в глуши, при лесной дороге. Мне стало смешно и сразу почему-то расхотелось спать. Куда и в

каком направлении мы ехали, я не знала. Да это было, наверно, и неважно.

Над деревьями скользил тонкий серп молодой луны. Откуда-то потянуло сыростью, и на дорогу стали напозать полосы тумана. Они наплывали, странно покачиваясь, оседали на придорожных кустах и исчезали в темноте. Это было похоже на игру призраков. Вдруг сквозь медленно плывущий клоч тумана засверкали огоньки. Они двигались в каком-то своем порядке и не удалялись, а приближались. И когда они оказались рядом, дорога превратилась в древнюю тропу, по которой бесконечным потоком двигались маленькие темнокожие люди. Они шли упорно и сосредоточенно, будто их гнала какая-то неведомая сила. Множество факелов освещали темные лица, взлохмаченные головы. Эта тропа пролегла в другом времени, и я случайно попала на нее. Пророк в красном балахоне, несший в руках странной формы меч, посмотрел сквозь наш «джип», как будто это было пустое место.

Древнее племя панья двигалось по своей ночной тропе. Над ним покачивались странные флаги-хоругви, разрисованные поперечными зигзагами — красными, черными, белыми. Люди несли на палках гроздь бананов — подношение всемогущей Мариамме. Резко пели флейты и глухо стучали барабаны. Они шли сквозь ночь мимо спящих деревень, через засыпающие городки. Миля за милей. Маленькие выходцы из прошлого со своими пророками, духами и богами. Обогнавший нас «джип» как-то странно и легко прошел сквозь идущих. А они все лились и лились по дороге, как река, по темной поверхности которой плыли факелы. Не было шоссе, не было нас, а была древняя тропа и панья — ее хозяйка. Эта ночь принадлежала им, а они ей. Ночь укрыла их от любопытных и нескромных глаз, от пошлых замечаний и иронических улыбок обывателей XX века. Сколько веков они так шли? Почему они не заметили, что их тропа превратилась в асфальтированное шоссе? Что там, где когда-то были джунгли и стоял лесной деревянный храм богини Мариаммы, теперь вырос городок Калпетта? Может быть, их это не касалось. Видно, какой-то закон древней жизни властно звал их в то место, где находилась их богиня. Они шли через город, удивленно расширив глаза и автоматически перебирая ногами. Город не спал, он ждал этого зрелища. Древняя процессия панья запрудила его узкие улицы. Город приготовился к встрече. Балаганные зазывалы хватали панья за руки.

Но те их не замечали. Клоун бил в большой барабан. Пронзительно кричал продавец цветных воздушных шаров. Акробаты взлетали к небу, где стоял серп молодой луны. Город был наполнен своей музыкой, и звуки флейт панья потонули в ее разноголосье. Но длинная процессия панья упорно продвигалась к храму. Они шли, не замечая ни лотков продавцов сладостей, корабейников, разложивших свои яркие товары на грязной мостовой. Они осторожно обтекали их и снова смыкались. В узкой прихрамовой улице их толкали, над ними смеялись. Они мешали горожанам, которые пришли на них же посмотреть.

Город, вставший на их пути, изменил все: их джунгли, их самих, их храм, их богиню Мариамму. Но в эту ночь панья ничего не замечали и не признавали.

В небольшом деревянном храме на алтаре стоит Мариамма. Шелковые одежды, серебряная маска лица. Теперь она чужая, не похожая на прежнюю. Напротив алтаря — каменная платформа. На ней трезубец и копьё — оружие богини. Но копьё не защитили ее от узурпаторов, жрецов-браминов. Это они, захватив лесной храм, превратили Мариамму в свою пленницу, дали ей шелковые одежды и серебряную маску. Жрецы-брамины заставили служить ее всем. Но панья знают, что под серебрянной маской скрывается истинное лицо их, панья, богини и их, панья, защитницы. И они не хотят ее отдавать чужим жрецам-браминам. Каждый год в эту ночь они пытаются взять приступом храм и вернуть себе Мариамму. Горят факелы, развеваются хоругви, мерно бьют барабаны панья. И как бы в ответ на это грозно и тревожно начинают бить шесть храмовых барабанов. Их звук — низкий и ритмичный. Под такой бой идут в наступление.

Высокий светлокожий жрец становится на пути панья. Он не хочет, чтобы они задерживались у алтаря. Пророк в красных одеждах начинает приплясывать, воздевая руки кверху.

— Меч! Меч! — кричит он.

Меч с бронзовой рукояткой лежит на шелковой подстилке. Он уже не принадлежит пророку-панья. Но дух Мариаммы овладевает им. Служители храма со шнурами дважды рожденных хватают пророка за руки и отесняют от алтаря. Там, где есть жрец, нет места пророку. Серебряная маска Мариаммы, залитая электрическим светом, равнодушна и бесстрашна.

Служители направляют поток панья к заднему двору храма, где им велят оставить бананы и кокосы, которые они принесли богине. Теперь это дело чужого жреца — отдать их Мариамме или употребить на нужды храма.

И снова бьют барабаны панья, но как-то неуверенно и печально. Они отступают, потерпев очередное поражение.

Но дух панья нелегко сломить. Там, где теперь городская площадь, была когда-то лесная поляна. На ней устраивались танцы в честь Мариаммы. Зов древней жизни властен, и панья начинают танцевать на площади, не обращая ни на кого внимания. Их тела напряжены и тонки, как звуки флейты. И как эти звуки, панья то поднимаются, то опускаются, создавая замысловатый рисунок, отзываясь каждым движением на странно звучащую мелодию. Они впитывают в себя эту мелодию, сливаются с ней. И уже трудно понять, где люди, а где музыка.

И тут же, на площади, в клетках бродячего цирка, поводя худыми облезшими боками, мечутся звери: тигры, пантеры и медведи. Да, все изменилось. Джунгли вырубili, зверей посадили в клетки, а панья танцуют на грязной городской площади под смех и улюлюканье обывателей.

Утром, когда взошло солнце, уставшие панья спали прямо на улицах Калпетты среди пыли, бумажного мусора и банановой кожуры. Тут же спал и маленький пророк в красных одеждах. Он был пьян, беспокойно метался во сне и стонал.

Мы возвращались из Калпетты снова туда, в джунгли. Стояло ясное солнечное утро. Дорога была пустынна. Как будто все, что на ней происходило ночью, мне приснилось.

Духи предков и любимая кобра

Дух умершего сидел в горшке уже целую неделю, и старый Каяма сторожил его. Иногда, как казалось Каяме, дух недовольно ворочался в своем тесном вместилище и глухо ворчал. Тогда Каяма старался его успокоить.

— Сиди, сиди тихо, — говорил он. — Тебе осталось ждать немного. Ты же знаешь, что все сейчас заняты на плантации, даже жрец. Вот когда все освободятся, мы устроим церемонию, накормим тебя и выпустим.

От этих слов дух успокаивался, но ненадолго. Потом он снова начинал ворочаться. И вновь Каяма затевал бесконечный разговор.

Днем старик сидел с горшком в священной роще, раскинувшейся сразу за деревней. Ночью брал горшок с беспокоящимся духом в хижину и ставил его у изголовья. Каяма теперь плохо спал, потому что и ночью приходилось прислушиваться, как ведет себя дух. Дух принадлежал умершему дяде, к которому Каяма был очень привязан при жизни. Поэтому он и взял на себя добровольно эту тяжелую обязанность. Теперь до церемонии Каяма не мог расстаться с горшком. И от этого у Каямы было все время плохое настроение. На восьмой день он взял горшок и отправился к жрецу, который работал на ближней плантации. Жрец был занят подрезкой ветвей деревьев. Они очень разрослись и не пропускали солнечные лучи, которые были нужны кофейным кустам. Жрец сидел на дереве и коротким тесаком рубил ветви.

Каяма остановился внизу и долго наблюдал, как работал жрец. Потом он не вытерпел:

— Эй! — крикнул он. — Слезь сейчас же с дерева!

Жрец оторопело посмотрел вниз и увидел Каяму.

— Ты видишь, я занят, — спокойно сказал он старику.

— Слезь сейчас же! — потерял терпение Каяма и потряс горшком.

Жрец подумал, что стряслась беда, и быстро спустился.

— Ты его упустил? — с опаской спросил он Каяму.

— Нет. Он здесь, в горшке. Вот послушай, — и приставил горшок к уху жреца.

Жрец прислушался и удовлетворенно кивнул. Потом недоуменно спросил:

— Так чего ты пришел?

— Надо делать церемонию, — ответил Каяма. — Мне уже надоело его сторожить столько дней и ночей.

— Кончим работу — сделаем, — последовал резонный ответ.

Каяма в сердцах, с размаху поставил горшок на валун, лежавший под деревом. Горшок раскололся, жрец и Каяма, на мгновение остолбенели. Дух воспользовался замешательством, вырвался на свободу и черной вороной каркнул с верхушки дерева. Первым пришел в себя жрец.

— Сам выпустил, сам и лови! — закричал он. — А мне некогда! Мне надо работать!

Каяма бессильно опустился на валун и горестно уставился на обломки горшка.

— Что же я наделал? — тонко запричитал он.

— Старый дурак, — злорадно сказал жрец. — Дух был некормленный и теперь замучает тебя.

Солнечный свет померк в глазах Каямы, и он медленно и устало поплелся в деревню.

Вера в духов умерших, поклонение духам предков — важнейшая часть мировоззрения панья, их примитивной религии. Поэтому погребальная церемония в племени сложная и растягивается на долгое время.

С погребальным ритуалом я столкнулась в Муелмулла. Она была расположена в редких зарослях и производила впечатление тихой и спокойной. Мы долго говорили со старейшиной Конгаем. Остальные время от времени присоединялись к нам. Лица людей были приветливы и ясны, они шутили и смеялись. И к концу дня я стала своим человеком в этой зеленой и такой веселой деревне. Я даже не заметила, как село солнце, как напоззли сиреневые сумерки, быстро сменившиеся непроглядной темнотой. Сын Конгая принес охапку дров, и теперь мы сидели со старейшиной у костра, наблюдая за бесконечно разнообразной игрой желто-красных языков пламени. И вдруг в ближней хижине раздался плач, какой-то горестный и

безутешный. Соседняя с ней хижина откликнулась таким же плачем. Через несколько минут плакала вся деревня. Конгай, сидевший рядом со мной, начал подозрительно хлюпать носом. Я поняла, что он тоже сейчас заплачет.

«Господи, — подумала я, — что же у них стряслось, почему все сразу заплакали?»

— Конгай, — тихо позвала я. — Что случилось?

— Ничего, — спокойно ответил Конгай и хлюпнул еще раз.

— Как ничего? А почему все плачут?

— А, это... Я сейчас тоже буду плакать, — ободрил он меня.

— Слушай, — обеспокоилась я. — Ты сначала объясни, потом плачь. Хорошо?

— Хорошо, — покорно согласился Конгай. — А ты будешь плакать?

— А что — надо? — осторожно спросила я.

— Конечно, надо, если у тебя кто-нибудь умер.

— Никто не умер, — сказала я.

— А у нас умер. Три года назад умер наш родственник. Вот мы и плачем.

— А почему вы этого раньше не сделали?

Конгай недоуменно уставился на меня.

— Мы и тогда плакали, — как бы оправдываясь, сказал он. — Ведь после похорон надо плакать каждый год в течение трех лет. Иначе дух умершего будет недоволен.

И объяснив все это, Конгай заплакал. Деревня плакала до рассвета. А когда взошло солнце, плач как по команде прекратился. Так деревня выполнила поминальный ритуал.

...Карпан умер три года назад. Тело Карпана, завернутое в новую циновку, положили на носилки и понесли туда, где за деревней была роща. Впереди процессии шел жрец Чатти. Он нес лопату, так как только жрец мог копать яму для покойника. Сделать такую яму не просто. Она должна быть строго повернута с юга на север. Когда была готова яма, Чатти занялся самым главным. В западной стене ее он выдолбил нишу. Тело должно быть помещено в нее — лицом кверху, головой на юг. Бамбуковая ширма отгораживает покойника от основной ямы. Куски земли не должны попасть на умершего. Перед тем как опустить Карпана в погребальную яму, Чатти натер его тело

соком магических листьев «кулаки». Это для того, чтобы дух умершего не уходил далеко от родного дома и от места погребения. Когда яму закопали, то сверху положили кокосовый орех, рис и бетель. Это был запас еды для духа умершего. Весь необходимый ритуал соблюли.

Карпан умер в сезон, когда панья были свободны от работ на плантации. И поэтому не надо было держать его дух в горшке, как дух дяди Каямы, до лучших времен. Перед уходом в деревню Чатти спросил семь раз Карпана, хочет ли он превратиться в воду или в песок. Карпан ничего не ответил, и Чатти ушел успокоенный.

Семь дней безутешно плакали родственники. Семь дней дочь и сын Карпана были «нечистыми» и готовили сами себе еду. Семь дней клали на крышу хижины Карпана рис и кокосовые орехи. Выходил Чатти и приглашающе хлопал в ладоши. Он давал знак духу спуститься и отведать пищи. И дух спускался. Он сразу превращался в черную ворону, а иногда в нескольких. Вороны клевали рис, и все были довольны. Значит, дух предка не голодает. На восьмой день пришла церемония «какапула» — последний день плача. Дети Карпана в этот день уже были «чистыми» и вместе со всеми принимали участие в подготовке угощения для людей и духов. Те и другие давно привыкли существовать вместе и заботиться друг о друге.

Чатти начал танцевать с утра. Он был не только жрецом, но и пророком, даже больше пророком, чем жрецом. И Чатти очень старался. Он пустил в ход весь свой набор заклинаний и магических формул. В порыве вдохновения придумал три новых па в своем танце, что было позже взято на вооружение другими пророками. Наконец, дух Карпана вселился в Чатти. И устами Чатти дух заверил собравшихся, что он остается дома и будет помогать семье. Потом когда-нибудь, если в доме появится новорожденный, он переселится в него. Но пока, объявил дух Карпана, такого намерения у него нет, и он предпочитает потрудиться на пользу семьи. Самое важное свершилось... Потом в деревне долго бил барабан, и все танцевали. С тех пор вот уже третий год в день «какапулы» (поминок) деревня устраивает дружный плач.

Дух умершего, дух предка, или, как говорят панья, пена, может жить в доме, может обитать где-нибудь рядом. Лучше всего, если в деревне отведено для этого какое-то одно место. И людям спокойнее, и

духам вместе как-то веселей. Обычно дух живет целый год в своем мире, а потом переселяется в «колайчатан» (место духов Мертвых).

— Слышишь? — говорит Велла, — упала ветка — это духи предков ее обломали.

Велла — жрец. Он живет в колонии панья, где теперь стоят домики под черепичными крышами вместо старых бамбуковых хижин. За колонией в лощине — священная роща, средоточие всех реликвий панья, начиная от духов предков и кончая богиней Бхагавати.

— Слушай, слушай, — опять говорит Велла. — Как будто шумит ветер. Но это тоже наши духи.

Мы стоим с Веллой в священной роще. Ветви деревьев раскачивает теплый ветер. Сквозь них на яркую зелень травы ложатся солнечные зайчики. Перескакивая с ветки на ветку, щебечут птицы. Печать какого-то особенного покоя и мироутворенности лежит на всем: на солнечных зайчиках, траве, кустах, камнях.

Я прислушиваюсь к шелесту листьев большого старого дерева, к которому меня привел Велла. Это и есть «колайчатан» — обиталище духов предков. Корни деревьев похожи на коричневые узловатые руки, которые протянулись по траве в поисках добычи. Между этими руками-корнями лежит несколько камней. Камни поставлены в честь духов предков. Велла осторожно касается камней и говорит:

— Сейчас, днем, можно только слушать наших духов. А вечером я их вижу. Они проходят по этой роще как тени. И ни поймать, ни ощутить их нельзя. Однажды я очень ясно видел женщину. Только не мог ее узнать. Я не встречал ее в моей жизни. Наверно, она умерла до моего рождения. Когда она появилась, сразу зазвонил колокольчик. Тихо так — трень-трень. Он всегда звонит, когда дух предков проходит близко. Ты никогда не слышала?

— Нет, — говорю я.

Я не хочу признаваться Велле, что у меня нет духов предков. Предки, конечно, были, а вот духов нет. Если я в этом признаюсь, Велла будет меня жалеть, как самого обездоленного человека на земле. Или хуже того, сочтет за дефективную. Поэтому я держусь дипломатично и не выдаю себя.

Велла не помнил, сколько времени стоит эта роща, это дерево. Он знал только то, что это место очень древнее. Испокон веков панья окрестных деревень держат здесь своих духов.

Когда панья случается менять место жительства и уходить далеко от этих мест, они забирают с собой духи предков, как одежду, горшок, циновку или нож-секач. На новом месте они помещают их в близлежащий «калайчатан». Дух предка — необходимая принадлежность каждого панья и даже в какой-то степени мерило его социальной значимости. Но духи предков — это не единственное, чем дорожат панья. Есть еще любимые кобры. Такая кобра живет в священной роще, куда привел меня Велла. Правда, я об этом не знала, иначе, может быть, и не пошла бы туда.

От дерева предков была протоптана еле заметная тропинка, которая спускалась на дно лощины. Там, на дне ее, высокий кустарник с колючими ветвями образовал сплошную заросль, через которую можно было только прорубиться. Место это в отличие от всей рощи было унылым и мрачным. Но Велла почему-то направился туда. Я давно заметила, что жрец, разгуливая со мной по священной роще, носит с собой горшочек с молоком.

Мы спустились на дно лощины. Тропинка стала сырой, потом под ногами захлюпала грязь.

— Вот здесь, — сказал Велла, остановившись рядом с колючей порослью, под которой угадывалось небольшое болото.

— Что здесь? — не поняла я.

— Кобра, — спокойно ответил Велла.

— Что? — и я невольно сделала шаг назад.

— Ну да, — Велла не терял спокойствия, — здесь живет наша любимая кобра.

— А если она укусит? — с опаской спросила я.

Велла снисходительно улыбнулся.

— Смотри, — и поставил горшочек с молоком под куст. Опустился перед ним на колени и коснулся лбом. Потом скороговоркой зашептал:

Мы работаем рядом день и ночь.

Ты не должна выходить и кусать нас.

Пожалуйста, возьми молоко

И то, что мы тебе приносим.

Видимо, Велла все же не был уверен в добрых чувствах любимой кобры до конца. Он предпочел отойти на безопасное расстояние. Меня не пришлось упрашивать сделать то же самое. Через некоторое время в

кустах послышался какой-то шорох, и оттуда выползла черная королевская кобра. Она приподнялась, застыла на какое-то мгновение, но капюшона раздувать не стала. Ее узкие глаза презрительно одарили меня холодным змеиным взглядом. Мне стало не по себе, и я переступила с ноги на ногу.

— Не шевелись, — предостерегающе шепнул Велла.

Любимая кобра перестала обращать на нас внимание. Она грациозно изогнула свою змеиную шею и занялась молоком.

Когда мы выбрались со дна лощины, я бессильно опустилась на лежащий рядом со мной валун.

— Эйо! — вдруг закричал Велла. — Ты же села...

— Ну да, села, — согласилась я.

— На богиню Бхагавати!

Я вскочила как ужаленная. Час от часу не легче.

— Прости, Велла, — сказала я. — Я не знала, что богини валяются здесь просто на земле.

— Не валяются! — рассердился Велла. — Этот камень, и есть наша богиня Бхагавати.

Теперь только я заметила, что валун, вросший в землю между двумя деревьями, был аккуратно обложен небольшими камнями. Рядом стоял светильник, высеченный из песчаника, а чуть поодаль был врыт вертикальный камень. Я поняла свою оплошность. Я уселась прямо на алтарь лесного храма панья. И виновата во всем была любимая кобра.

— Что же теперь делать? — расстроено и покорно спросила я.

Своим искренним раскаянием я тронула сердце жреца. Велла на минуту задумался, почесал в своих буйных кудрях и решительно сказал:

— Принесешь жертву.

Я обреченно согласилась. К моей радости, жертва свелась к кокосовому ореху. Велла ударил орехом о камень, скорлупа лопнула, и брызнуло кокосовое молоко.

— Хорошо! — одобрительно сказал Велла.

И снова жрец опустился на колени, на этот раз перед камнем. Коснулся лбом камня и громко запричитал:

Наша богиня! Мы кланяемся тебе!

Не посылай на нас болезнь!

Возьми все, что мы тебе принесли!

И так несколько раз.

— Ну, теперь все в порядке, — сказал Велла, поднимаясь с колен. — Но больше не садись на богиню.

Я обещала. Потом я узнала, что эти нехитрые молитвы произносятся по любому случаю и в будни, и в праздник. И выполняется тот же ритуал жертвоприношения. В зависимости от «диеты» бога или богини в жертву могут быть принесены петух, кокосы или бананы. Жертвоприношение завершается танцами вокруг камня, где помещается очередное божество.

Богинь у панья больше, чем богов. Бхагавати, Бадракали, Тамбурати, Мариамма, Кули. Самая важная среди них Бхагавати, или Катту Бхагавати. Она богиня джунглей. Многие панья считают ее самой главной богиней. Если она захочет, охота будет удачной, съедобные коренья попадутся на каждом шагу, кусты будут обильно обсыпаны ягодами, пчелы нанесут душистого дикого меда. И поэтому Катту Бхагавати пользуется в племени особым вниманием. Около многих деревень воздвигают камни в ее честь. Панья не забывают, что она женщина, и часто ставят рядом с камнем сундучок с одеждой и украшениями. Покупают богине стеклянные браслеты и красивые блестящие серьги. Ей приносят кокосы, бананы и бетель. Бетель жуют все панья, богини и боги тоже. Молитва в честь Бхагавати — это всегда праздник для племени. И во время этого праздника не забывают и о духах предков. Им готовят праздничное угощение и произносят в их честь речь — молитву. Она звучит примерно так:

Мы все много работаем,
И нам нужно здоровье,
Поэтому мы танцуем на
этом празднике.
Пожалуйста, благослови нас.

Редкий дух предка отказывается выполнить эту просьбу, Бхагавати тоже выполняет некоторые просьбы.

Остальные богини ярко выраженной профессиональной принадлежности не имеют. Все они занимаются разными вопросами. Мариамма, например, может и спасти от оспы, и насылать ее. Чаще она почему-то ее насылает. Поэтому столь многолюден апрельский праздник в честь Мариаммы. А что можно сказать о Тамбурати? Она

«компетентна» почти во всех областях жизни племени. У нее мужа нет, а есть сын. Сына зовут Маламбалиен. Тамбурати имеет явную склонность к курятине. Поэтому ей и жертвуют петухов. Наиболее загадочная фигура среди богинь — это Кули. Она «занимается» вопросами процветания и обнищания. В понятие последнего входят и всякого рода разрушения. Кули называют еще Потатиамма — «мать, которая молчит». Когда богиня молчит, с ней иметь дело чрезвычайно трудно. Поэтому никто из панья до сих пор и не знает, что их ожидает: процветание или полное обнищание. Пока богиня молчит в пользу последнего. Кули занимается и злыми духами. Она с ними молча борется и нередко одерживает победу. Болезни, кроме черной оспы, тоже в ее власти. Такая разносторонность в деятельности богини заставила панья выделить для нее специального жреца — пророка. Он называется коерам. Кули вселяется только в тело коерама. Остальные жрецы и пророки для нее не существуют. Коерамы надевают белую набедренную повязку, поверх повязки — красный лоскут. К ногам привязывают звенящие браслеты и начинают особый танец, который называется кулиятам — «танец Кули». Гремят барабаны, коерам кружит в танце и наконец впадает в транс. Кули немедленно пользуется этим состоянием и вселяется в своего жреца. И неожиданно для себя становится разговорчивой. Вокруг стоят панья, которые ждут совета по части лечения той или иной болезни. И между Кули и панья происходит знаменательный диалог. Богиня, конечно, говорит устами своего жреца.

— Почему вы раньше ко мне не обратились? — строго спрашивает Кули.

Панья не знают, что ответить, отводят глаза в сторону и переминаются с ноги на ногу. Тогда Кули отвечает за них:

— Вы забыли меня! Не приносили мне рис, кокосы и деньги! Поэтому у вас теперь больные.

Панья по натуре народ искренний и врать не умеют. Если чего не было, то не было. И поэтому собравшиеся полные раскаяния, соглашаются с обвинениями богини.

— Да, мы забыли тебя, — говорят они, — не приносили тебе кокосов, риса и денег. И нет нам оправдания. Не обижайся на нас, пожалуйста, и прости нас.

Кули на какое-то время замолкает. Она еще продолжает сердиться, но, кажется, уже готова простить свое непутевое племя. Она размышляет, а панья терпеливо ждут. Наконец, Кули меняет гнев на милость и выдает распоряжение.

— Принесите мне, — велит она, — рис, кокосы и деньги. Тогда ваши больные станут здоровыми.

Прощенных панья охватывает неподдельная радость. Они даже не спрашивают Кули, зачем ей понадобились деньги. Они готовы выполнить каждое ее указание. Панья отправляются в соседнюю рощу. Там стоит священное хлебное дерево, которое панья называют «айни». Под деревом — два вертикально стоящих камня, врытых в землю. Здесь и помещается молчаливая богиня. Около камней панья оставляют рис, кокосовые орехи и немного денег. Они дают слово богине отныне помнить о ней.

Но у панья слишком много дел и забот. И они со временем забывают свое обещание. Панья знают, что в следующий «кулиятам», который произойдет только через год, они искренне раскаются в своей забывчивости. Кули их простит. Богиня вновь обиженно замолкает на целый год. Ну, а что с больными? Проходит время, и некоторые из них выздоравливают, а некоторые нет...

Боги не так важны, как богини. Они и слабее их, и функции их более ограничены. Мне удалось обнаружить только трех. Это Кулиген, Каринкутти и Чата. Наиболее популярный из всех трех Кулиген. Это и не удивительно. Ведь Кулиген устраняет всякие трудности и препятствия на жизненном пути панья. За это ему платят особо. Кроме риса, бананов, кокосовых орехов и бетеля ему дают кровь петуха. Не мясо петуха, а именно кровь. Жрец отсекает голову петуху и тут же пьет его кровь. Панья же уверены, что это делает Кулиген.

По джунглям и плантациям, по священным рощам Вайнада разбросаны лесные храмы панья. Храм — название условное. Обычно это священное дерево, у корней которого врыты камни-боги. Иногда камни ставят на платформу — возвышение, сложенное из необработанных валунов. Вот и все. Просто, доступно и удобно. И никаких затрат. Боги панья, как и само племя, скромны и непритязательны. Только Мариамма, захваченная в плен чужими

жрецами-браминами, томится за деревянной решеткой в далеком городе Калпетте...

Боги и духи. Какая граница отделяет их друг от друга. Найти эту границу очень трудно. Бог может быть духом — добрым или злым. Дух предка со временем может превратиться в бога. Между богами и духами сложные и нередко запутанные отношения, как и между людьми. Потому что и боги, и духи были когда-то людьми — так считают панья.

Для панья не составляет труда увидеть духа или поговорить с богом. И свято верить в это. Наверно, когда-то очень давно, на заре своей истории, человек не мог отличить сон от действительности. Для того чтобы это произошло, ему пришлось учиться не одно тысячелетие, поэтому не надо удивляться, когда панья утверждает, что он видел дух своего отца или дух своего умершего хозяина.

Однажды дух умершего хозяина явился ночью к сторожу плантации Ковалану и настоятельно посоветовал ему, даже можно сказать велел, купить плантацию и разводить кофе. Ковалан не мог послушаться прежнего хозяина. Денег у сторожа, конечно, для этого не было. Но Ковалан нашел выход из положения. Он отправился к молодому хозяину и передал ему волю покойного отца, сказав, что, согласно этой воле, молодой хозяин должен передать плантацию Ковалану. Молодой хозяин немедленно нашел свой выход. Память об этом выходе долго давала себя знать Ковалану кровоподтеком пониже спины и болью в крестце, куда пришелся удар тяжелого ботинка молодого хозяина. Так Ковалан на собственном опыте познал тот барьер, который стоит между сновидением и действительностью. Но это личный опыт Ковалана. У племени в целом такого опыта еще нет. Поэтому бродят по джунглям неприкаянные злые и добрые духи, живут в камнях молчаливые и разговорчивые боги, предки духов облюбовывают себе темные углы хижин и хитрые зеленые улыбки скользят по священным деревьям в солнечные погожие дни.

Похищение

Корэ лежал в зарослях и боялся выдать себя каким-нибудь неосторожным движением. Конечно, ему нужно было лежать здесь не одному, а с друзьями. Но друзья были заняты на плантации и в засаду идти отказались. День тянулся бесконечно долго. Сначала Корэ с интересом следил за пестрыми птицами, которые прыгали с ветки на ветку. Потом он обнаружил дорожку красных муравьев и наблюдал за тем, как они трудятся. Муравьи чем-то напоминали ему людей. В их работе была своя организация. Дорожка текла в двух направлениях: одна — на запад, другая — на восток.

Время от времени Корэ поглядывал вниз, туда, где у склона примостилась деревня. Люди, казавшиеся отсюда много меньше, чем они были на самом деле, входили в хижины и выходили. Некоторые копались на небольших клочках земли, где росла тапиока, другие узким топором рубили длинные ветви для очага. Две женщины рушили падди в высокой деревянной ступе. Они попеременно опускали в ступу тяжелые палки — пестики. Когда одна опускала, другая поднимала. Наблюдать за этим было не очень интересно. Перед глазами Корэ, как тихая спокойная река, текла повседневная жизнь деревни панья. Он хорошо знал эту жизнь. Корэ стало скучно, и он зевнул. Никто из жителей деревни не обращал внимания на заросли, где лежал Корэ. Все шло своим будничным путем.

Наконец из крайней хижины показалась Нара, дочь Палана. Она спустилась с кувшином к ручью и набрала воды. Корэ стало почему-то обидно. Лежал он здесь из-за нее, Нары. А она, как и другие, не посмотрела даже сторону зарослей, где притаился отчаянный похититель Корэ. Корэ, который должен доказать сегодня ночью, что он настоящий мужчина. Собственно, Корэ не собирался ничего доказывать. Во всем была виновата Нара.

«Тоже мне хранительница обычаев. Пришла бы хоть проведать», — раздраженно подумал Корэ.

Хотелось есть, а Нара даже не догадывалась об этом.

— Глу-пец! Глу-пец! — прочирикала над ним птица с сине-зеленым оперением.

— И то правда, — согласился с ней Корэ. — Можно было бы сделать все так, как делают сейчас многие.

Корэ встретил Нару на апрельском празднике панья. Нара, стройная и гибкая, с широко поставленными задумчивыми глазами, сразу обратила внимание на Корэ. Корэ был молод и силен, с порывистыми движениями и открытой улыбкой. На том празднике Корэ предложил Наре бетель, и она приняла его. Всем известно, что, когда девушка берет бетель у юноши, значит она согласна стать его женой. Бетель можно предложить и замужней женщине. И некоторые из них тоже его берут. Вот тогда и надо похищать эту женщину. Муж будет преследовать беглецов. А похититель должен показать, на что он способен как мужчина. А здесь... Корэ махнул рукой и тяжело вздохнул. У Нары не было мужа, значит, преследовать их некому. Отец Нары Палан слишком стар, чтобы увязываться ночью за ними в джунгли.

Эта затея с самого начала не сулила ничего интересного — ни риска, ни опасности. Ведь говорил же он Наре, давай поговорим с отцом и назначим день свадьбы. Но нет! Куда там!

— Ты похитишь меня, — сказала Нара, и в ее задумчивых глазах вспыхнули неожиданно огоньки. Огоньки Корэ понравились, а перспектива похищения нет.

— Послушай, — попытался он уговорить ее. — Зачем тебе все это?

— Ты что, уже не панья? — начала сердиться Нара. — Мою мать похитил мой отец, мою бабушку — мой дед, а мои подруги? Чанну похитили, Валачи похитили. Что же я, хуже всех?

— Но ведь многие теперь только назначают свадьбы и ведут себя как нормальные люди, — возразил он.

— Ничего подобного! — отпарировала Нара. — Все настоящие панья похищают своих жен. А если ты не настоящий панья, то можешь уходить. — И слезы навернулись ей на глаза.

Корэ сначала растерялся, но потом согласился. Он знал, что другой такой жены, как Нара, ему не найти во всем племени. И вот теперь он лежал целый день в засаде, и этот день оказался самым длинным в его жизни.

Когда-то в давние времена все делалось проще. Об этом Корэ рассказывала его бабка Карни. Женщина и мужчина, полюбившие друг друга, уходили в джунгли и становились мужем и женой. Потом возвращались в деревню к людям. Не было никаких свадебных церемоний, и не надо было платить за невесту. А теперь Корэ не знал, сколько с него запросит Палан за Нару. Но больше пяти рупий не должен. А там как знать. Ведь выплачивал Каяма ежегодно своему тестю три рупии. А когда отказался, тесть его выгнал. Каримбен полгода носил дрова родителям невесты. Старая Карни говорила, что во времена предков похищений не было. Это потом мужчины стали проявлять свою власть. Но плевал он на такую власть, если из-за нее приходится томиться целый день одному в зарослях. Конечно, в этом деле много неясного. Когда у мужчины несколько жен — это тоже, говорила Карни, проявление их власти. А если у женщины несколько мужей, тогда как? Ведь до сих пор у панья встречаются такие женщины. Карни относилась к этим случаям снисходительно. Она посмеивалась и говорила, что, когда джунгли были густы и не было плантаций, многие женщины панья имели по несколько мужей. Ну, а когда муж заставляет жену жить вместе с его родственниками — это тоже проявление власти? Так почему же она проявляется не везде? Многие мужья живут в деревнях своих жен, а некоторые живут то с родителями жены, то с родителями мужа. Так и переезжают с места на место всю жизнь. Порядка в этом деле никакого нет, пришел к выводу Корэ.

Бесплодные размышления стали клонить Корэ ко сну. Потом подошла Нара и тронула его за плечо. Корэ проснулся, но рядом никого не оказалось. Вокруг был темно, и на траву осела густая роса. Корэ, зябко поеживаясь, стал выбираться из зарослей.

Деревня тонула в темноте. Корэ понял, что час уже поздний. Он нащупал тропинку и стал спускаться вниз. Теперь он боялся, что Нара заснула и придется войти в хижину. Палан может проснуться, и тогда все сорвется. Вот этого Корэ и не хотел.

Он благополучно миновал склон и подобрался к крайней хижине. Там было тихо. Корэ свистнул. Так свистят ночные птицы. Из хижины сейчас же скользнула фигура, и Корэ угадал в ней Нару.

— Ты что так долго не приходил меня похищать? — шепотом спросила она.

— Выжидал удобный момент, — Корэ не хотел признаваться, что он проспал.

Они поднялись по склону в заросли, где весь день сидел в засаде Корэ. В деревне было по-прежнему тихо. Их никто не преследовал. Так состоялось похищение.

Корэ построил в лесу шалаш, и они прожили в нем три дня. На четвертый день он объявил Наре, что ему надо идти работать на плантацию и вообще пора устраиваться нормально. Нара нехотя подчинилась. В ней еще жила «хранительница традиций». Когда они вернулись в деревню, Палан уже поджидал их.

— Что это ты надумал похищать Нару? — спросил он. — Не мог со мной просто договориться о свадьбе?

Корэ, смущенно переминаясь с ноги на ногу, кивнул на Нару.

— Это все она.

— Я так и знал, — сказал Палан. — Вечно придумает такое, от чего получаются одни волнения.

— А как насчет платы за Нару? — нетерпеливо спросил Корэ.

— Ну, это так быстро не решается, — уклончиво ответил Палан. — Сейчас позовем мупана и вместе с ним все обсудим.

Корэ заплатил за Нару немного, всего пять с половиной рупий. На следующий день он начал строить хижину для себя и Нары рядом с хижинкой Палана.

Есть побег с возлюбленным, есть похищение, но есть и обычная свадебная церемония. В эту церемонию перекочевало уже немало обрядов, которые соблюдаются окрестным неплеменным населением. Но эти обряды у панья упрощены, творчески переработаны и приспособлены к собственным представлениям, к собственному образу мышления. Лучшее время для свадеб панья — конец рабочего сезона, апрель месяц. В апреле над Вайнадом стоит удивительная тишина. Воздух солнечный и прозрачный, как в Подмосковье во время «бабьего лета». Легко проглядываются хребты дальних гор с темно-зелеными полосами джунглей на склонах.

...Я иду по тропинке, вьющейся по склону в зарослях. И вдруг где-то за поворотом, среди деревьев, раздается бой барабана, звучит флейта, и невидимые мне еще люди громко и нестройно поют. Я спешу туда, где бьет барабан и играет флейта. Из-за деревьев навстречу мне выскакивает группа пляшущих женщин панья. Их густые кудрявые

волосы украшены яркими тропическими цветами. С первого взгляда они напоминают группу маленьких веселых лесных духов. Но вот я различаю среди них несколько знакомых лиц, в том числе Черанги. Черанги — коренастая, ладно скроенная молодая женщина с насмешливыми глазами и редкозубой улыбкой.

— Черанги! — окликаю я ее.

— А, мадама!

«Мадама» прочно прилипло ко мне как имя собственное.

— Что это вы распелись и растанцевались? — спрашиваю я.

— А как же! — смеется Черанги. — Мы идем на свадьбу. А когда свадьба, должно быть весело. Пойдем с нами! — неожиданно предлагает она. — Будешь петь и танцевать.

Я немедленно увязываюсь за панья, правда, петь и танцевать, как они, я не умею. Но мне почему-то весело и хорошо шагать в этой поющей и пляшущей компании. Мы идем через джунгли, горы, поля и деревни. По дороге к нам присоединяются еще панья. И у нас уже не один барабан, а два. Не одна флейта, а три. И наконец прибываем в деревню Чингери. Ее хижины разбросаны между деревьями по склону горы. Навстречу нам выходит мупан — старейшина Караван.

— А мы привели тебе мадаму! — кричит ему Черанги.

— Ладно, — соглашается мупан. — Пусть мадама будет нашим гостем.

Наш оркестр присоединяется к музыкантам, стоящим в тени раскидистого дерева.

Мупан, отец невесты, озабочен предстоящей церемонией и выглядит несколько торжественно. Сама невеста Вилати еще сидит в хижине. Ее не выведут, пока не появится жених. Жених не заставляет себя долго ждать. На тропинке у подножия горы появляется новая группа людей. Там тоже бьют в барабан. Впереди группы шагает жених. Среднего роста, коренастый парень в новой белой рубашке. Его зовут Палал. Жениховы родственники с присвистом и плясом врываются в деревню. Старик, отец жениха, ставит перед хижинкой глиняный горшок с падди (неочищенным рисом), кладет гроздь бананов и бетель. Это жениховы дары. Старая сторбленная женщина, бабушка Вилати, выводит невесту из хижины. Невесту всю запеленали в кусок белой ткани, и она движется ощупью. Плечи невесты вздрагивают, и из-под покрывала доносятся какие-то всхлипывающие

звуки. Наверно, плачет, — думаю я. И ошибаюсь. Когда бабушка сдергивает покрывало с головы Вилати, я обнаруживаю, что Вилати смеется. Черанги толкает меня в бок и говорит:

— Ну разве не смешно? Завернули человека с ног до головы. А все старый мупан придумал. У панья так не бывает.

— Фух! — говорит Вилати сквозь смех. — Запеленали, а зачем, даже ты объяснить не можешь, — обращается она к отцу. Но мупан сохраняет серьезно-торжественное выражение и важно заявляет:

— Так надо. Так поступают все в округе.

— Ладно, ладно, — машет рукой жених Палал, подходя к Вилати. — Тебе всегда надо знать, что и почему. Поступай, как говорят.

— Вот именно, — вслед за ним повторяет мупан, — поступай, как говорят.

Караван делает знак оркестру, тот замолкает. Теперь уже никто не танцует, наступает торжественный момент. Вилати и Палал садятся рядом на циновку. Мупан выносит из хижины кусок ткани — это новая одежда невесты. На белой ткани лежат две гирлянды из красных цветов и листья бетеля. Рядом с Вилати садится женщина из рода жениха, рядом с Палалом — мужчина из рода невесты. Теперь силы уравновешены. Мупан берет гирлянду. Вдруг возникает какое-то замешательство. Невесть откуда взявшийся юркий старичок головой вперед ввинчивается в толпу родственников и гостей, стремительно просверливает ее и останавливается запыхавшийся перед мупаном. Набедренная повязка старичка вот-вот свалится, и он поддерживает ее темной узкой рукой.

— Ты, — выкрикивает старичок в лицо мупана, — самозванец!

Караван удивленно смотрит на старичка, и на лице его появляется странное выражение: смесь обиды и почтительности. И вдруг он начинает тоже кричать.

— Жрец! Тоже называется жрец! Ни на одну цермонию вовремя не можешь прийти!

— Не твое дело! — парирует старичок. — Давай сюда гирлянду.

Мупан покорно протягивает ему гирлянду. Конфликт между духовной и гражданской властью затухает, не успев разгореться до размеров междоусобной войны.

Жрец берет гирлянду, прижимает ее двумя ладонями ко лбу и, что-то шепча про себя, поворачивается во все четыре стороны. Потом протягивает гирлянду женщине, сидящей рядом с Вилати. Так же он поступает и со второй гирляндой, только отдает ее мужчине. Религиозное таинство совершено. Жрец победно оглядывает паству и... теряет набедренную повязку. Паства непочтительно хохочет. Вилати и Палал раскачиваются и стонут. Они уже не могут смеяться. Смущенный жрец юркает в толпу.

— Тоже мне жрец! — саркастически замечает гражданская власть. — Одежду и ту не может завязать...

В это время сидящие рядом с женихом и невестой надевают на них гирлянды, а старик из рода жениха кладет на падди семь рупий — плата за невесту. Начинают бить барабаны, взвизгивают флейты. Женщины становятся в круг и, чуть согнув в талии тела, плавно двигаются. Темп музыки нарастает, и танцоры убыстряют шаг. Теперь они будут так танцевать до утра. Вилати и Палал удаляются в хижину Каравана. Мупан подходит ко мне и спрашивает:

— Мадама, хочешь посмотреть, что они делают в хижине?

Мадама не знает, как поступить. Мупан, видя мое замешательство, смеется и говорит:

— Иди, иди, не бойся.

В хижине горит дымный очаг и стоит зажженная масляная лампа. Вилати и Палал сидят перед очагом и едят рис, который сложен горкой на банановом листе. Потом я узнала, что трапеза с одного листа — важнейшая часть свадебной церемонии, ее изначальная основа. Во времена предков этим все и ограничивалось.

На следующий день Вилати и Палала повели под музыку и танцы через джунгли в поля, в деревню Палала. Там они пробыли три дня и вновь вернулись к Каравану, отцу Вилати. Этого требовал закон предков — муж должен жить в роду жены. Мупан соблюдал эти законы, несмотря на то, что вносил иногда в них свои новшества. Закон предков требовал и другого. Дети, которые рождаются у Вилати, будут принадлежать только ей, ее роду. Так было во времена прародительниц, когда мужчины еще не думали о том, как проявить свою власть. Так осталось и сейчас.

6

Семья пророков

Когда есть пророк в своем отечестве, то всем становится как-то не по себе. Когда появляется пророк в семье, то возникает возможность катастрофы. Если пророк муж, жене остается удел философа. Если пророк жена, то мужа философия, наверно, уже не спасет. Ну, а если пророки тот и другой? Тогда, по-видимому, жизнь становится невыносимой и превращается в извечное состязание, кто кого перепророчествует. Наверно, в другом месте, у другого народа, жизнь такой семьи могла бы кончиться полным крушением. Но только не у панья.

Все знают, что в семье Чундана два пророка — сам Чундан и его жена Кулати. И этому никто не удивляется. Панья видали еще и не такое. Зато удивилась я, представив себе в подробностях жизнь такой семьи. Но действительность опровергла мои измышления. Выяснилось, что каждый из них пророчествует на стороне. И у них, как и у других панья, не было пророка в своей семье.

Когда я пришла в деревню, Чундан сидел около своей хижины и сосредоточенно строгал палку. У ног его в пыли ползал кудрявый большеглазый малыш. Чундан совсем не был похож на пророка. Молодой, с простым серьезным лицом, он, пожалуй, не отличался от любого панья или от кули с чужих полей. Поэтому я и спросила сразу:

— Ты пророк?

— Да, — серьезно и просто подтвердил Чундан. И вновь принялся за свою палку.

— Ну и как ты работаешь? — задала я не очень умный вопрос.

— Как все, — спокойно ответил Чундан. — Как все пророки. Но об этом меня никто не спрашивает. Все знают, как это происходит.

— А я не знаю, — искренне призналась я.

Чундан удивленно вскинул на меня глаза и отложил палку в сторону. Я поняла, что теперь начнется серьезный разговор.

— Совсем ничего не знаешь? — переспросил Чундан.

— Совсем, — подтвердила я.

— В твоём племени нет пророков? — продолжал удивляться Чундан.

— Нет, — уныло покачала я головой.

— Ну, это другое дело — сочувственно посмотрел на меня Чундан.

В месяц кумбам (февраль — март) на пророков бывает большой спрос. Они просто нарасхват. Почему именно в кумбам, Чундан не знал. В подходящий день этого месяца в деревнях панья начинают бить барабаны. Тогда Чундан надевает браслеты с колокольчиками на ноги, набрасывает на плечи красное покрывало и берет большой нож-секач. Таким ножом кули на плантациях рубят ветви деревьев. Бьют барабаны, Чундан танцует до тех пор, пока в него не вселится кто-нибудь.

— А кто может вселиться? — спрашиваю я.

— Дух предка. — Чундан загибает первый палец. — Боги. В меня вселяются только три бога: Мариамма, Каринкутти и Чатан.

— Всего-навсего три? — сочувственно спрашиваю я Чундана.

— Всего три, — подтверждает серьезно Чундан. В некоторых вселяется и больше. А когда в меня долго никто не вселяется, я рублю себя ножом.

И тут я замечаю, что плечи и грудь Чундана покрыты шрамами. Мне становится не по себе.

— Не смотри так, — по лицу Чундана впервые скользит легкая улыбка. — Мне не больно. Больно бывает только потом.

Кровавого ритуала требуют только боги. Духи предков менее привередливы. Для них достаточно только танца пророка и плача нескольких женщин. После этого дух предка вселяется в пророка и вещает народу его устами.

— А этот тоже будет пророком? — киваю я на большеглазого малыша.

— Конечно, — подтверждает Чундан. — Способности пророка передаются от отца к сыну. Мой отец тоже был пророком. А когда подрастет мой сын, я начну его обучать.

Будущий пророк увлеченно возился в пыли, не подозревая об уготованной ему судьбе. Сегодня Чундан смотрел за сыном, потому что второй пророк семьи — жена была в данный момент занята совсем не пророческим делом. Жена собирала зерна кофе на соседней плантации.

— Если хочешь ее повидать, сходи на плантацию, — сказал мне Чундан. — И приходи в нашу деревню через три дня, я буду пророчествовать.

— От чьего имени? — поинтересовалась я.

— Да кто вселится, — вздохнул Чундан. — Я ведь никогда об этом не знаю. Старые пророки знают, а я еще не знаю.

Плантация, где собирала кофе жена Чундана, была расположена в полутора милях от деревни. Я попала на нее прямо со склона, по которому шла натопанная тропинка. Кусты кофе были густо разбросаны по плантации, и между ними сновали люди. Среди этих кули я стала искать панья. Небольшая их группка стояла под деревом и о чем-то тревожно переговаривалась. Видимо, возник какой-то очередной конфликт между панья и кули-«не панья». Так бывает. Когда я подошла к ним, они замолчали и удивленно посмотрели на меня.

— Мадама? — спросил один из них. — Ты что здесь делаешь?

— Ищу Кулати.

— Зачем тебе колдунья?

Видно, рабочий диапазон Кулати был шире, чем у Чундана. Она оказалась еще и колдуньей.

— У меня к ней дело, — ответила я. — И вообще мне всегда нужны пророки, волшебники и колдуны.

— Это хорошо, — сказал панья. — Значит, и ты без них не можешь обойтись?

— Не могу, — подтвердила я.

— Тогда иди туда, вверх по склону. Она там с женщинами собирает кофе.

Солнце уже стояло высоко в небе, от зелени поднимались жаркие испарения. Кусты кофе бесконечно тянулись куда-то вверх. Деревья, разбросанные по плантации, почти не давали тени. Я вышла в какую-то совершенно безлюдную часть плантации и остановилась передохнуть у дерева. Здесь царила тишина, и только откуда-то снизу изредка долетали до меня приглушенные расстоянием голоса работавших. Ветви дерева, низко опущенные, почти касались разросшихся кустов кофе, на которых гроздьями зеленели созревшие зерна. Хамелеон проскользнул между кустами, на мгновение замер и исчез где-то в корнях дерева. Зелень кустов и ветвей, переплетенных между собой, почти не пропускала солнечных лучей, и поэтому здесь

царил полумрак. Вдруг послышался какой-то шорох, я обернулась, и передо мной в зелени ветвей, органически сливаясь с ней, возникло лицо.

Темное, зловещее. Небольшие глаза смотрели пронзительно и умно из-под вьющейся шапки волос, спадавших на узкий лоб. Я невольно отступила. Из ветвей появилась узкая темная рука и поманила меня скрюченным сухим пальцем.

— Ты кто? — шепотом спросила я.

Видение приложило палец к толстым губам и приглашающе кивнуло зловещей головой. Ничего не оставалось, как последовать за ним. У видения кроме рук и головы оказались быстрые босые ноги и туловище, завернутое в кусок белой ткани, как у панья. Теперь впереди меня по тропинке стремительно шагала обычная женщина, мелко перебирая босыми ногами. Она шагала молча, изредка оглядываясь назад, как бы проверяя, иду ли я за ней. И когда она оглядывалась, ее лицо оставалось таким же, каким я увидела его первый раз. Зловещим.

Откуда-то из-за кустов раздался стон. Женщина остановилась, сделала шаг в сторону и снова поманила меня пальцем. Я обошла куст и увидела Черанги, сидящую на земле. Черанги раскачивалась и стонала, держась за колено. Колено распухло и посинело.

— Господи! — сказала я. — Черанги, что с тобой?

— Ой, мадама... — сквозь слезы улыбнулась Черанги. Но улыбка получилась какая-то жалкая и беспомощная.

— Молчи! — властно приказала женщина-видение. — И ты молчи! — повернулась она ко мне.

Мы с Черанги замолчали. Женщина опустилась перед Черанги и завладела ее коленом. Черанги только всхлипывала временами от боли. Женщина терла колено, постукивала по нему, шептала, плевала через правое плечо, плевала через левое плечо. И даже в какой-то момент своего действия поплясала над пострадавшей Черанги. Потом снова начала тереть колено. Ладонь ее двигалась все медленнее и медленнее и вдруг внезапно сжалась, как будто она что-то поймала.

— Теперь смотри, — сказала женщина-видение и раскрыла ладонь.

На светлой коже ладони лежал обыкновенный волос.

— Ты думаешь колено твое болело оттого, что ты упала? — строго спросила она Черанги. — Нет!

И она вдруг рассмеялась тихо и зловеще.

— Потому что внутри ноги был этот волос. Теперь я вынула его оттуда, и ты сможешь ходить.

Черанги поднялась на ноги и, прихрамывая, сделала несколько шагов.

— И правда! — обрадованно сказала она.

— Ты Кулати? — осенило меня.

Женщина повернулась ко мне, посмотрела пронзительно и изучающе. Тихо, растягивая как-то слова, заговорила:

— Да, я Кулати. Великая колдунья племени панья. Я все могу. Я могу говорить с богами и пророчествовать. Я все знаю. Я знала, что ты ищешь меня, и вышла тебе навстречу. Я могу лечить болезни. Любую болезнь я высосу из человека и сплуну. И больше он не будет болеть. Только я могу это делать.

Я слушала Кулати и верила в то, что только она может «сплунуть» болезнь. Ни один из наших врачей «сплунуть» болезнь не может. Им, видно, не хватает кулатиного образования. Образования великой колдуньи и великой актрисы. Ибо спектакль, который она устроила, чтобы продемонстрировать мне свое искусство, отличался незаурядным актерским и даже, я бы сказала, режиссерским мастерством.

Как всякая актриса, Кулати любила фотографироваться. Что такое фотография, она уже знала до меня. Я сняла ее один раз, но этого Кулати показалось недостаточно. Все полдня, пока я была на плантации, она появлялась передо мной и каждый раз с новыми серьгами. Нет, она не просила ее фотографировать. Она просто все время была в поле зрения, гордо и независимо поводя очередной парой новых серег, заимствованных у подружек. И я оценила скромную ненавязчивость великой колдуньи панья.

Чундан в отличие от Кулати был лишен этого вдохновенного актерского таланта. Он работал тяжело и старательно. В нем не было ни озарений художника, ни воображения, присущего таланту.

Через три дня в деревне Чундана забили барабаны и резко и призывно запела флейта. Чундан в сопровождении жителей деревни с серьезным и простодушным лицом прошествовал к музыкантам и остановился перед ними. Он был обнажен, и только бедра охватывал кусок красной ткани. На его темном теле отчетливо проступали

шрамы. Заслуженные шрамы пророка. В правой руке Чундан держал нож-секач, в левой — тростниковую палку.

В какой-то момент с ним что-то произошло. Глаза Чундана померкли и стали смотреть куда-то внутрь. Быстрее забили барабаны, громче запела флейта. По телу пророка прошла судорога и остановилась где-то на животе, отчего живот стал двигаться и сокращаться сам по себе вне зависимости от остального тела. На лице выступили крупные капли пота, а в глазах появилось бессмысленное выражение, которое нередко бывает у пьяных. Потом под неумолкающий грохот барабанов Чундан сорвался с места и закружился в неистовом танце, наклоняясь чуть вперед и странно отбрасывая назад ноги. Нож-секач и палка вращались в воздухе, и казалось, что они вот-вот вырвутся. Внезапно Чундан остановился, как будто его задержала какая-то сила. Вместо глаз на потном лице голубели белки. Пророк что-то выкрикнул и резко взмахнул ножом-секачом.

— Ёх! — как единый вздох вырвалось у толпы.

Я ушла, так как поняла, что это зрелище не для моих нервов.

Когда я вновь вернулась, Чундана уже не было, а вокруг музыкантов танцевали женщины. Они двигались слаженно и однообразно. Так же, как Чундан, наклонялись всем телом вперед, поочередно выбрасывая ноги назад. Трава там, где стоял Чундан, была забрызгана кровью — плата пророка за разговор с упрямыми богами...

Имение в горах

Ко мне пришли поздно вечером и меня забрали. Куда — толком не объяснили. Посадили в «джип» и только потом сказали, что едем к Найяру.

— А кто такой Найяр? — поинтересовалась я.

— Как кто? Найяр и есть Найяр, — последовал вразумительный ответ.

— При чем тут Найяр? — пыталась я все-таки добиться истины. — Я занимаюсь племенами, австралоидами. А найяры — каста, да еще земледельцы. Понимаете, средиземноморцы. Они пришли сюда позже. Зачем мне ваш Найяр?

— Если сумеете все увидеть, то многое поймете, — ответили мне.

Я поняла, что пререкаться бесполезно.

За целый день работы я устала, да и день выдался жаркий. И вот теперь, вместо того чтобы отдохнуть, я трясусь в «джипе» в неизвестном направлении, чтобы повидать ненужного мне Найяра. «Ну и дела!» — вздохнула я. Из темноты сразу отозвались на этот вздох.

— Ничего. Потерпите.

«Терпи сам», — сказала я про себя и стала смотреть на дорогу.

Наверно, ничто так не успокаивает, как вид бегущей ночной дороги. Где-то над горизонтом всходила красная ущербная луна. Когда дорога карабкалась вверх, я видела, что в джунглях то здесь, то там возникают огненные точки горящих костров. Трудно было сказать, выжигали ли джунгли под поля или это горели костры каких-то затерянных, еще не известных мне племен. Время от времени из зарослей на дорогу стремительно выскакивали кролики, и яркими изумрудными фонариками светились их глаза. Кроме них, на дороге никого не было.

На многие мили вокруг лежал ночной древний Вайнад. Он был безлюден, молчалив и таил в себе какие-то неожиданности, а может быть, даже опасности. Я прислушалась, и мне показалось, что эта древняя земля дышит. Дышит напряженно и глубоко. И ее дыхание

проникает в меня, в мое сознание. Я взглянула на часы, они стояли. Я даже не удивилась этому. Теперь мы ехали по дороге, которая напоминала траншею. По обеим сторонам ее поднимались глинистые, вырубленные в склоне стены. Дорога-траншея шла как оборонительное сооружение куда-то вверх. Кого защищала эта дорога, я не знала. В том времени, в каком я теперь находилась, в этой траншее, наверно, был свой особый смысл. Как-то неожиданно дорога уперлась в каменную стену.

«Джип» остановился, погасли фары, и я вышла из машины. Прямо передо мной внушительной громадой возвышалось каменное сооружение. Оно походило на форт или крепость. И только черепичная крыша, покрывавшая сооружение, заставляла думать, что передо мной жилой дом. Правда, очень странный дом. Он выделялся на звездном небе грозным черным квадратом, остальная земля была где-то внизу. Я сделала несколько шагов по направлению к звездам и увидела или, вернее, почувствовала скалистый обрыв, уходящий вниз. Там, далеко внизу, светились огоньки каких-то селений. Площадка, на которой стоял дом-крепость, с трех сторон имела такой обрыв, с четвертой к нему подходила дорога-траншея. Видимо, люди, построившие этот дом-крепость, в неизвестное мне время чего-то боялись и от кого-то защищались. Я снова повернулась к стене. Оттуда не доносилось ни звука. И только тусклый огонек мерцал в узком окошке-бойнице.

Вдруг в давящей тишине этого места лязгнули железом, как копьем о щит. Из темноты передо мной бесплотными тенями возникли две фигуры. Маленькие, темнокожие, с шапками буйно выющихся черных волос. Они молча прижали руки к обнаженной груди и сделали приглашающий жест. «Как рабы, — подумала я. — Темнокожие, маленькие рабы». В толстой каменной стене дома-крепости желтовато засветился проем. Видимо, открыли тяжелую дверь.

Появился высокий статный человек и сделал повелительный знак рукой. Маленькие рабы неслышно растворились в темноте. Я никак не могла отделаться от мысли, что я уже видела где-то этого светлогожего человека и его хищный нос, твердо сжатые губы, его продолговатые глаза и, наконец, белую короткую юбочку, обтягивающую бедра. Ну конечно! Ведь это он был на фреске древнего египетского храма. Но почему он оказался здесь? Что связывает его с этим местом?

— Предки, предки — пришельцы из Средиземноморья, — сказали рядом. — Может быть, из Египта, а может быть, из Месопотамии. Вы правильно заметили.

— Стыдно подслушивать чужие мысли, — сказала я. — Увезли неизвестно куда, а теперь еще...

— Ну, ну. Смотрите дальше, — и засмеялись.

Мы вошли в дом. «Египтянин» посторонился, пропуская нас вперед. Мы оказались в высоком просторном зале с потемневшими от времени стенами. В углах зала потрескивая горели медные масляные светильники. Дымились ароматические палочки. Вдоль стен стояли низкие деревянные скамьи. Трудно было сразу определить, куда я попала. То ли в зал замка, то ли в старинный дом знатного египтянина. Из боковой двери в зал скользнула стройная задрапированная в шелковую ткань девушка. У нее была изогнутая шея Нефертити и те же продолговатые глаза.

— Моя дочь, — сказал «египтянин».

Девушка засмеялась, наклонив голову с тяжелым узлом волос, и сейчас же бесшумно исчезла.

Постепенно я стала понимать, что «египтянин» — это и есть Найяр.

— Сколько времени вы здесь живете? — спросила я

— О, с незапамятных времен, — ответил он. — Все поколения моих предков жили здесь, вот в этом месте.

— Не все, — тихо поправили Найяра, — несколько тысяч лет назад они пришли сюда, покорили австралоидов и превратили их в рабов.

— А кто же они? — так же тихо спросила я.

— Средиземноморцы, — ответили мне. — А вот откуда они пришли, это надлежит узнать вам самой.

Найяр об этом не знал. Я тоже. И узнать в ближайшее время не имелось возможности. Я только знала, что здесь, на границе Кералы и Тамилнада, когда-то столкнулись две расы. Пришельцы и аборигены. Средиземноморцы и австралоиды. И я не думаю, что столкновение было мирным. Дом-крепость, дорога-траншея, скалистые обрывы — это все не из мирных времен.

В дверях зала толпились темнокожие маленькие слуги. Им было интересно знать, что здесь происходит. Время от времени властный хозяйский взгляд останавливал их попытки переступить порог. Среди

слуг были и панья. И мне казалось, что я вижу темнокожих рабов, аборигенов этих мест, которых покорил этот пришелец-средиземноморец. А сородичи этих рабов, еще не покоренные, жгут в джунглях боевые костры и готовятся к нападению на ненавистный дом-крепость. Вот почему так толсты каменные стены жилища плантатора Найяра, вот почему не скрыты до сих пор дороги-траншеи. Мне казалось, что сегодня ночью время Вайнада остановилось в самый его драматический момент. И участниками этой драмы были древние австралоиды и светлокожие высокие пришельцы.

Утром же это время начало свой обычный отсчет. Отсчет в имении Найяра, на его кофейной плантации, где работали панья, муллу-курумба, урали-курумба. Представители так называемых отсталых племен сегодняшнего Вайнада.

Плантация начинается за дорогой-траншеей и занимает склон большой глинистой горы. Отсюда, снизу, кажется, что склон порос лесом. Когда-то здесь и был лес, который отняли у панья предки Найяра. Потом, позже, когда плантационное хозяйство стало доходным, вырубili на склоне деревья и развели кофе. Кусты кофе тянутся по склону вперемежку с редкими деревьями. Я иду по узкой тропинке, петляющей между кофейными кустами и оставшимися деревьями. То здесь, то там мелькают лохматые головы темнокожих кули-панья. Обычная плантация, обычные кули. Все это можно видеть во многих уголках Вайнада. Тропинка то карабкается по склону, то вновь спускается. Вот она огибает большое дерево. Площадка около дерева расчищена, и здесь нет кустов кофе. Я обхожу дерево и вдруг замечая два вертикальных камня, врытых около самого корня. Что это лесной храм, я уже не сомневаюсь. Видимо, святилище панья. Но теперь возникает другой вопрос: новое ли это святилище, воздвигнутое уже на плантации, или плантация оказалась на земле, принадлежавшей лесному святилищу. И поэтому я стою в задумчивости перед камнями-богами. Но видимо, священное дерево все время находится в поле зрения кули-панья.

Не прошло и пяти минут моих размышлений, как послышался какой-то шорох и чей-то голос позвал:

— Мадама!

Это был Каяма. Тот самый злосчастный старый Каяма, который разбил горшок с духом предка. Старик почему-то вздохнул и

опустился на корточки перед камнями-богами.

— Смотришь? — через некоторое время спросил он.

— Смотрю. А что?

— Это наши боги, — Каяма кивнул на камни, — Тамбурати и Кулиген. Это ты знаешь кто? — старик осторожно снял со ствола дерева паука. Серого с длинными лапами. Пауков здесь было много, и они деловито сновали по стволу.

— Пауки, — ответила я.

— А вот и нет, — засмеялся Каяма. — Это духи предков. Ночью они как обычные духи, а днем они пауки.

Объяснения Каямы выглядели очень убедительно, и я, конечно, согласилась с ним, что днем они пауки.

— Ты все понимаешь, как надо, — удовлетворенно резюмировал старик.

— Одного я не понимаю, — сказала я. — Зачем понадобилось панья ставить своих богов на плантации и зачем надо было селить здесь духов предков?

— Как же ты не догадалась? — развел руками Каяма. — Ведь это место очень древнее, и боги стоят здесь давно. Вся земля была наша. Потом Найяры забрали нашу землю, развели плантацию и заставили нас работать на ней. У нас на этой плантации есть еще храмы. Идем покажу.

И маленький темнокожий Каяма быстро пошел по тропинке.

Корни священного дерева были укреплены камнями, и эти необработанные камни образовывали своего рода платформу. На платформе стоял камень богини Тамбурати. На богиню свисали ветви кофейного куста. И это странное сочетание кофейного куста — современной коммерческой культуры — с древней богиней таило в себе какой-то еще не ясный смысл. И этот смысл, постепенно раскрываясь передо мной, свидетельствовал о насилии над древним племенем и его богами, о неизбежности вытеснения прошлого Вайнада теперешним, реально существующим Вайнадом плантаторов, помещиков и дельцов. Рядом тяжело вздохнул Каяма и отвел ветку куста от камня святилища.

Неподалеку от камня Тамбурати оказался еще один храм, но он резко отличался от двух первых. Это был небольшой домик с каменными ступенями, с бамбуковыми решетками вместо стен и с

черепичной четырехскатной крышей. Я заглянула в домик-храм и обнаружила на его алтаре несколько бронзовых фигурок. Рядом на низкой скамеечке лежал меч с узким железным лезвием. А напротив храма тут же была сложена кирпичная платформа, на которой был камень. Перед камнем стоял бронзовый масляный светильник. Каяма обошел платформу, поклонился трижды камню и сказал:

— Это бог Кулиген.

— А там, в доме, кто? — спросила я.

— Там Маламбалиен, сын Тамбурати.

— Почему... — начала было я. Но совсем неожиданно из-за храма-домика вышел Найяр. Найяр, который, оказывается, искал меня все утро на своей плантации.

— Как ты сказал? — повернулся он к Каяме. — Какой бог в этом храме?

Каяма как-то вжал голову в плечи, но довольно твердо повторил:

— Маламбалиен.

— Не верьте ему, — сказал Найяр. — Этот храм посвящен богу Айяппану, покровителю Кералы и найяров.

Так они и стояли друг против друга. Высокий светлокожий с тонким хищным носом Найяр-хозяин и маленький темнокожий кулипанья, широконосый и толстогубый. И друг против друга стояли два святилища. Бронзовый Айяппан улыбался продолговатыми глазами. Железный меч лежал на скамеечке у его ног. И грубый камень Кулиген, которому не нашлось места под черепичной крышей, как не нашлось места темнокожему Каяму в мире найяров. Во всей этой картине, неожиданно представшей передо мной, чувствовалась какая-то недосказанность. Отголоски древних конфликтов между людьми и между богами ожили на мгновение в солнечном свете ясного утра, как тогда минувшей ночью. И обожествленный меч бога найяров Айяппана свидетельствовал точно и ясно в пользу Найяра. Я почему-то отвернулась.

— О чем, собственно, мы теперь спорим, — засмеялся Найяр. — Видите, оба бога теперь мирно уживаются на моей плантации. Панья поклоняются Айяппану, а мы чтим Кулигена. Я даже велел сложить для него новую платформу. И поставил светильник. Я правду говорю? — повернулся Найяр к Каяме.

— Правду, — кивнул тот кудлатой головой. — Спорить уже не о чем. Кулигену остается теперь только мирно уживаться, — тихо добавил Каяма.

— Ты что-то еще сказал? — в голосе Найяра появились властные, жесткие нотки.

— Нет-нет. Ничего, хозяин. Вам послышалось, — затряс головой Каяма, неслышно отступил за кусты кофе и исчез в их зарослях.

Жрецом у Айяппана был брамин. Брамин, который уже представлял третий, более поздний слой этнического водоворота Вайнада. Брамин был арийцем. Но это уже другая история.

В тот день я поняла, в какое интересное место привез меня человек, который почти насильно усадил меня поздним вечером в «джип». И это интересное место прозаически называлось плантация Найяра.

Спящая богиня

Каждый раз, когда я прихожу в деревню Чингери, я вижу в той стороне, где заходит солнце, большую гору. Очень странную большую гору. С маленькой головкой-вершиной и с огромным туловищем, вытянутым на несколько миль. Иногда мне кажется, что гору специально вылепили. Так в ней все плавно и округло. Гора называется Спящая богиня. И действительно, если внимательно присмотреться, то она напоминает спокойно лежащую женщину. Спящая богиня чем-то меня все время привлекает. Мне кажется, что гора не зря называется так. Не просто спящая женщина, а именно спящая богиня. Но что таит в себе эта гора, я еще не знаю. И поэтому каждый раз я пристально смотрю на запад, стараясь что-то разгадать.

Господин Кришнан, с которым мы теперь дружим на почве общей симпатии к панья, тоже время от времени посматривает на Спящую богиню. Посматривает, хитро щурит глаза, но молчит. Молчит день, два. На третий не выдерживает.

— Там такое... — говорит он и почему-то вздыхает. Когда Кришнан так говорит, расспрашивать не следует. Надо просто собраться и влезть на гору. Поэтому я и не интересуюсь, что «там такое», а сразу задаю вопрос:

— Когда полезем?

Кришнан делает вид, что мой вопрос застал его врасплох. Он удивленно смотрит на меня, потом переводит взгляд на Спящую богиню и впадает в задумчивость.

— Туда нужна целая экспедиция, — наконец изрекает он.

— Ну что же, — соглашаюсь я. — Экспедиция так экспедиция.

И почему-то вспоминаю Винни-Пуха, «экспедицию на полюс» и походные сапоги. Походные сапоги лежат у меня в чемодане и называются туристскими ботинками. Мне, как и другу Винни-Пуха Кристоферу Робину, для этой «экспедиции», пожалуй, ничего не нужно, кроме них.

И мы начинаем готовиться. Господин Кришнан делает все обстоятельно, как будто мы идем не на Спящую богиню, что стоит в

четырёх милях от Чингери, а действительно на Северный полюс.

Наконец все необходимое было сделано, и наступил день нашего похода на Спящую богиню. Мы выглядели довольно внушительно. В нашей экспедиции были представлены все основные племена Вайнада. Урали-курумба — в лице Бомана, муллу-курумба — в лице Чакку, и, наконец, интересы панья представлял вездесущий Каяма.

Накануне над Вайнадом пронёсся ураган с ливневым дождем. Повсюду лежали вырванные с корнем деревья, поваленные телеграфные столбы. Местные жители подправляли разрушенные хижины, вновь настилали сорванные крыши домов. Спящая богиня была окутана с утра густым туманом. Туман стлался и над джунглями, омытыми весенним ливнем. На лесных тропинках было скользко и сыро. Тем не менее, экспедиция под предводительством Чакку углубилась в лес. Чакку был наполнен сознанием высокой ответственности и поэтому вел себя достойно и солидно. Хотя в обычные дни, подвижный и эмоциональный, он этими качествами не отличался.

Лесная тропинка, скользкая и размытая, шла все время в гору, и наша «экспедиция» вытянулась по ней медленно двигающейся цепочкой. Через час — полтора туман рассеялся, и лучи жаркого тропического солнца осветили густые заросли, валуны, разбросанные по всему пути, суковатые корни деревьев, сплетенные в причудливые узлы. Время от времени доносилось внушительное рычание, и тогда Чакку останавливался и прикладывал палец к губам.

— Пусть они пройдут, — шепотом говорил он. «Они» были тигры.

А мы были только люди. И каждый из нас надеялся избежать встречи с «ними». Наконец лес кончился, и мы оказались у подножия Спящей богини. Тропинка вела круто вверх и исчезала где-то среди огромных гранитных валунов. Между валунами рос колючий кустарник и были редко разбросаны деревья. От валунов струилось жаркое марево, и в этом мареве все теряло свои обычные очертания. Тропинка была сухая, несмотря на вчерашний ливень. Время от времени ее пересекали высохшие русла ручьев.

— Да, — заметил глубокомысленно господин Кришнан, — надеяться на воду здесь не приходится. Надо беречь воду в термосах. Предстоит трехмильный крутой подъем.

Замечание было резонным, и все мы с ним согласились. Я не заметила, как исчезла тропинка. Теперь мы шли прямо через колючий кустарник, местами взбираясь на валуны. Наши проводники все чаще останавливались, советуясь, какой путь выбрать. Последнее слово всегда оставалось за Чакку. Каяма соглашался с любым мнением, а потом покорно плелся в хвосте нашего шествия. Солнце поднималось выше и выше. Ни кусты, ни валуны уже не давали тени. Едкий пот заливал глаза. Заросли кустов становились все гуще. И теперь Чакку и Боман рубили их ножами-секачами, освобождая узкий проход. Раскаленный воздух, сухой и обжигающий, струился отовсюду.

Мы остановились перед почти отвесной гранитной стеной. Стена поднималась вверх, за ней было только небо.

— Пошли, — сказал Чакку, занося ногу на обрывистый выступ стены.

— Куда пошли? — не поняла я.

— Слушай, — назидательно сказал Чакку, — делай все так, как я, и ты пройдешь.

Я снова посмотрела на стену и увидела на ее гладкой поверхности чуть заметные вмятины. Чакку лег на живот и, нащупывая руками и ногами эти вмятины, медленно стал двигаться вверх по стене. Отсюда, снизу, он напоминал ящерицу, которая ползает по стенам домов. Я не могла поверить, что такое возможно. Но через несколько минут я уже на собственном опыте убедилась, что это возможно. Стена имела небольшой наклон, незаметный снизу. А выбоины в граните оказались прочной опорой для ног и рук.

Экспедиция медленно ползла вверх, обливаясь потом. Мне не хотелось оглядываться назад. Я знала, что там было: крутая гладкая стена. И если соскользнуть по ней в вниз, то выбоины уже не задержат. Теперь я ясно сознавала, что от этого уберечь может только движение вверх. И безостановочное. Нужно думать, как укрепиться в следующей выбоине, и больше ни о чем. Сумка с фотоаппаратом, объективами и записными книжками, которую я тащила за собой, становилась с каждым метром все тяжелее. Я потеряла счет выбоинам, метрам и времени. Мне казалось, что я вот так ползу всю жизнь и что это никогда не кончится. В какой-то момент стали ослабевать руки. Мокрые от пота ладони предательски соскальзывали, и только ноги удерживали меня в этом противоестественном, с моей точки зрения,

положении. И снова вверх, вверх без остановки и без размышлений. Перед глазами только серо-черные крупинки гранита с редкими вкраплениями слюды.

Рука поползла вверх, нащупывая следующую выбоину. Выбоины не было. «Доползалась», — отчужденно, как будто о ком-то другом подумала я. Пальцы продолжали шарить по граниту и вдруг уперлись в валун. Я подняла глаза и увидела перед собой вылинявшее жаркое небо, а на его фоне четкий гребень стены. Валун лежал в гребне. Я подтянулась последний раз и села на валун. Вниз круто уходила каменная стена, по которой я только что ползла. Рядом раздалось усиленное сопение, и на валун уселся господин Кришнан. Свежая белая рубаша, в которой он красовался утром, теперь походила на одеяние нищего кули. Когда я глянула на себя, то поняла, что принадлежу к этому же социальному слою.

— Ну и ну, — сказал господин Кришнан.

— Вот именно, — согласилась я. — Сколько еще акробатических номеров нам предстоит?

— Пара, не больше, — спокойно ответил он.

— Всего-навсего пара? А почему не больше? — поинтересовалась я. — Можно было бы постоять на голове, сделать несколько сальто-мортале или заняться воздушной гимнастикой.

Что-то в моем голосе не понравилось господину Кришнану, и он благоразумно замолчал. Но в атмосфере осталась какая-то напряженность. В это время над валуном показалась взлохмаченная голова Каямы. Он улегся рядом с валуном и объявил, что больше в таких экспедициях не участвует.

— Охо-хо! — постанывал он. — Это уже не для старого человека. И зачем я ввязался?

Мы стали утешать Каяму, и я забыла о предстоящих акробатических номерах. Прямо над нами теперь возвышалась главная вершина горы — голова Спящей богини. Это была голая, чуть скругленная скала. Я вопросительно посмотрела на господина Кришнана, но он отрицательно покачал головой. Значит, следующий акробатический этюд состоится не на этой вершине. Между «головой» и гребнем стены повсюду были голые скалы и нагромождения гранита. Это был странный, почти лунный пейзаж. Под ногами валялись мелкие осколки горного хрусталя и куски желтоватого кварца. Мы

подошли к месту, где две скалы почти соприкасались. Их разделял узкий темный коридор. Вслед за Чакку мы протиснулись в этот коридор и, наконец оказались перед огромным валуном. Под валуном виднелся низкий ход, который терялся где-то в темной глубине. Каяма присел на корточки перед входом и кратко изрек:

— Кошачий ход.

— Вот именно, — подтвердила я. — Кошка и та с трудом пролезет.

— Да нет, — засмеялся Каяма. — Это он так называется. Если кто в своей жизни убил кошку и полезет этим ходом, скала обязательно его раздавит. Ну, полезли — и Каяма сделал приглашающий жест.

— Подожди, Каяма, — сказала я, — мне надо кое-что вспомнить. Я села на валун и стала вспоминать свое воинственное и непослушное детство. Передо мной проходили его полузабытые картины с драками и захватывающими дух проказами. Но убийств в них не было. Были драки справедливые и несправедливые с моей стороны. Но это не имело отношения к «Кошачьему ходу». Чакку первый лег на спину и таким образом стал вползать в темный ход.

— Только так, — сказал он нам на прощанье. Мы последовали за ним. Спину холодила сырая земля, острые камни впивались в тело и рвали одежду. Огромные глыбы, поросшие мхом, нависали над головой на расстоянии всего двадцати сантиметров. Не было никакой возможности приподняться. Мы ползли, упираясь руками в эти скользкие мшистые глыбы. Откуда-то сверху брезжил рассеянный слабый свет. Впереди было темно. Через некоторое время дно хода стало понижаться и пошло под уклон. Мне казалось, что мы вползаем в каменную утробу Спящей богини. Но вот ход стал постепенно расширяться, и впереди засветился яркий солнечный луч. Я поднялась на ноги и увидела круто обрывающуюся вниз гранитную расселину. Валуны, громоздящиеся друг на друга, создали какое-то подобие гигантской лестницы. Можно было прыгивать с валуна на валун, можно было осторожно с них съезжать. Поскольку моя спина для съезжания уже не годилась, я решила прыгивать. Лестница завершалась своеобразной природной аркой, за которой угадывалась огромная пещера. Сквозь арку с лестницы было видно песчаное дно пещеры. Через несколько минут мы оказались на этом дне. Откуда-то сверху в пещеру лился солнечный свет, а с каменного потолка капала вода. Восточная стена пещеры была отвесная и гладкая высотой не

менее тридцати метров. Я остановилась перед этой стеной и стала рассеянно на нее смотреть. Глаза постепенно привыкали к полумраку. И вдруг произошло нечто невероятное. Стена стала оживать. Из серого гранита проступили фигуры. Они были странно лаконичными, почти геометрическими, но удивительно выразительными. На их головах покачивались перья. Танцоры в причудливых масках, изготовившись, подняли руки вверх. Охотники натянули луки. Женщины, взявшись за руки, медленно проплывали мимо них. Олени напрягли изогнутые шеи. Диски многочисленных солнц, переплетаясь с причудливым орнаментом, устремлялись вверх, пробиваясь сквозь магические знаки изогнутых свастика, крестов и спиралей. Стена сверху донизу была покрыта этими рисунками, высеченными в сером граните. Огромная панель-картина, где все детали были неразрывно связаны друг с другом.

Передо мной был каменный век. Его сокровища бережно хранила в своих недрах Спящая богиня. Я уже забыла об опасных акробатических этюдах, о разорванной одежде, о царапинах и ссадинах. Я только понимала, что на этот раз «там такое...» превзошло все возможные ожидания.

Сколько тысяч лет назад были сделаны эти рисунки, я тогда не знала. Я была уверена только в том, что их сделали предки Бомана, Чакку и Каямы. Сделали где-то на заре своей культуры и поручили их Спящей богине. Тысячелетия текли через эту заповедную пещеру, как песок, который намывали тропические ливни. И каждое из них оставляло здесь свой след. Вот на противоположной стене появились мечи. Их высекли позже, когда на эти земли пришли высокие и светлокожие предки Найяра. Может быть, этим мечам молились темнокожие аборигены этих мест. Возможно, они надеялись, что мечи передадут им силу светлокожих пришельцев. Потом кто-то оставил на стенах пещеры надписи. Одна из них была совсем неразборчива, другая написана на санскрите и еще на языке каннара. Но все это уже было позднее. Первозданной и непревзойденной оставалась эта панель каменного века. Время здесь навсегда остановилось, врезанное на века в серую гранитную панель. Теперь оно давило на уши отстоявшейся тишиной многих сотен лет. Толстый слой песка, натекший на пол пещеры, скрывал часть этой удивительной панели. Что было под

песком, я не знала, но догадывалась. Каменный век должен был что-то оставить и на полу. Но до пола добраться сейчас было невозможно.

Пещера имела второй выход. За этим выходом поднималась отвесная стена, и между ней и стеной пещеры шел узкий коридор. Стены этого прохода были гладкие, как будто специально обработанные. Казалось, все это было частью какой-то гигантской конструкции, от которой уцелели теперь эти гладкие почти правильной квадратной формы каменные плиты.

По тому, как луч солнца передвинулся по панели, я поняла, что прошло немало времени. Но за это время я не слышала ни голосов, ни движения. Куда все исчезли? Я обернулась и увидела экспедицию, сидящую на корточках. Все, не отрываясь, молча разглядывали разрисованную стену. Магия этого лаконичного выразительного рисунка древности действовала и на них. Даже Каяма, который всегда много болтал, теперь не раскрывал рта и с не свойственной ему задумчивостью сидел в самом темном углу пещеры.

Когда заговорил Чакку, я поняла, что ошиблась, оставляя полностью пещеру прошлому. Рассказ Чакку тек плавно и тихо и напоминал шуршание песка. С древних времен, говорил Чакку, эта пещера называется Илитукалипола, что значит «место знания». В месяц «каркадатам» под знаком созвездия Рака здесь собираются боги и богини. В это время они свободны от своих повседневных дел и обучают в пещере своих детей. Это они сделали рисунки на стене, чтобы рассказать своим наследникам о жизни племен, которым они покровительствуют. Поэтому с давних времен пещера считается самым священным местом в Вайнаде. Только чистые люди могут приходить сюда. Если грешник проникнет в пещеру, его закусает пчелы. Одного такого грешника недавно закусали. Раз в год, в месяц созвездия Водолея (январь — февраль), сюда в ночь новой луны приходят все племена Вайнада. Здесь они приносят жертвы богам и танцуют — так указали боги на своих рисунках. Потом в другой пещере (Чакку показал куда-то вниз) они готовят угощение для праздничного пира. Так всегда поступали и их предки. Перед рассветом на вершине Спящей богини зажигается огонь в честь предков и древних богов.

Я слушаю рассказ Чакку, смотрю на высеченные в граните танцующие фигуры в масках, представляю себе пламя костра на

вершине горы и вижу рядом с собой темнокожих маленьких аборигенов в набедренных повязках. И вновь ощущение остановившегося времени в этой заколдованной пещере охватывает меня. Я только не могу понять, почему оно остановилось. Как получилось, что тысячелетия оказались бессильными разорвать связь между жизнью, высеченной на этой древней гранитной панели, и теми, кто живет сейчас на земле современного Вайнада? Для меня это загадка, и над ней я еще много буду думать.

...Вслед за Чакку мы протиснулись в узкий проход — коридор между двумя отвесными гранитными стенами. Проход привел к небольшой каменной площадке, которая круто обрывалась вниз метров на пять. У конца обрыва виднелся темный провал. Чакку и Каяма куда-то исчезли, как будто растворились в отвесной стене. Черем полчаса они вновь появились, таща на плечах длинный ствол свежесрубленного дерева. Дерево было вставлено в провал, и спуск по нему завершил цирковую программу нашей экспедиции.

Провал оказался входом в другую пещеру. Но много меньшую, чем Илитукалипола. Она была темная и сырая. Очаги, на которых готовилось праздничное угощение, закоптили ее стены. Чем-то она действительно напоминала кухню. Где-то сбоку светилось отверстие с неровными каменными краями. Отверстие оказалось выходом. Сразу от него начиналась пологая, хорошо утоптанная тропинка. Я остановилась на ней и теперь только заметила, что солнце почти касается горизонта и его косые лучи освещают долину, лежащую внизу. По долине были разбросаны ярко-зеленые квадратики рисовых полей, банановые рощи и глинобитные хижины.

Экспедиция наша кончилась. Я еще раз с сожалением обернулась на вход в пещеру. Там оставалось много интересного и неизведанного...

Потом я узнала, что мне посчастливилось увидеть один из редчайших памятников искусства каменного века Южной Индии. Древние протоавстралоидные племена оставили после себя немало наскальных росписей и рисунков. Они есть в Майсуре, в Андхра Прадеш, меньше — в Тамилнаде. Но пещера в Спящей богине занимает среди них уникальное место.

В конце XIX века в пещере побывал начальник Малабарской полиции Фаусетт. Он сделал ее первое подробное описание. Более

того, ему удалось найти и инструменты, которыми могли быть высечены рисунки на стене пещеры. Это были кварцевый скребок и полированный кельт. Орудия каменного века. Но Фаусетт был только археологом-любителем и не владел методикой датировки таких памятников. И поэтому вопрос о возрасте рисунков в его статье «Заметки о наскальных рисунках в пещере Эдакал» остался открытым. Это сделал несколько позже индийский археолог Панчанан Митра. Он установил, что рисунки пещеры в Спящей богине появились в конце палеолита — древнего каменного века или, возможно, в начале неолита — нового каменного века, то есть между 10000 и 7000 годами до новой эры. Значит, их возраст составляет девять — двенадцать тысяч лет. Пожалуй, я не ошибусь, если скажу, что это один из самых ранних памятников на территории Южной Индии. И священная пещера с ее удивительной картинной галереей до сих пор является своеобразным храмом для австралоидных племен — потомков древнейших аборигенов Индии. Панья, муллу-курумба, урали-курумба кутта-наикены, адияны являются законными наследниками культуры, которую так точно отразили стены пещеры в Спящей богине.

Что еще можно об этом сказать? Пещера и гора достойны более тщательного исследования, нежели это было сделано до сих пор. Песок год за годом течет в пещеру. Его слой растет и погребает под собой каждый раз новую партию уникальнейших древнейших рисунков.

Может наступить время, когда даже господин Кришнан не сможет сказать: «Там такое...».

Огонь, который не обжигает

Говорят, такого огня нет. А я видела и утверждаю, что есть. Я ничего не могу объяснить. Мне, пожалуй, не хватает для этого знаний. Я слышала, что на Малабаре, особенно в Вайнаде, во время храмовых праздников важных церемоний есть ритуал «хождения по огню». Мне говорили, что люди босиком идут по раскаленным углям и не обжигаются. Я не верила этим рассказам...

Ранним январским утром в Чингери появился Каяма. Мне передали, что Каяма ищет меня. Утро было прохладное, даже холодное по этим широтам. И поэтому Каяма был завернут до подбородка в шерстяные лохмотья, бывшие когда-то одеялом.

— Мадама! — шепотом позвал он меня. — Иди сюда.

Я подошла. Каяма, зябко кутаясь в остатки одеяла, стал мне что-то говорить о панья из Кадаламада. Я никак не могла понять, зачем ему понадобилось делать это с раннего утра и почему он напустил на себя такую таинственность.

Каяма на что-то намекал, чего-то не договаривал. А я не столь хорошо знала панья, чтобы понять эти намеки.

— Слушай, Каяма, — сказала я, — говори яснее.

Каяма подумал и сообщил:

— Сегодня ночь новой луны.

— Ну и что? — спросила я.

— Как что? — удивился Каяма. — Разве ты не понимаешь?

— До сих пор — ничего, — призналась я.

Каяма задумчиво и сочувственно посмотрел на меня и почему-то снова перешел на шепот:

— Сегодня панья будут ходить по огню.

— Как по огню? — оторопела я. — И зачем по огню?

— Зачем, зачем! — передразнил меня Каяма. — Значит, надо. Лучше тебе все это посмотреть самой.

Действительно, может быть, мне все это посмотреть?

— А где панья будут ходить по огню? — поинтересовалась я.

— Там. — Каяма махнул рукой куда-то в сторону, противоположную от Спящей богини.

Указание Каямы было невероятно точным. Там — и все. А дальше, сама как знаешь. Но оказалось, что другие знали, где находится это «там». Путь «туда» был извилист и долог. Он шел через горы и джунгли, через проселочные дороги. И поэтому, если меня спросят теперь, где все это происходило, я, как и Каяма, махну рукой и скажу: «Там». Я только знаю, что неподалеку от этого священного леса находится деревня панья Кадаламад.

Мы добрались до священного леса к двум часам ночи. Я думала, что безнадежно опоздала. Но там только все начиналось. Панья не спешили. Впереди у них была долгая холодная ночь.

Над священным лесом стояло звездное небо. Между деревьями мелькали факелы. Это подходили все новые группы панья. Их было много, так же как и в ту ночь богини Мариаммы. Они располагались тут же, в лесу, семьями и целыми родами. Разжигали костры и, зябко поеживаясь, грелись у них. Огонь освещал темные лица, спутанные, всклокоченные волосы, куски ткани, в которые были завернуты маленькие фигурки панья. Люди жались к огню, но он плохо согревал их в эту холодную январскую ночь новолуния. Пронзительный ветер шумел в деревьях. Место было, видимо, довольно высоким и незащищенным. Здесь, в этом священном лесу, скрытые от чужих глаз ночью и джунглями панья вновь готовили древнее таинство. Называлось оно «хождение по огню». И в этой ночи глухо и тревожно забили барабаны.

А жрец Канакака направился к бамбуковой хижине, которую соорудили тут же в джунглях по этому случаю. Семь дней подряд Канакака совершал омовения дважды в день, сидел на вегетарианской диете, не подпускал себе женщин и не виделся с собственной женой.

Около хижины на длинных шестах висели черно-красные флаги-хоругви. С такими флагами панья шли в ту памятную ночь на поклонение богине Мариамме. Бамбуковая хижина, превращенная в своеобразный храм, повторяла убранство святилища богини в Калпетте. Здесь, в джунглях, панья подражали городу, стараясь воспроизвести сложный индуистский ритуал. В хижине было все, что необходимо для этого: медный светильник, бронзовая фигурка богини, меч, лезвие которого на конце было изогнуто полумесяцем,

колокольчики, цветы на банановых листьях, кокосовые орехи, цветная пудра для индусской молитвы — пуджи и, наконец, веревочный хлыст. Этим хлыстом Канакака будет себя сечь, если богиня заупрямится и не захочет в него вселяться. Пришли несколько панья с факелами, они принесли богине рис и бананы. Канакака, облаченный в красную одежду пророка, «колдовал» над всеми этими предметами в хижине-святылище. Он переставлял бронзовую фигурку, перекладывал цветы, каким-то только ему известным движением касался меча, звонил в колокольчик, бормотал над кокосовым орехом. Короче говоря, занимался не своим делом, отбивая хлеб у брамина-жреца. Панья стояли в почтительном отдалении, с восхищением наблюдая за Канакакой, который, по их мнению, действовал не хуже любого брамина.

Пока били барабаны и Канакака демонстрировал свое жреческое искусство, панья во главе с Каямой вырыли неглубокую прямоугольную яму и загрузили ее расщепленными стволами хлебного дерева. Канакака в сопровождении двух юношей появился у ямы. Разбил над ней кокосовый орех и положил в половинки скорлупы дымящуюся ароматическую смолу. Поплыл резко пахнущий дымок благовоний, и Канакака вдыхал этот дымок, сидя на корточках у ямы. А два его помощника, обнаженные, в набедренных повязках, согнулись над бамбуковыми палочками, добывая огонь, как делали их предки тысячи лет назад.

«Вжих-вжих», — пел бамбук. Пророк вдыхал магический дым, шумел ветер в деревьях, темнокожие люди сидели у костров, а на темном ночном небе стыли далекие звезды. И в который раз я пыталась определить, где я и в каком времени.

Вспыхнул огонь под разогретыми трением палочками, загорелись ветви хлебного дерева, и пламя медленно, как бы нехотя, поползло по яме. Истерически вскрикнула флейта, громко и угрожающе забили барабаны. И маленькие женщины-панья, завернутые в куски светлой ткани, начали над этим огнем свой бесконечный танец. Танец был такой же древний, как земля Вайнада, как эти джунгли и далекие звезды.

Женщины двигались бесшумно, как вереница призраков. То наклоня тела к огню, то откидываясь от него, они вращались легко и свободно. Их пятки буравили землю, разминая траву, покрытую

холодной и обильной росой. Языки пламени поднимались все выше и выше. Они дышали каким-то изначальным жаром. И жар багровыми отблесками плясал на темных лицах, на взлохмаченных кудрях волос. И было в танце что-то сродни этому изначальному пламени, его бесшумным жарким порывам, его изощренности и неожиданности. И вереница танцующих была похожа на древних жриц, заклинающих этот загадочный огонь. Покорно повторяя его движения, жрицы безмолвно просили о чем-то бушующее пламя. Время от времени они, как птицы, взмахивали руками, но оставались на земле, не сумев превозмочь какую-то силу, которая удерживала их здесь, у огня. Тогда они кричали странно и угрожающе, как будто виновник их бессилия был где-то совсем рядом. И этим крикам вторила тревожная дробь барабанов и захлебывающаяся, вызывающе резкая песня флейты.

Все чаще кричали танцующие, все быстрее били темные руки в барабаны, все выше и выше забиралась мелодия флейты, пока на каком-то крутом подъеме не задохнулась и не оборвалась. И языки пламени, покорные этим звукам, сникли и, укрощенные, поползли по обугленным стволам, зябко прижимаясь к жару раскаленных углей.

Когда последний язык пламени, заклятый и обессиленный темными жрицами, метнулся, чтобы погибнуть в мертвенной синеве угасания, вереница танцующих распалась и раздался гортанный торжествующий крик.

Крик, как ночная птица, взмыл к звездному небу и отозвался крупной дрожью в теле пророка. И так же задрожал меч в его руке. Замолкнувшие было барабаны вновь загремели, повторяя ритм дрожи тела Канакаки. Потом его сотрясла конвульсия, и пророк упал на холодную и сырую траву и стал извиваться на ней и корчиться как будто от острой и непереносимой боли. Губы его были сомкнуты, глаза закрыты, и только его темная рука продолжала судорожно сжимать рукоятку меча. Несколько панья, подскочивших к нему, подняли пророка, но он снова упал. Его опять подняли, стараясь утвердить на неверных ногах.

Наконец пророк каким-то чудом обрел равновесие. Постоял какое-то мгновение на месте, а потом, шатаясь как пьяный, с застывшим отсутствующим взглядом стал размахивать мечом и направился к яме, наполненной углями, пышущими жаром. Он остановился у края раскаленной ямы и вдруг неожиданно повернулся и странными

прыжками устремился куда-то в сторону, убегая, казалось, от ужаса этой уготовленной ему огненной пытки. Раздался леденящий душу крик. Казалось, в этом крике пророк вытолкнул из себя все, что было в нем человеком. Теперь к яме возвращался, приплясывая и прыгая, какой-то робот с пустыми остановившимися глазами. И под неумолчный грохот барабанов он зашагал по горящим углям. И вдавливал эти горящие угли босыми ногами в землю. Я не верила своим глазам. Жар, исходивший от ямы, был настолько сильным, что у края ее было трудно стоять. Углей хватило бы на то, чтобы изжарить целого быка. Как остались необожженными босые ступни пророка, который медленно, как будто по траве, разгуливал по этой горячей массе, мне было непонятно.

Канакака проделал эту процедуру несколько раз, и каждый раз, танцуя на углях, он выкрикивал что-то нечленораздельное, размахивал мечом и звенел колокольчиком. Я подумала, что все это можно объяснить состоянием транса, в котором находился Канакака. И как бы в ответ на мои мысли пророк закричал:

— Идите по горящим углям! Не бойтесь! Идите.

Молчаливая толпа стоявших вокруг панья распалась и вытянулась в вереницу. Теперь пророк сидел на краю ямы и протягивал руки к людям. Панья один за другим подходили к нему, касались этих рук и... спокойно шли босиком по раскаленным углям. Никто из них не торопился. Шли все: мужчины, женщины, дети. На их босых ступнях тоже не было ожогов. Никто из них, кроме пророка, не впадал в транс. Никто не вдыхал дурманящий дым благовоний. И тем не менее...

Это все, что я могу сказать. Я стояла, наблюдая непостижимое для меня зрелище. Кто-то осторожным движением коснулся моей руки. Это был Каяма.

— Теперь ты иди, — сказал он.

— Но, Каяма...

— Иди, иди, не бойся.

Я понимала, что не смогу этого сделать. Мне не хватало того, что сохранилось еще в этих людях. Я пришла из другого мира.

— Нет, — сказала я твердо. — Я не могу. Мне еще много надо ходить. Если я обожгусь, что тогда?

— Иэх! — вздохнул Каяма. — Я думал, что ты совсем как панья...

С той ночи между мной и Каямой встал какой-то невидимый барьер. И преодолеть его я не смогла. Ибо барьер проходил по раскаленным углям в глубине джунглей древнего Вайнада.

Канакака еще раз прошелся по углям. Потом отправился в хижину-святилище. Там он сел на пол, опустил меч и устало закрыл глаза.

— Канакака! — позвала я его.

Он поднял голову и посмотрел на меня совершенно осмысленно.

— Можешь еще раз пойти по огню? — спросила я его.

— Нет, — покачал головой пророк. — Теперь моя сила кончилась. Богиня покинула мое тело. Я сейчас такой же, как и ты. — И Канакака зябко закутался в рваную шерстяную тряпку.

Я вышла из хижины. Панья сидели у догорающих углей. Где-то одиноко бил барабан. На небе стояло странно светящееся лиловое облако. Оно было неподвижным, и в его центре сияла маленькая яркая луна. На какое-то мгновение мне стало не по себе. А потом я поняла. Из Тумбы запустили очередную метеорологическую ракету. В небе была ракета, а внизу древнее племя ходило по огню. Ракета мне была близка, и я могла в ней все понять. А то, что я сегодня видела здесь, внизу, было отделено от меня тысячелетиями. И объяснить этого я не могла.

10

Тайна каменных погребений

Мистер Молар, чиновник из коллектората округа Нилгири, грузный, спокойный и молчаливый, удивленно посмотрел на меня и спросил:

— Дольмены? А что это такое? Я никогда о них не слышал, хотя и исколесил все Нилгири.

Я терпеливо объяснила Молару, что дольмены — это каменные конструкции, сделанные из плоских плит. Часто они связаны с местами древних погребений, а иногда имеют культовое значение. Дольмены, сказала я Молару, — одна из форм древней мегалитической культуры, довольно распространенное явление в Южной Индии, но до сих пор тайна их происхождения не разгадана. Кто их сооружал — местное ли австралоидное население, пришлое ли средиземноморское

или уже смешанное дравидийское, — неизвестно. Определить точную этническую принадлежность этих сооружений пока не удалось. Археологи, которые исследовали дольмены, нашли там погребенные останки, черно-красную керамику, железные изделия и золотые украшения. Ученые существенно расходятся в датировке дольменов. Одни считают, что дольмены сооружались в первые века, предшествующие нашей эре, другие относят их ко второму тысячелетию до нашей эры.

Все это я объяснила Молару и сказала, что мне хотелось бы посмотреть на дольмены, которые я видела только на фотографиях.

— Подумать только! — удивился еще раз Молар. — Такие интересные вещи существуют в округе, а я о них не знаю. Мне тоже надо на них посмотреть. Так вы говорите, что это где-то около Гудалура?

Я подтвердила.

— У меня есть дела в тех местах, — подумав, сказал Молар, — мы с вами туда поедем и найдем дольмены.

Был солнечный и приятно прохладный январский день. Наш «джип» весело бежал по глинистой дороге предгорий мимо поселков и деревень, мимо кофейных плантаций, рисовых полей и лесных зарослей. В этот день мы решили много важных вопросов. Молчаливый и с виду нерасторопный Молар обладал одной удивительной способностью — втягивать малознакомых людей в свои дела.

Мы проинспектировали деревенскую начальную школу. Молар сидел с важным и неприступным видом над школьными реестрами, а я проверяла, как выполняются учебные программы. Никаких отступлений я не нашла, а Молар заметил какой-то непорядок в реестрах и долго выговаривал директору — молодому деревенскому пареньку, напуганному этой неожиданной проверкой. В попутной деревне племени курумба мы уладили земельный вопрос. Дело в том, что деревня оказалась на территории заповедного леса и лесной департамент хотел выселить жителей. Мне показалось, что это несправедливо, и Молар со мной согласился. Мы пришли к единому мнению: курумба по ряду веских причин с их земель выселять нельзя, и необходимо для них сделать исключение. Данное решение мы довели до сведения чиновника лесного департамента, чья контора

располагалась в трех милях от деревни племени курумба. Чиновник после долгих уговоров согласился с нами, а потом поинтересовался, сколько времени я работаю в колллекторате Нилгири.

Молар улыбнулся впервые за весь день и сказал:

— Мадам не работает у нас. Она ищет дольмены.

— Что? — не понял чиновник.

— Дольмены, — важно ответил Молар, как будто сам всю жизнь только этим и занимался.

И тут я отметила про себя второе удивительное качество Молара. Он обладал способностью втягиваться в дела малознакомых людей, как в свои собственные.

— Дольмены? Это что же? — удивился чиновник. — Насекомые, что ли?

— Почему насекомые? — возмутился Молар. — Древние погребения.

— А! — понимающе закивал чиновник. — Могилы, значит. Так у нас в соседнем лесу есть такие могилы. Курумба их наделали. Эй, Канакан! — крикнул чиновник.

В дверь осторожно просунулась лохматая голова с плутоватыми глазками. Голова явно принадлежала представителю древнего австралоидного племени курумба.

— Да, сэр? — почтительно сказал Канакан.

— Поедешь вот с ними, — распорядился чиновник, — и покажешь могилы курумба. И сделаешь все как следует, слышишь? Они отстояли твою деревню от выселения. Имей это в виду. И чтобы никаких фокусов по дороге. Ясно?

— Ясно, ясно, сэр, — Канакан поспешно закивал лохматой головой. — Все сделаю, как вы сказали.

Канакан все сделал так, как ему сказали. Но не его вина, что на лесной поляне, куда он нас доставил «без всяких фокусов», не оказалось дольменов. На поляне, среди зарослей кустарника, было три погребения курумба. Три невысоких холмика, обложенных по краю кругом из камней. Круг камней тоже был одной из форм древней мегалитической культуры. Но я искала дольмены. Канакан объяснил, что курумба зарывают своих покойников в землю и отмечают место кругом камней. Здесь, в этом круге живут духи умерших. Днем

Канакан сюда ходить не боится, а ночью здесь опасно. Ночью духи, поведал Канакан, выкидывают всякие фокусы.

Молара теперь трудно было остановить. Он явно заболел «дольменной лихорадкой». Мы мотались на «джипе» по всем окрестностям, расспрашивали местных жителей и даже школьников. Но они о дольменах ничего не знали.

Молар остановил «джип» на главной площади Гудалура. Сначала он исподволь опросил лавочников. Лавочники никак не могли понять, что же ищет этот солидный чиновник: могилы или храмы. Они ничего не слыхали о дольменах. Опрос лавочников привлек к Молару достаточно большую толпу горожан. И, воспользовавшись этим обстоятельством, Молар устроил летучий митинг. На митинге он вдохновенно и убедительно прочел лекцию о дольменах, перепутав, правда, кое-какие частности. Лекция о дольменах повергла гудалурских обывателей в недоумение и не свойственную им задумчивость. Лавочники на площади закрыли свои лавки и присоединились к митингующим. В городе запахло всеобщим харталом. Проблема древних дольменов явно приобретала политическую окраску. И когда появилась группа представителей местных профсоюзов и трижды прокричала «Джай хинд», я поняла, что дела наши плохи.

Откуда-то взявшийся верткий молодой человек, расталкивая толпу, пробился ко мне и скороговоркой сказал:

— Мадам, интервью.

— Только за дольмен, — ответила я.

— Но у меня такой валюты нет... — смутился репортер.

Бросив на меня неодобрительный взгляд, молодой человек стал пробиваться к Молару. Но тот важно пронес свое грузное тело через толпу и, сопровождаемый возмущенными взглядами обывателей и криками «Джай хинд!», втиснулся в «джип».

— Город называется, — недовольно пробурчал он, — не знают даже, что такое дольмены. И чему их учат в школах...

На этом кончилась моя дольменная эпопея в Тамилнаде.

И когда господин Кришнан уже на керальской территории Вайнада сказал: «Ой! Их там видимо-невидимо», — я просто ему не поверила.

— Послушайте, — осторожно начала я. — Я имею в виду дольмены.

— Ну да, дольмены, — легкомысленно заявил господин Кришнан. — А что же еще? Там, где живут панья, их сколько угодно.

«Чем черт не шутит», — подумала я, глядя на Кришнана.

И вот мы идем по лесу, который примыкает все к той же горе Спящая богиня. Сам лес какой-то особенный. Он светлый и прозрачный. В нем нет мрачных сырых мест, нет пугающих своей неизвестностью густых непроходимых зарослей. Тиковые деревья высоко подняли на своих стройных стволах прозрачные кроны. Внизу под ними редкие колонии сухого кустарника. Тропа прихотливо вьется по лесу. То подходит к горе, то снова отступает от нее. Но вот что-то в лесу неуловимо меняется. Появляется несоответствующая всему правильность. И правильность эта на земле. Я делаю шаг в сторону от тропы и вижу прямоугольник, образованный четырьмя каменными плитами, выступающими над землей.

— Есть! — торжествующе кричит господин Кришнан. — Ну что это? — спрашивает он меня, хитро прищурив глаза.

— Дольмен, — несколько растерянно отвечаю я. — Или, вернее, дольменоидный кист, как говорят ученые. Дольмен, утопленный в землю.

Размер дольмена 1×2 метра. Он забит землей и густой травой. Рядом лежит плоская плита, покрывавшая его. Кто сдвинул плиту, я не знаю. Через несколько шагов мы обнаруживаем еще одно погребение. Его пытались, видимо, раскопать. Верхняя плита сдвинута в сторону. Внутренняя камера наполовину засыпана землей. Плиты камеры аккуратно пригнаны одна к другой. Я внимательно осматриваю камеру. На ее стенках отсутствует круглое отверстие, которое часто встречается в надземных дольменах. Я делаю еще несколько шагов и обнаруживаю непотревоженное погребение. Верхняя плита лежит на месте. Рядом другая, потом третья. Теперь мне весь лес кажется огромной мостовой, вымощенной плоскими плитами древних погребений. «Мостовая» уходит вдаль, к горе, откуда, наверно, и спускали эти гранитные плиты. Я иду по этим плитам и еще не совсем верю в свою удачу. Но «верю или не верю» — это область эмоций. А от меня сейчас требуется иное. Я должна определить типы погребений, густо усеивающие этот удивительный лес.

Первое, что я встретила, — это дольменоидный кист, не отмеченный камнями. Потом я вижу такой же кист, но отмеченный

кругом камней. Я встречаю однокамерные дольмены и двухкамерные. Натыкаюсь просто на круг камней, в центре которого нет дольменоидного киста. Я знаю, там, в земле, в таком круге камней могут оказаться погребальные урны или просто останки без урн. И, наконец, время от времени попадаются менгиры — вертикальные камни, врытые в землю. Кажется, все типы мегалитических погребений присутствуют в этом лесу. А сам лес — огромный музей, чудом уцелевший с древних пор. Все, что здесь находится, — это доистория. Такие погребения сооружались в давние века до нашей эры. Позже я узнала, что в XIX веке здесь копал Фаусетт и нашел керамику и железные изделия. Что ж, возможно. Но что таят в себе остальные сотни погребений, мы не знаем.

Здесь, в этом лесу и в его сухой земле, лежит немало неожиданностей и открытий. Местные жители называют этот лес Айремколи — «тысяча убитых». Но есть и другое значение этого слова — «тысяча источников». Действительно, тысяча ценнейших источников истории древнего Вайнада. И вопрос, кто покоится здесь в каменных ящиках и в каменных кругах, предки ли австралоидов или предки средиземноморцев, или праотцы тех или других, остается открытым. А от решения этого вопроса зависит многое. Кто лежит в земле панья или урали-курумба, люди уже не помнят.

И я шла по этим плитам, как по мостовой, начало которой терялось в забытых далеких веках...

Мечи в джунглях

Солнечный свет дробился в листьях деревьев где-то вверху, а здесь, внизу, было сыро и сумрачно. Пахло прелыми листьями и еще чем-то пряным и острым. До ближайшей деревни, где жили люди племени урали-курумба, оставалось мили две, не меньше. Урали-курумба были соседями панья, и с давних времен те и другие хорошо знали друг друга. Я шла по тропинке, и сырая почва мягко пружинила.

Неожиданно из зеленой мглы передо мной бесшумно возникло видение. Оно было низкоросло, темнокоже, с густой кудрявой шевелюрой, которая дыбом стояла на его голове. Короче, видение выглядело так, как положено любому обитателю этих джунглей. По мере приближения видение материализовывалось и приобретало обычный человеческий вид. Теперь я уже могла разглядеть набедренную повязку, лук через плечо и... блестящую авторучку, торчащую за ухом. Ни лук, ни стрелы меня уже не удивляли. Меня удивила и поразила авторучка.

— Ты кто? — спросила я обладателя этой авторучки.

— Урали, — ответил он, округлив в изумлении глаза.

— А ты кто? — в свою очередь спросил урали.

Я не могла ответить ему так же просто и на минуту задумалась.

— А! — вдруг почему-то обрадовался он. — Ты мадама! Мне о тебе говорили панья. А я — Падикен, жрец урали.

И тогда я осведомилась, зачем нужна жрецу авторучка. Падикен резонно ответил, что такая «палочка» есть у всех важных людей. У больших начальников и у лавочников. Падикен — тоже важная личность, и поэтому без «палочки» ему никак нельзя. Иначе в племени к нему не будет соответствующего уважения.

С такой постановкой вопроса я встретила впервые. Жрец вынул авторучку из-за уха и покрутил ею перед моим носом.

— Дай посмотреть, — сказала я.

— Нельзя, — покачал головой жрец. — Нельзя ее касаться. Это священная вещь. Только для жреца.

У меня в карманах лежало штук пять таких «священных вещей», но я промолчала. Мне нужны были другие «священные вещи», поэтому я спросила жреца:

— Эта авторучка — единственная святыня в племени?

— Что ты! — возмутился Падикен. — У нас еще есть храм.

— Может быть, ты объяснишь, как туда пройти? — неуверенно попросила я.

— Конечно, конечно! — оживился жрец. — Храм другое дело. Его может каждый посмотреть. Это не то, что священная палочка. — И он любовно погладил авторучку, торчавшую за ухом.

Лесной храм урали-курумба был расположен в четырех милях отсюда. Так мне объяснил Падикен.

— Я пойду с тобой, — неожиданно решил он. — А то ты еще заблудишься.

Я не возражала. Падикен нашел чуть заметную тропинку, отходившую от основной. Местность стала холмистой, и тропинка шла то вверх, то вниз, петляя среди густых зарослей тропических деревьев. С очередного холма мы спустились в небольшую ложину с болотистым дном. Здесь стоял тяжелый и терпкий запах гниения. Падикен сделал мне знак остановиться, а сам, чуть пригнувшись, стал что-то выискивать по краю болота в густых зарослях жесткой, похожей на нашу осоку травы. Наконец он нашел то, что искал, и безмолвно поманил меня рукой.

— Теперь иди осторожно и ступай точно по моему следу, — предупредил он меня.

Мы шли через болото, и коричневая зловонная жижа выступала из-под моих ботинок. Иногда ботинок соскальзывал с кочки, и нога по щиколотку погружалась в теплую неприятную жижу. На другом берегу болота оказался завал. Толстые бамбуковые стволы в беспорядке громоздились друг на друга. Между ними были надежные и уютные ловушки для каждого оступившегося. Мы перепрыгивали со ствола на ствол, стараясь удержаться на их гладкой поверхности. Время от времени под стволами я замечала какое-то движение. Потом выяснилось, что весь завал был заселен змеями, которые предпочли сухие стволы бамбука неприятной сырости гнилого болота. За завалом вновь начались сплошные заросли. Это был колючий кустарник в человеческий рост. Падикен смело кинулся в заросли, пригнул куст и

приглашающе кивнул мне. Когда я вошла, куст распрямился, и мы оказались со всех сторон зажатými колючими плохо гнущимися ветвями. При каждом неосторожном движении колючки впивались в тело и рвали одежду.

— Что будем делать? — как-то неуверенно спросил меня Падикен. — Вернемся или пойдем дальше?

— Пойдем дальше, если можно идти, — философски ответила я.

Жрец вытащил из-за набедренной повязки вакатти — секач с изогнутым лезвием. Теперь Падикен рубил кусты, и мы медленно продвигались сквозь эти заросли. Кусты были непослушными, плохо поддавались секачу. Мы были все исцарапаны, а моя блузка превратилась в живописные лохмотья. Наконец заросли стали редеть, и впереди показался просвет. Мы вышли на небольшую уютную лесную поляну. Поляна была залита солнцем. Под ногами похрустывала зеленая сочная трава. Пронзительно кричали какие-то птицы.

Жрец важно поправил за ухом авторучку, которую он умудрился не потерять в колючих зарослях, и показал в угол поляны.

— Вот храм.

Я увидела полуразвалившуюся бамбуковую хижину. «За что боролись?» — подумала я и двинулась к хижине. У самого входа жрец остановил меня повелительным жестом.

— Дальше нельзя, — сказал он. — Это заповедный храм. Только я могу в него войти. — И снова важно поправил авторучку за ухом.

Я почувствовала себя обманутой. Сначала не дали авторучку, теперь не пускают в храм. Я обошла вокруг хижины и сквозь широкую щель между бамбуковыми планками увидела алтарь-камень. На камне что-то лежало. Я присмотрелась и даже вздрогнула от неожиданности. На камне лежал меч. Я ни разу не видела таких мечей: даже в музеях Индии. Его конец был изогнут и завершался острым треугольником. Железное лезвие было покрыто ржавчиной, но рукоятка поблескивала накладным серебром. Я долго не могла оторвать взгляда от меча. Откуда он? И кто принес его в джунгли Вайнада? Почему темнокожие австралоиды ему поклоняются? Свидетелем каких давних и забытых событий был этот необычный меч? Все эти вопросы вихрем пронеслись у меня в голове. Я видела мечи у панья, видела меч перед богиней Мариаммой в Калпетте. Но такой меч в глубине джунглей в

заброшенном лесном храме я видела впервые. Я теперь четко сознавала, что не уйду отсюда, не сфотографировав его.

— Послушай, Падикен, — дипломатично начала я. — Там лежит меч...

— Это священный меч, — сказал торжественно Падикен. — Он лежит здесь много веков подряд. И каждое поколение урали должно его охранять от чужих глаз.

— Я сфотографирую его? — попросила я.

Жрец поднял руки и стал у входа. Вся его фигура выражала решительное отрицание.

Я начала объяснять Падикену, как важно мне сделать это. Я сказала, что это важно для всех и даже для такого знаменитого племени, как урали, которое оказалось владельцем замечательного меча. Жрец впал в задумчивость.

— Фотографируй, — через некоторое время сказал он. — Но только не касайся меча. Даже я не могу его коснуться.

Я стала в тупик. В храме было темно, меч лежал неудачно. В таком виде его нельзя было снять.

На все мои уговоры жрец отвечал «нет» и «нельзя». Терпение мое уже истощалось, когда я вдруг поняла, что терпение жреца тоже на исходе. Он устал. Слишком много аргументов сыпалось на его кудлатую голову с авторучкой за ухом. И он сдался.

— Слушай, — хриплым шепотом начал он, — ты можешь это сделать. Но знай: никто еще после такого не оставался безнаказанным. Прикосновение к мечу навлечет проклятие богини на твою голову. Поступай, как хочешь, — и отошел от храма.

— Хорошо, — сказала я. — С богиней я договорюсь.

Падикен с сомнением покачал головой.

Я сняла пыльный меч с алтаря и положила его на землю. Когда я оглянулась на Падикена, то увидела его расширенные от ужаса глаза. Даже авторучка выпала из-за уха и теперь сиротливо лежала у его ног.

— Смотри, — зашептал жрец, сглотнув слюну, — если кто узнает об этом в племени, тебе не сдобровать.

И вдруг он горестно запричитал.

— Аё! Аё! — раскачивался он, сидя на корточках.

— Ну что ты убиваешься? — спросила я. — Ты не скажешь, и я не скажу. Ты не касался меча, значит, пострадаю только я.

Я сфотографировала священный меч, положила его на алтарь и осторожно прикрыла бамбуковую дверку храма. Потом подняла с земли авторучку и протянула ее Падикену. То, что я коснулась «священной палочки», теперь на жреца не произвело впечатления. На его глазах совершилось большее «святотатство». Я нашла одну из своих авторучек и отдала ее Падикену. Это его в какой-то мере утешило. Он гордо заложил ее за второе ухо и двинулся вперед, сверкая двумя авторучками. Время от времени он тяжело вздыхал, а я думала об этом необычном мече, который нашла в лесном храме.

Как-то в библиотеке Мадрасского музея мне попался каталог индийского холодного оружия. Каталог был довольно подробный. Я обнаружила в нем рисунки мечей, найденных в древних погребениях, и снимки более позднего оружия. Но меча такой формы, какой был в лесном храме урали, я там не встретила. Кому принадлежал этот меч (или его первоначальная форма), я так и не узнала. Я натолкнулась еще на одну загадку древнего Вайнада, но могла строить только предположения. Я вспомнила, как плантатор Найяр, светлокожий хозяин кули-панья и урали-курумба, сказал мне однажды:

— Наши боги все вооружены. Посмотрите на Айяппана или Кали. У всех оружие. Этим оружием они громили злых духов — темнокожих толстогубых карликов.

Боги светлокожих пришельцев действительно были вооружены. Возможно, такими же мечами, один из которых сейчас лежит на камне-алтаре в лесном храме темнокожих толстогубых австралоидов.

Когда пришли сюда вооруженные «боги», сказать пока трудно. Возможно, несколько тысяч лет назад. И опять отголоски зазвучали здесь, на солнечной лесной поляне в джунглях. Меч богини, священная реликвия, требующая поклонения. Может быть, на его ржавом лезвии еще сохранилась кровь «злых духов», предков теперешних урали-курумба или панья? Не поэтому ли потомки этих «злых духов», сохраняя смутные воспоминания о прошлом, поклоняются грозному оружию, когда-то их покорившему, как символу силы чужих богов и чужих светлокожих воинов? Заповедные храмы и алтари-камни, темнокожие люди, вооруженные луками и стрелами, чьи мечи вы храните? Но молчат храмы и алтари, а люди плохо помнят свое прошлое...

— Мадама! А мадама! — вдруг вывел меня из задумчивости голос Падикена.

Я и не заметила, как мы вышли на основную тропу и теперь приближались к деревеньке, просматривавшейся сквозь заросли банановых деревьев.

— Мадама! — снова повторил Падикен. — Хочешь, я тебе покажу еще один храм, но только мечта там нет.

— Конечно, — ответила я.

— Мы передохнем в моей деревне, а то еще долго идти.

Я согласилась. В деревне Падикена стояли четыре бамбуковые хижины, крытые пальмовыми листьями. Земля вокруг была хорошо утрамбована и чисто выметена. Жена жреца, маленькая и юркая, приветливо хлопотала вокруг нас. Потом вдруг остановилась перед мужем и в удивлении всплеснула руками:

— Да у тебя вторая священная палочка! Падикен потрогал обе авторучки и важно изрек:

— Теперь я очень высокий жрец.

— Какой такой высокий? — не поняла жена. — Жрец и есть жрец.

— Вот и высокий! И не спорь! — подскочил к ней Падикен, потрясая обеими авторучками. — У всех начальников по одной, а у меня целых две! И не смей их касаться! Поняла?

— Поняла, поняла, — примирительно сказала жена и, махнув рукой, скрылась в хижине.

Она принесла банановую гроздь и несколько кокосовых орехов.

— Ешь, ешь, мадама, — сказала она, — И ты ешь, высокий жрец. — На последних словах она запнулась и ехидно хихикнула. Падикен грозно глянул на жену.

— Видала? — обратился он ко мне. — Никакого понимания, хоть и женщина.

И снова мы шли через джунгли. Теперь тропинка уводила нас куда-то к северу, где за синими хребтами лежал Кург. Чем выше мы поднимались, тем прозрачнее и солнечнее становились джунгли. Сандаловые и тиковые деревья тянули свои светлые стволы ввысь, на небольших полянах пестрели яркие тропические цветы. Неожиданно тропинку перерезала грунтовая дорога, уходившая по просеке куда-то вдаль. Мы быстро шагали по наезженной сухой земле. Через некоторое время дорога кончилась самым странным образом — она уперлась в

массивную цепь, висевшую на двух столбах. На цепи болтался огромный замок.

— Вот так так! — сказала я. — Джунгли на замке.

— Это все лесной департамент, — объяснил Падикен. — Это они заперли наш священный лес.

Позже я узнала у местного лесничего, что эта цепь была мерой предосторожности против браконьеров. В священном лесу урали росли ценные экспортные сорта деревьев. Поэтому лес и заперли. Мы пролезли под цепью, и Падикен повел меня вглубь этого странного священного леса. Постепенно деревья становились все реже, и мы вышли на поляну. Почти в центре поляны возвышалось огромное тиковое дерево. Дерево было окружено аккуратно сделанной каменной платформой. Три небольшие ступеньки вели на этот своеобразный алтарь.

— Айяппан-пари, — сказал Падикен, указывая на платформу. — Храм называется скала Айяппана, — пояснил он.

— Но разве Айяппан — бог урали-курумба? — спросила я.

— Когда-то он назывался Адуранмар, — смутился жрец. — А теперь вот Айяппан.

— Чем же занимается твой Адуранмар-Айяппан? — заинтересовалась я.

— Охотой, — ответил Падикен. — Он бог охоты.

Я поднялась на платформу, которая была строго повернута на восток. Под священным деревом лежало огромное количество грубо сделанных из красной обожженной глины фигурок. Сначала я заметила только фигурки собак — собаки маленькие, собаки большие. Собаки с висячими ушами и ушами, стоящими торчком. Собаки с длинными хвостами и без хвостов. Казалось, здесь в этих грубых фигурках, были представлены, все породы вайнадских собак. Урали-курумба были щедрыми почитателями своего бога охоты, и уж собак они для него не пожалели. Какая же охота без собак? Но вот среди этого собачьего обилия я стала замечать и другие фигурки. Это были глиняные слоны, кабаны, зайцы, олени. Короче говоря, здесь присутствовал весь охотничий набор. Фигурки животных, на которых охотились урали-курумба вместе с богом Айяппаном, были разбиты.

— Мы принесли их в жертву богу, — объяснил Падикен. — Раньше мы приносили ему добытую дичь. Теперь нам запретили охотиться в

этом лесу, и дичи достать негде. Бог может обидеться, вот мы и приносим ему эти игрушки.

— И Айяппан не замечает, что вы его надуваете? — коварно спросила я.

— Пока нет. — Падикен почему-то перешел на шепот. — Ему, наверно, нравятся эти игрушки.

Потом жрец задумался, снова подошел к платформе и зашептал что-то над фигурками. Оказалось, что уговаривал бога охоты поверить в то, что фигурки — настоящая дичь. Видимо, я поселила кое-какие сомнения в голове Падикена. Здесь, в этом лесном святилище, я поняла, что урали-курумба — народ сметливый и умелый. Действительно, некоторые фигурки вполне можно было принять за настоящих животных. Айяппан мог гордиться искусством своих почитателей.

Мы еще долго сидели с Падикеном у священного дерева. Ветер осторожно перебирал кроны деревьев, на разные голоса пели птицы. От нагретой зелени и травы струился густой, терпкий аромат. Здесь, наверно, было так, как много лет назад, когда священный лес не запирала массивная цепь с инвентарным номером лесного департамента, бог Айяппан имел свежую дичь, а у жрецов еще не было моды на авторучки.

Мастера на все руки

Древний Вайнад — своеобразный музей. Музей лесных австралоидных племен. Их там много, и живут они бок бок. Панья и муллу-курумба, куручияры и катту-наияны, адияны и аранаданы. Но иногда большие расстояния, горные хребты и густые джунгли разделяют племена. И тогда они могут не знать друг о друге. Но есть одно племя, о котором знают все. Это — урали-курумба. Их имя назовут в любом племени Вайнада. Потому что урали-курумба — мастера на все руки. Почему так получилось, трудно сказать. То ли существовала какая-то давняя традиция, то ли сами урали оказались талантливее других. Но как бы то ни было, горшки для муллу-курумба делают урали, широкие ножи вакатти для панья куют урали, узкие наконечники стрел для куручияров затачивают урали, высокие корзины, где хранится зерно, для адиянов делают урали. В любом племени вам скажут: сделано руками урали. Об этих руках говорят по всему Вайнаду. И мне захотелось посмотреть, как работают эти руки.

Рано утром я отправилась в деревню, где жил Падикен. Я шла по предрассветным джунглям. На траве лежала обильная роса. И эта росяная трава источала свежесть и тонкий аромат. Птицы уже проснулись и наполнили лес своим разноголосьем. Небо еще было серым, но на востоке сквозь деревья краснела полоса зари, готовая вот-вот вспыхнуть золотом солнечных лучей. Падикена увидела сразу. Он стоял перед хижиной и время от времени воздевал руки к небу. И как будто по команде рук вспыхнули косые лучи солнца, и в них задрожала цветочная пыльца. Падикен запел что-то без слов, прижал руки ко лбу, а потом к груди и осмотрелся.

— Падикен! — позвала я жреца.

— А, мадама! — оживился он. — Идем в дом, будешь гостем.

За хижиной раздавался глухой ритмичный стук, я догадалась, что это жена Падикена рушила падди в высокой деревянной ступе. В хижине, в очаге, врытом в землю, горел огонь. Голубой дым поднимался вверх и оседал на бамбуковых жердях крыши черной копотью. Рядом с очагом стояло несколько глиняных горшков, а на

бамбуковой стене висело два барабана. Этим обновка хижины полностью исчерпывалась. Падикен суетился около очага и стал звать жену.

— Что это ты с утра пораньше машешь руками? — спросила я его.

— Я не машу руками, — обиделся Падикен. — Я молился. Молился великому богу Потэ. Могущественному и славному богу. Я жрец и должен делать это каждое утро. А ты — «машешь руками», — передразнил он меня.

— Ну, извини, — сказала я миролюбиво. — Я не знала, что ты молился богу Потэ. А кто такой Потэ? Я что-то не слышала о таком боге. И почему ему надо молиться с раннего утра?

— Ты не знаешь Потэ? — поразился Падикен. — Ты же видишь его каждый день. Кто дает нам тепло и свет. Потэ.

— Но ведь это солнце — Сурья, — возразила я.

— Так называют его другие. А для нас, урали, оно Потэ. Мы многое называем по-другому. Мать у нас «абе», а отец — «амман», а другие называют мать «амма». Вот видишь как?

Да, действительно, язык урали чем-то отличается от языка их соседей. Но откуда возникли эти различия, я не знала. Может быть, урали сохранили что-то от того древнего языка, на котором говорили их предки — протоавстралоиды и который тогда еще не назывался дравидийским... Пока я размышляла над всем этим, пришла жена Падикена. Она начала переставлять глиняные горшки. Горшки были темными от копоти, как будто кто их специально покрыл черным лаком. У очага стояли маленькие горшочки, средние и совсем большие. Их днища были скруглены, на некоторых был незатейливый узор.

— Кто у вас в деревне делает горшки? — спросила я Падикена.

— У нас в деревне их когда-то делали. А теперь не делают.

— Почему? — поинтересовалась я.

— Нет глины. Землю, на которой мы добывали глину, у нас отобрали и не разрешают оттуда брать глину. Мы давно уже не делаем горшков.

— Кто же все-таки делал эти горшки? — не отставала я.

— Что ты меня спрашиваешь о горшках? Спроси лучше мою жену. Жена Падикена сразу поняла, что настал ее черед.

— И кто спрашивает об этом у мужчин? — с укором сказала она мне. — Они об этом ничего не знают. Горшки делаем мы, женщины. И

я делала их когда-то. Но теперь мне их не из чего делать. Вот посмотри.

И жена Падикена извлекла откуда-то из угла деревянный скребок, напоминавший лопаточку.

— Этим я и делала горшки. Вот тут, — она снова начала переставлять посуду, — остался еще мой горшок.

Она гордо подняла горшок на ладони.

— Посмотри, какой он легкий, звонкий и прочный. Разве мужчина может такой сделать? К примеру, мой Падикен?

Падикен смущенно хмыкнул, но потом приосанился и важно сказал:

— О чем ты, женщина, говоришь? То, что я умею, никто не умеет.

— В том, что ты умеешь, риса не сваришь, — отпарировала жена.

— Вот так всегда, — тяжело вздохнул Падикен.

— А где же все-таки делают эти горшки? — спросила я жреца, давая ему возможность поднять свой престиж в глазах жены.

— Не знаю, — растерялся Падикен. — Если хочешь, мы пойдем с тобой от деревни к деревне и найдем горшечницу.

— Что ты удумал? — засмеялась жена. — От деревни к деревне... Этак ты, мадама, с ним всю жизнь проходишь. Надо идти в деревню Палвеличам и найти там Деви. Понял?

— Понял, — покорно согласился Падикен.

И мы снова пошли туда, где голубел хребет на границе с Кургом. Деревня Палвеличам возникла неожиданно среди редкой поросли деревьев. У нее был какой-то заброшенный и неопрятный вид. Под деревьями стоял навес, крытый рисовой соломой. Никого в деревне не было видно, и только женщина, сидевшая на корточках под навесом, свидетельствовала о том, что здесь есть люди.

Мы подошли к навесу. Женщина поднялась навстречу нам. Она была уже немолодая, сухонькая, с тонкими подвижными руками. Под навесом стояли горшки.

— Кого это ты, Падикен, привел? — спросила она, с интересом разглядывая меня.

— Вот мадама, — начал Падикен, — хочет посмотреть, как ты делаешь горшки.

Женщина смущенно улыбнулась, искоса глянула на меня и сказала, что первый раз кто-то приходит, чтобы посмотреть, как она делает

горшки.

— Ты Деви? — спросила я ее.

— Деви, — изумленно глянула она на меня. — А ты откуда знаешь?

— Мне о тебе рассказала жена Падикена.

— А-а... — чуть разочарованно протянула Деви. — А ты откуда?

— Из Советского Союза, — сказала я.

— Это где же? Что-то я о такой деревне не слышала.

— Это целая страна, — важно пояснил Падикен. — И очень далеко отсюда.

— А что, — спросила Деви, — у вас там горшков не делают?

— Делают. Только другие.

— О! — оживилась Деви. — Ты мне покажешь, как их делают?

Я так растерялась, что даже забыла форму наших горшков.

— Я не знаю, как их делают, — чистосердечно призналась я.

— Аё! — всплеснула Деви тонкими руками. — Что это за женщины, которые не умеют делать горшки?

— Ты что-то много говоришь сегодня, — пришел мне на помощь Падикен. — Женщины как женщины. Не всем же делать горшки. Они умеют многое другое.

Деви вздохнула и пригласила меня под навес.

— Иди посмотри, как это делается, — сказала она.

И вдруг неожиданно предложила:

— Давай я тебя выучу делать горшки. И ты научишь своих женщин. А?

«Это было бы неплохо», — подумала я.

— У мадамы нет времени заниматься твоими горшками! — почему-то рассердился Падикен. — Лучше покажи, как ты делаешь сама.

Деви опять вздохнула и грустно посмотрела на меня. Так иногда смотрят хорошие, сердечные люди на неудавшегося в чем-то человека.

— Ну, смотри, — сказала Деви. — Может быть, чему-нибудь и научишься. — И покачала осуждающе головой.

Только теперь я заметила, что рядом с Деви не было гончарного круга. В любой индийской деревне у горшечника был гончарный круг, а здесь его не было. Мне опять невероятно повезло. Я смогла увидеть, как работал древний горшечник, может быть, самый первый из

горшечников. Тот самый, который еще не знал, что такое гончарный круг. В каком веке родился такой горшечник? Наверно, в том же каменном. И урали упорно продолжают эту традицию каменного века.

Девы очень старались. Ее руки работали точно и ловко. Временами она бросала на меня взгляды и как будто говорила: «Посмотри, как все просто. Запоминай и учись».

Она взяла ком приготовленной глины, размяла его сильными тонкими руками и, похлопывая его ладонями, быстро превратила в шар почти правильной формы. Затем взяла деревянный скребок и стала удалять все лишнее с шара. Постепенно кусок глины стал обретать форму горшка. Но только внешнюю его форму, внутри еще оставалась глина. Форма эта была удивительно правильной. Скребок в чудесных руках Девы работал точно и расчетливо. Ни одного лишнего движения, ни одного неудачного среза. Девы, как истый художник, выписывала твердую и абсолютно правильную линию будущего горшка. Когда внешняя форма была завершена и отделана, Девы отставила ее в сторону и пригласила меня полюбоваться ею. И только легкие следы скребка на форме говорили о том, что гончарный круг не принимал участия в ее создании.

— Теперь следи внимательно, — сказала Девы. — Я сейчас буду вынимать глину изнутри. Это самое трудное. Стенки горшка должны быть все одинаковой толщины. Иначе горшок лопнет, когда я буду его обжигать.

И снова засновали удивительные руки горшечницы. И снова точно и безошибочно скребок формировал внутреннюю стенку горшка. Для меня это было непостижимо. Я впервые видела, чтобы руки работали так быстро и точно. Наконец, горшок был готов. Он стоял перед Девы сырой, еще хрупкий, поражающий своей совершенной формой. Девы осторожно взяла его обеими руками и вынесла из-под навеса на солнце. Там уже сушилось около десятка горшков разных размеров.

— Теперь пусть сушится, — сказала она. — Когда высохнет, я его обожгу.

— А на чем? — поинтересовалась я.

— На огне, — ответила Девы. — На очаге, на костре, на чем хочешь. Но надо, чтобы был огонь. Запомнила? А теперь я покажу тебе мой готовый горшок.

Она исчезла в соседней хижине и вскоре появилась, неся бережно в темных ладонях небольшой горшочек, отливающий чистым красновато-розовым цветом обожженной глины.

— Посмотри, — улыбнулась она, — какой он легкий и звонкий. — Она ударила согнутым пальцем по горшку, и он издал чистый мелодичный звук. — Только женщины урали могут делать такие горшки. — На, возьми этот горшок себе. Покажи его своим женщинам. Может быть, кто-нибудь и захочет у меня поучиться.

Теперь этот горшок стоит у меня, в моей московской квартире, но пока никто из знакомых мне женщин не изъявил желания научиться делать такие...

Деву научила делать горшки ее бабушка. Бабушка была знаменитой горшечницей. Урали до сих пор помнят ее. Когда Деву была совсем маленькой, бабушка сажала ее рядом, и девочка завороченно следила за ловкими бабушкиными руками. Бабушка показывала Деву как разминать глину, как работать скребком. Свой первый горшок Деву сделала, когда ей было семь лет. Горшок был неровный, скошенный на одну сторону. Они с бабушкой стали его обжигать, и горшок лопнул. Деву плакала от обиды. Ей было жалко себя и горшок. Бабушка успокаивала Деву, говорила, что, когда та станет большой, она научится делать красивые горшки, и они не будут лопаться от огня. И Деву снова сидела с бабушкой, помогала ей и училась. Училась долго и настойчиво. Она полюбила глину, которая казалась ей чем-то живым, подолгу любовалась обожженными горшками и вслушивалась в их мелодичное звучание. По этому звуку бабушка научила ее определять качество глины и добротность обжига.

А потом Деву сделала первый настоящий горшок. Ей было тогда двенадцать лет. Бабушка бережно унесла его в хижину и поставила на самом видном месте. Мать Деву тоже была горшечницей, но она не умела так хорошо учить, как бабушка. Потом бабушка умерла. Деву к этому времени уже стала известной мастерицей. Она сама сделала для бабушки погребальную посуду — «ветту катти». Маленькие горшочки и плошки, в которые налили воду и положили рис, чтобы дух бабушки был сыт. «Ветту катти» поставили на бабушкину могилу, и очень многие урали приходили посмотреть на эту посуду: до того она была красиво и искусно сделана. Потом многие из племени стали заказывать «ветту катти» только Деву. Но она больше уже никогда не смогла

сделать таких красивых горшочков и плошек, как те, что стояли на могиле бабушки. Деви рассказывала, что Падикен, который был уже и тогда жрецом, сделал все, чтобы дух бабушки не покинул сразу место погребения. Падикен и выбирал это место. Оно ему привиделось во сне. Место на склоне горы, поросшем высокими деревьями. Падикен первый бросил горсть земли в могилу и защитил этим самым бабушку от злых духов. Хотя Падикен ничего и не понимает в горшках, но, по мнению Деви, он знает много других полезных вещей. Это он, Падикен, разбросал вокруг могилы бабушки колючки, чтобы дух ее не последовал за родственниками.

Теперь у Деви есть две дочери, и она их обучает горшечному мастерству. Как и ее бабушка, Деви любит и умеет учить. Вот так и идет это искусство от бабушки к внучке, от матери к дочери.

За горшок Деви дают обычно два литра риса или приносят что-нибудь нужное в хозяйстве. Иногда местные крестьяне покупают у Деви ее изделия. За маленький горшок — семьдесят пять пайс, за большой — две рупии. Ее горшки ценят очень многие.

— А ты видела когда-нибудь гончарный круг? — спросила я Деви.

— Видела в одной деревне, — махнула она пренебрежительно рукой. — Но разве может сравниться горшок, сделанный на круге, с моим? В моем остается тепло моих рук. И от этого рис, сваренный в таком горшке, будет вкуснее, а молоко, вскипевшее в нем, слаще. А ты говоришь круг. Нет, пусть мужчины им забавляются. А у нас, женщин, работа посерьезнее.

Мы ели рис, сваренный в горшке Деви. И я могу подтвердить, что он был очень вкусным.

Солнце стояло уже низко, когда я стала прощаться с Деви. Она коснулась осторожно тонкой рукой моего плеча и, доверчиво заглянув мне в глаза, сказала:

— Ты приходи опять. Я тебя буду учить. Научишься делать красивые горшки, и все твоё племя будет на них смотреть и радоваться.

— Хорошо, — обещала я. — Если у меня будет время.

Но я знала, что этого времени у меня не будет.

Милях в двух от деревни Падвеличам мы встретили несколько урали. Они несли высокую корзину для зерна. Впереди шел человек,

ее сделавший. Они направлялись к Деви, чтобы выменять корзину на два горшка.

По дороге Падикен долго молчал, а потом неожиданно спросил:

— Ты слышала, что обо мне сказала Деви?

— Она о тебе много говорила, — осторожно ответила я, стараясь понять, куда клонит Падикен.

— Она сказала, что я знаю много полезного.

— Ну конечно, — согласилась я.

Падикен, видимо, все еще переживал свой утренний разговор с женой.

— Так я тебе еще раз докажу, как я много знаю, — не успокаивался почему-то жрец.

— А как докажешь? — заинтересовалась я.

— Я тебе покажу погребения урали и кое-что расскажу. И пусть эта женщина, моя жена, не говорит, что от меня нет пользы.

Я согласилась посмотреть погребения, а Падикен все еще ворчал себе под нос что-то насчет «этой женщины»! В деревню он вернулся совершенно разобиженным на жену, которая успела уже забыть этот оскорбивший Падикена разговор.

...Мы идем по большой горе. Впереди Падикен, а за ним я. На горе ни единого деревца, поэтому она открыта всем ветрам и солнцу. На небе ни облачка, и в его близкой синеве стоит ослепительный раскаленный шар. Раскален шар, раскалено все вокруг. Сквозь горячую красноватую почву горы местами пробивается жесткая иссушенная солнцем трава. Порывы жаркого ветра налетают на гору. На какое-то время затихают, а потом вновь обретают силу. Хочется пить, но на этом безлесном гребне горы не видно ни ручейка, ни родника. Все иссушено безжалостным солнцем. Еле заметная в сухой траве тропинка то поднимается, то спускается. Как качели, вверх — вниз, вверх — вниз. И кажется, что мы качаемся вместе. Впереди, не убывая, тянется красноватый гребень и только время от времени меняет свои неверные, дрожащие в раскаленной мгле очертания.

Где-то внизу маняще зеленеют склоны, но наш путь лежит почему-то здесь. Когда кончится этот гребень, я не знаю и не уверена, знает ли об этом Падикен. Сегодня он необычно молчалив, мне тоже не хочется разговаривать. Так мы идем уже второй час. Впереди Падикен, за ним я. Время от времени Падикен вздыхает, я тоже. Но от этого заповедное

место не становится ближе. Оно где-то там, внизу, за этой горой. А гора все не кончается. Я теряю счет времени, и мне кажется, что я вот так всю жизнь шла через эту раскаленную мглу и буду идти теперь до конца жизни. Но мне уже все безразлично. И от этого безразличия я не замечаю, как тропинка начинает опускаться и, наконец упирается в зеленую стену зарослей.

Я поднимаю голову — и не верю своим глазам. Зеленые деревья, тень, прохлада. Где-то рядом журчит прозрачный ручеек. Падикен в задумчивости стоит перед этой зеленой стеной. В ней нет ни прохода, ни просвета. Сплошное переплетение ветвей, разросшихся кустов и лиан. Падикен берется за свой секач-вакати, и мы начинаем медленно продвигаться сквозь эту колючую, цепляющуюся за нас стену. И только по уклону земли я понимаю, что мы движемся круто вниз. Не видно ни неба, ни солнца. Вокруг только зеленые, призрачные сумерки, земля неожиданно исчезает из-под ног, и я вижу почти отвесный обрыв, упирающийся основанием в небольшую котловину. Цепляясь за кусты, мы скользим по этому обрыву и оказываемся на дне котловины. Деревья здесь растут редко, кустов почти нет. Я снова вижу небо и раскаленное солнце в нем.

— Вот мы и пришли, — говорит Падикен.

Я оглядываюсь вокруг, но ничего особенного не замечаю.

— А где же погребения? — удивленно спрашиваю я.

— Ты же на них стоишь, — смеется Падикен. Я невольно делаю шаг в сторону.

— Вот эти камни и есть погребения, — объясняет Падикен.

Теперь я вижу, что камни, которые я приняла за случайные, лежат в определенном порядке. Три камня в одном месте, три в другом. Под высоким деревом они уложены кругом. Я насчитала десять таких погребений.

— Здесь покоятся наши предки, — сказал Падикен.

— Вы сюда не ходите? — спросила я.

— Обязательно ходим. Здесь мы кормим духов предков.

— И каждый раз так продираетесь?

— Нет, — улыбнулся Падикен. — Вон там, — он показал вниз, — есть обычная тропинка. Мы по ней и ходим.

— А почему же...

Но Падикен опередил меня.

— Ты первый раз в наших краях, вот я и хотел тебе показать окрестный вид. А оттуда, снизу, ничего не видно.

Я в изнеможении опустилась на камни, оберегающие покой предков Падикена. Наверно, я могла бы упрекнуть их в том, что они слишком развили в своем потомке эстетическое чувство, жертвой которого я стала. Но так ничего и не сказала ни Падикену, ни его предкам. Просто не было сил. Падикен, почуяв что-то неладное, вдруг засуетился, обежал несколько раз погребения, потом опустился на корточки и запел, как будто запричитал:

Сыновья и племянники несут того,
Кто был предком пяти родов.
Несут мертвого, несут его в дом вечности.
Погребают его, изгоняют злых духов из могилы.
И пока осквернение десятого дня не кончилось,
Пока не кончилось осквернение
Шестнадцатого дня для них,
Пока дух идет к Великому богу,
Мы ставим дымящийся тодди и холодную араку,
Кладем на восходе кокосовые орехи,
Кладем на восходе бананы.
Мы просим духа помочь нам.
Пусть будет у нас большой урожай,
Пусть земля будет плодородной,
Дай нам, о дух, богатство,
Дай нам воду, убежище и защиту.

Падикен замолчал и стал как-то странно раскачиваться.

— Это что было? — спросила я его.

— Это мое заклинание, которое я пою, когда опускают мертвого в могилу. Только я умею так петь. Больше никто, — сказал гордо Падикен.

Я сидела на погребальных камнях, рядом журчал прохладный ручей, и голос Падикена звучал глухо, как будто издалека.

Когда умирает урали, ему дают монету, завязывая ее в край одежды. Бог смерти Калан встречает дух умершего. На эту встречу собираются духи предков. Они разводят большой костер, а на огонь ставят горшок с кипящим маслом. Калан протягивает ниточку над

костром. И вновь прибывший дух должен идти по этой ниточке. Но перед тем как это сделать, Калан спрашивает его:

— У тебя есть что-нибудь в руке?

И дух протягивает ему монету. Калан остается довольным и разрешает вновь прибывшему не идти по ниточке. У кого нет монеты, тот откупиться не сможет. Тогда Калан велит ему идти по ниточке. И если человек согрешил при жизни (а ведь грешили все), ниточка оборвется и грешник упадет в горшок с кипящим маслом и изжарится. Так что лучше по ниточке не ходить. За монетку Калан разрешает идти в страну мертвых, где правит справедливый и великодушный бог Девалокам. Вот почему каждому умершему урали нужна монетка. А пока дух не дошел до Калана, его надо регулярно кормить кокосами, бананами и рисом и иногда поить аракой.

— Вот как, — заканчивает Падикен.

— А что ты еще знаешь? — спрашиваю я его. — Знаешь, откуда пришли урали?

Падикен задумывается.

— Бабушка говорила мне, что урали в Вайнад пришли из Нилгири, — начинает он. — А в Нилгири мы жили всегда. Вот и все. Больше ничего не знаю.

Я смотрю на камни. Под ними лежат предки Падикена. Далекie и близкие. Далекie предки знали больше Падикена и его соплеменников. Они помнили свои роды и прародительниц. Они помнили свои легенды. Их потомки все это уже забыли. Правда, потомки знают кое-что другое, о чем не имели представления их предки. Потомкам знакомы деньги, авторучки, автобусы, лавочники, чиновники, работа на плантациях...

Охотники на шоссе

Через Вайнад от Султанской батареи к границе Курга идет шоссе. Обычное современное шоссе. По нагретому асфальту катятся грузовики, автобусы, машины. К обочине шоссе подступают кусты, которые постепенно переходят в лесные заросли. Наш «джип» тоже катится по шоссе. Господин Кришнан сидит рядом, молчит и время от времени пристально всматривается в придорожные кусты. А я отдыхаю. Дорога всегда хороша для отдыха. В джунглях приходится работать, а на дороге можно отдохнуть. На ней нет ничего такого, что бы привлекло мое внимание. Я пользуюсь этим и даже чуть подремываю. Дают себя знать беспокойные неудобные ночлеги, ночные племенные церемонии и вставания на рассвете.

— Тс! — вдруг говорит господин Кришнан и делает знак шоферу остановиться.

Я сбрасываю с себя дремоту, но ничего не могу понять. «Джип» стоит на обочине обычного современного шоссе, к которому подходят кусты. А в кустах притаились темнокожие люди с луками, стрелами и копьями. Их обнаженные, повернутые к шоссе спины выражали полное пренебрежение к тому, что происходило на дороге. В этот момент для них не существовали ни грузовики, ни машины, ни автобусы. Эти темнокожие аборигены были заняты своим исконным делом. Они выслеживали дичь. Да, именно так. Это была охотничья засада.

Осторожно раздвигая кусты, я приблизилась к охотникам и присела рядом с кудлатым парнем.

— Ты что выслеживаешь? — шепотом спросила я. Парень был так увлечен, что даже не посмотрел в мою сторону.

— Зайца, — тихо ответил он. — Вон видишь рощу? Он скрылся там, но сейчас оттуда выскочит.

— А что этот заяц... — начала я.

— Тише ты! — шикнул на меня парень. — Отстань, — и искоса глянул на меня.

Но видимо, в мозгу его запечатлелось что-то необычное, и он снова повернул ко мне голову. Неожиданно глаза его округлились, рот раскрылся, и он, забыв о зайце, обалдело уставился на меня.

— Ты откуда? — наконец обрел он дар речи.

— С шоссе, — ответила я.

— А! — понимающе кивнул парень. — Оттуда кто угодно может прийти. Я еще не таких видел.

— А ты кто? — спросила я.

— Муллу-курумба.

Не успела я задать следующий вопрос, как парень резко вскочил и, перепрыгивая через кусты, устремился вперед, туда, где его соплеменники, вытянувшись цепочкой, бежали к роще. Я поняла, что выскочил заяц. Они нырнули в рощу и исчезли, растворившись в ней. Как будто никого и не было. Не было ни копий, ни луков, не было охотничьей засады...

— Видела? — спросил господин Кришнан.

— Угу, — пробормотала я, еще не веря в то, что я видела.

Мы тронулись в путь снова по шоссе, через ясный и тонкий апрель, который стоял над Вайнадом. Навстречу нам вышла еще одна охотничья экспедиция. Копья, грозно уставленные в синее небо, темные руки, сжимающие стрелы, луки чуть ли не в рост человека и... добродушные ушастые дворняги, отчаянно натягивающие веревки. Охотники свободно двигались по шоссе, как будто по охотничьей тропе, не обращая внимания на машины, которые осторожно объезжали их. Они шли — темнокожие, кудрявые, сосредоточенные. Они шли заниматься серьезным мужским делом. Они приблизились к нашему «джипу», окружили его, приветливо закивали и объяснили, что они из деревни Коппала и идут охотиться в джунгли. Дворняги с деловым видом обнюхали колеса «джипа», остались довольны инспекцией и выжидающе посматривали на своих хозяев. Седобородый старейшина сделал знак, и экспедиция снова тронулась в путь.

Апрель — удивительный месяц в Вайнаде. Полевые работы кончились, а новые еще не начались. И поэтому каждое племя делает, что может. Панья, например, развлекают всех своими спектаклями, которые они придумывают сами. Урали-курумба веселятся на свадьбах, а муллу-курумба занимаются охотой. По тропам и дорогам

Вайнада идут их охотничьи экспедиции. Они охотятся на зайцев и лис, на диких кабанов и оленей. Длинными копьями убивают тигров. И всегда их сопровождает свора дворняг, обученных вынюхивать и выгонять дичь.

В Вайнаде охотятся многие племена. Но никто из них не сравнится в этом искусстве с муллу-курумба. Никто не обладает их опытом и мужеством. Никто так метко не стреляет из лука, как они. Почти все церемонии муллу-курумба завершаются охотой. Гремят свадебные барабаны, и охотники уже собираются в лес. Несут умершего к месту погребения, и собаки уже чуют предстоящее развлечение. Идет праздник в честь духов предков и охотники несут добычу из джунглей. Без охоты и без дичи не может состояться ни один праздник. Есть дни удачные для охоты, есть неудачные. В плохие дни лучше не ходить в джунгли. А вот воскресенье, вторник, пятница всегда принесут добычу охотнику. Так считают жрецы. И охотник непоколебимо в это верит. А раз верит, удача сопутствует ему.

Охота — занятие коллективное. И поэтому добыча принадлежит всем. Ее делят между всеми жителями деревни. В число этих жителей включается почитаемый бог или богиня и наиболее уважаемые духи предков. Вождь и жрец получают больше, чем другие, вдова получит меньше. Но это уже не существенно.

В деревню Коппала я попала через два дня после встречи с охотничьей экспедицией. Из банановой рощи вынырнуло около десятка домиков с глинобитными побеленными стенами. У каждого домика был чисто выметенный двор с низкой глиняной оградой. Стены пестрели росписями. Важно вышагивали оранжевые слоны, переплетались зеленые змеи, цвели сказочные красные и синие цветы. И от всего этого Коппала казалась веселой игрушечной деревней, сошедшей с детского рисунка. Я подумала, что люди в такой деревне должны быть особенными: приветливыми, веселыми и сердечными. Иначе бы они не смогли украсить стены своих домов таким удивительными слонами, цветами и змеями. И я не ошиблась. Навстречу мне вышел седобородый человек и, не спрашивая ни о чем, сказал:

— Меня зовут Веллукан. Я жрец и старейшина этой деревни. Входите, будете гостем.

И повел меня к дому, который был больше остальных, массивнее. Красная черепичная крыша прикрывала узкую веранду с деревянными охряными столбиками-колоннами. Над зеленой дверью красовалась медная табличка. Я могла ожидать всего, но только не этого. На табличке было написано: «Мистер Веллукан. Член законодательного собрания штата». Я встречала жрецов и вождей в самых разных качествах: они были погонщиками слонов, плантационными кули, рубщиками леса, батраками на рисовых полях. А вот члена правительства штата Керала я встретила впервые. Веллукан заметил мое удивление и недоумение, рассмеялся и сказал:

— Да, я член правительства. Муллу-курумба избрали меня. У нас ведь есть теперь избирательное право. И я езжу в Тривандрам на большое собрание. Там много важных людей нашего штата, и я тоже теперь важный. Самый важный в нашем племени. Только, — сказал он как-то доверительно, — я не всегда понимаю, что говорят на этом большом собрании. Но все равно я внимательно слушаю.

В это время из банановой рощи вышли охотники с луками и стрелами. Я смотрела на них, смотрела на медную табличку на двери дома жреца и никак не могла все это совместить. Но, придя к выводу, что жизнь — удивительная штука, полная неожиданностей, я успокоилась. Пока мы разговаривали с Веллуканом, у его дома собрались почти все жители деревни. Мужчины, женщины, дети. У многих мужчин была серьга в левом ухе, а волосы стянуты узлом. Вглядываясь в лица людей, я заметила, что они отличаются от тех жителей джунглей, с которыми я была раньше знакома. У некоторых из них австралоидные черты были смягчены. Встречались прямые носы, нетолстые губы, слегка вьющиеся волосы. Я знала, что муллу-курумба — австралоиды. Но откуда такая примесь? В этом мне еще предстояло разобраться.

Деревня Коппала не только охотилась, но и выращивала рис. За банановой рощей, в низине, были разбросаны поля. Они были разные, эти поля. У Веллукана — семь акров, у самого бедного — два акра. Безземельных в деревне пока не было.

Судьбы керальских австралоидных племен складывались по-разному. Одни были целиком превращены в рабов, а потом в плантационных кули, другие частично, третьи в какой-то мере смогли избежать такой судьбы. Муллу-курумба принадлежали к третьим. И

поэтому вы среди них почти не найдете плантационных кули и батраков. Племя не дало себя разрушить и продолжало развиваться по своим законам. Оно сумело сохранить свою сердцевину, превратило подсечное земледелие в постоянное и отстояло часть своих земель.

У мулла-курумба существует четыре рода — кулам. Виллиппа кулам, Кадипа кулам, Вадака кулам и Венгада кулам. Браки внутри кулам запрещены, и закон этот соблюдается строго. Когда-то кулам был матриархальным и вел свое начало от общей прародительницы. Но постепенно он превратился в патриархальный род, где главенствует мужчина. От матриархального прошлого осталось несколько традиций, в том числе традиции считать детей принадлежащими роду матери. Родовой и семейной собственностью распоряжаются мужчины, она переходит от отца к сыну. Такая система в Керале называется «макаттаям». При разводах дети остаются с матерью. Представителей всех четырех родов можно найти в каждой деревне. Муллу-курумба живут в своих разрисованных домах большими объединенными семьями. И главой такой семьи является старший мужчина. В семье Веллукана тридцать человек. И Веллукан — ее правитель. Справляться с такой семьей труднее, чем с племенем. Это даже намного труднее, чем заседать в «большом собрании» правительства в Тривандраме. Таково мнение самого Веллукана.

Муллу-курумба чувствуют себя много устойчивее, чем другие племена. И поэтому считают себя выше урали-курумба и каттунaikенов. Правда, последние не совсем с этим согласны. Но пока обстоятельства складываются в пользу муллу-курумба.

Есть еще одна особенность у племени. О ней мне с гордостью рассказали в Коппале. Оказывается, у муллу-курумба существует кровная связь со светлокожими пришельцами-завоевателями.

Законы касты найяров были строги и беспощадны. И жертвами этой беспощадности нередко оказывались светлокожие с длинными египетскими глазами женщины. За всякие провинности их изгоняли из касты. Мужчины муллу-курумба охотно брали их в жены. Тщеславие и великодушие уживались вместе в этих смелых лесных охотниках. Кровь светлокожих средиземноморок смягчила австралоидные черты муллу-курумба, наделила часть племени типом, который мы можем назвать теперь дравидийским, то есть смешанным. В течение последних сотен лет муллу-курумба и изгнанные найярки повторили в

малом масштабе процесс, который происходил в Южной Индии многие века.

У племени история всегда начинается с мифа. Не будем нарушать этот порядок.

Когда-то очень давно, может быть, тысячу лет назад, а может быть, и больше, сюда, в джунгли Кералы, пожаловал бог Шива. В те времена боги свободно разгуливали среди людей, не страшась быть замученными их поклонением. Боги занимались самыми обычными делами и ходили даже на охоту. Шива отправился на охоту не один. При нем была его любимая жена Парвати и два маленьких темнокожих человека, удивительно похожих на теперешних австралоидов. Они были очень меткими лучниками и, хотя Шива был сам не промах, помогали ему охотиться. Случилось так, что в лесу в это время оказался Арджуна. Он был великим героем, полубогом, чьи подвиги были воспеты в бессмертной «Махабхарате». Здесь, в лесу, он подверг себя ряду аскетических испытаний, за которые он надеялся получить от Шивы чудесный лук. И Арджуна очень старался. Так старался, что, когда появился долгожданный Шива, между богом и героем возник конфликт. Доподлинно известно, что они подрались. Подрались, как обычные люди. Но поскольку один из них был бог, а другой герой, то шума от этой драки было больше, чем от обычной. Однако историки племени муллу-курумба по-разному трактуют причину этой драки. Одни говорят, что Шива-охотник стал громко критиковать Шиву-бога, он просто поносил его нехорошими словами. За что? Сказать теперь трудно. Одно известно — в те далекие времена даже богам было присуще чувство самокритики.

Арджуна, изнурявший себя в ожидании Шивы, услышал эти поношения любимого бога и налетел на того, кто их произносил. В боевом запале Арджуна не понял, что перед ним сам бог. И он начал стрелять в Шиву из лука. Но на то богу и дана жена, чтобы отвести от мужа все напасти. Парвати превращала стрелы в цветы, и они не достигали цели. Арджуна, видя такое, рассердился еще больше и запустил в Шиву луком. Парвати не успела прекратить лук в очередной букет. В результате на лбу Шивы вздулась огромная шишка.

Другие говорят, что ничего подобного не было. Шива предложил Арджуне поохотиться вместе. И тот согласился. Но случилось так, что оба они одновременно увидели дикого кабана и одновременно

выстрелили. И кабан упал мертвый. Вот тут и возник спор: кто убил кабана — Шива или Арджуна. Спор закончился дракой и вышеупомянутой шишкой. Эта шишка привела Шиву в восхищение. В то время боги еще не обижались за шишки. Шива обнял мужественного Арджуну и подарил ему столь желанный лук. А двух маленьких темнокожих охотников оставил в лесу, чтобы было кому охотиться. От них и пошло охотничье племя муллу-курумба. «Муллу» — значит «стрела». С того времени племя стало расти.

В раннее средневековье в состав Южноиндийской империи Паллавов входил сильный союз племен курумба. Курумба были тесно связаны с правящей династией. Но в IX веке могущественные Чола сокрушили силу Паллава и курумба. И поэтому часть племен курумба, в том числе и муллу-курумба, ушли в леса Вайнада. Тогда муллу-курумба называли себя ведувар — «охотничье племя». Здесь, в лесах Вайнада, они основали столицу Бутанади и правили обширными землями. Легенды доносят до нас отголоски войн, которые вели муллу-курумба против феодальных раджей и царьков, претендовавших на их земли. Смелые лесные охотники, они не хотели превращаться в рабов, не хотели отдавать мирно свои земли. Они построили в джунглях четыре крепости и противостояли радже Пальши и радже Коттаяма. Все это уже происходило два-три века тому назад.

Долго раджа Коттаяма не мог покорить муллу-курумба. Он послал своих воинов в джунгли, но меткие лучники племени разбили их. Лучники засели на высоких деревьях и оттуда стреляли по врагу. И враг, неся большие потери, отступил. И тогда на радостях племя пило хмельной пальмовый сок и танцевало. Они так старались, что под утро уснули мертвым сном. Разбитые враги вернулись и вероломно напали на спящее племя. Они многих вырезали, а оставшихся, связав веревками, увели к радже. Перед раджей муллу-курумба признали свое поражение. Раджа повелел им быть его рабами и в знак этого мужчинам приказал носить серьгу в левом ухе.

Но муллу-курумба никогда не были покорными рабами. Когда племя оправилось от несчастья, снова его лучники стали пускать из зарослей стрелы в ненавистных хозяев. И снова то там, то здесь вспыхивали стычки между муллу-курумба и феодалами, а потом и плантаторами. Годы этой борьбы дорого обошлись племени, но воспитали в нем независимость и самостоятельность. И эти качества

определяют положение муллу-курумба среди остальных племен Вайнада.

...Я иду по Коппале, и передо мной вновь проплывают оранжевые слоны, зеленые змеи, сказочные цветы.

— Кто же все это нарисовал? — спрашиваю я Веллукана.

— Наш Венката.

Мы подходим к окраинному домику. У его глиняной изгороди стоит хромой старик. Он улыбаясь смотрит куда-то вдаль. В его глубоко посаженных глазах таится какое-то мечтательное выражение. Старик явно нас не видит и занят своими мыслями.

— Эй, Венката! — окликает его Веллукан. Старик вздрагивает и удивленно смотрит на нас.

— Где ты был? — спрашивает его жрец.

— Там, — старик машет рукой. — В лесу.

— И что ты там делал?

— Смотрел, — смущенно оправдывается Венката.

— Что там смотреть? — возмущается Веллукан. — Я понимаю, если бы охотился, а то смотрел...

Венката молчит, переминаясь с ноги на ногу. Одна нога явно короче другой.

— Это ты разрисовал стены? — прихожу я ему на выручку.

— Я, — смущенно опускает он глаза.

— Это все он, — вмешивается Веллукан. — Только я не знаю, где он видел такие цветы, что нарисованы вот здесь. — И Веллукан стучит согнутым пальцем по стене дома.

— Значит, видел, — говорю я.

Венката бросает на меня благодарный взгляд и сбиваясь, говорит:

— Давай, я тебе нарисую такие же и еще слона, если хочешь.

Я очень хочу, но не знаю, на чем можно это сделать. У меня нет даже подходящего листа бумаги. В записной книжке эти удивительные цветы не изобразишь. Венката разочарованно вздыхает, я тоже. Веллукан тянет меня дальше. И когда я оборачиваюсь, то вижу Венкату, который улыбаясь, опять смотрит куда-то вдаль. Я знаю, что он видит там сказочные цветы, может быть, еще более удивительные, чем те, которые он нарисовал на своем доме.

В чистом двореке на утопанной земле возятся трое малышей. Девочка и два мальчика. Один из них усиленно трет чем-то эту

утоптанную землю. Я подхожу ближе и замечаю в руках малыша деревянную фигурку.

— Это что? — спрашиваю я его.

Малыш молчит и испуганно таращит на меня глаза.

— Дух предка, — спокойно говорит Веллукан и отбирает у малыша фигурку. Фигурка сделана очень выразительно и когда-то, видимо, изображала какую-то прародительницу. Теперь лицо и прочие детали прародительницы стерты и отшлифованы об утоптанную землю дворика.

— Что же он так с духом предка? — спрашиваю я.

— Но это же только изображение, — оправдывается Веллукан. — Такие стоят в наших домах, и дети иногда с ними играют.

— А кто их делает?

— Тоже муллу-курумба.

Здесь, в Коппале, я узнала много интересного о муллу-курумба. Я поняла, что они не только смелые воины и искусные охотники, но и талантливые художники. А последнее качество присуще не каждому племени.

14

Дом, в котором живут предки

Глинистый склон круто обрывается к реке. Вода в реке у берегов мутная, а срединный ее поток чист и прозрачен. За склоном стоит деревня муллу-курумба с длинным и трудным названием Понгиничикалтур. У банановой рощи река делает поворот и уходит куда-то в глубь зарослей. Ни на реке, ни в деревне никого не видно. Стоит тишина, и только журчит вода, перекатываясь с камня на камень. И вдруг из-за банановой рощи раздается какой-то разбойничий посвист. Вслед за посвистом выскакивают женщины и, поднимая фонтаны брызг, несутся по реке. Их юбки подобраны выше колен, что придает им всем лихой вид. Женщины размахивают коническими корзинками, которыми обычно муллу-курумба ловят рыбу.

— Оё! О...ё! — разносится над рекой.

С противоположной стороны реки навстречу бегущим выскакивает еще группа женщин. Все они сходятся на середине реки. Одна из них

поднимает корзину над головой и издает торжествующий вопль. И снова «О...ё! О...ё!» разносится над рекой.

Я знаю, что рыбной ловлей у муллу-курумба занимаются женщины, но такую странную ловлю-охоту я вижу впервые.

— Эй! — кричу я с берега.

Женщины на мгновение застывают, поворачиваются в мою сторону и машут мне руками. Я спускаюсь со склона к реке.

— Что вы там ловите? — спрашиваю я их. Женщины еще возбуждены этой странной охотой и нестройно кричат:

— Душу ловим. Духа ловим.

— Кого? — удивленно переспрашиваю я.

— Душу умершего! — снова кричат они.

Я слышала о разных помещениях этих душ-духов. Я знала о духе, обитавшем в горшке, в камне, в дереве. Но то, что духи живут в реке, для меня было новостью.

Женщины, почувствовав мое замешательство, начинают наперебой объяснять:

— Три дня тому назад умер один парень. Понимаешь? Умер.

И пожилая женщина с молодыми искристыми глазами очень выразительно показывает, что значит умер.

— Поняла? — спрашивает она.

Я утвердительно киваю головой.

— Мы сожгли его в кажагаме. Ну, такое специальное место. Вон на том берегу, — показывает она. — А сегодня третий день, и мы сбросили пепел в реку. Ну как ты думаешь, куда делась душа?

Я недоуменно пожимаю плечами. Женщины вокруг смеются. Смеются насмешливо и ехидно. Видимо, они впервые встречаются с таким невежеством.

— Эх ты! — осуждающе говорит пожилая. — И что это у тебя за племя, если ты не знаешь, куда делась при этом душа?

— Душа будет в воде. Понимаешь? — говорит мне назидательно девушка лет восемнадцати с буйной копной вьющихся волос. — Неужели ты не можешь сообразить? — И снова насмешливый хохот.

— Тише! — говорит пожилая, останавливая хохот властным жестом. — Такого человека надо пожалеть и все объяснить.

Кто-то не удержался и снова хихикнул.

— Слушай, — говорит снова пожилая. — Раз пепел спустили в реку, значит, и душа туда угодила. Она освободилась от всего и попала в воду. Но ты же должна понимать, что вода — неподходящее место для души. Ее нужно оттуда выловить. Вот мы ее и выловили. Эй, Джани! — властно распоряжается пожилая. — Покажи-ка!

Джани, небольшого роста, в мокрой, прилипшей к телу одежде, протягивает мне коническую корзину, в которой бьется и прыгает маленькая серебристая рыбка.

— Видела? — победно спрашивает Джани. — Теперь с душой этого парня все в порядке.

— А почему ты думаешь, что это его душа? — задаю я Джани каверзный, с моей точки зрения, вопрос.

— Ох! — Джани чуть было не уронила корзину. — И чему тебя учили? Слышали? — не удержавшись, обращается она к остальным. — Что ни вопрос, то можно умереть со смеху.

И все начинается снова.

— Тише! — опять вмешивается пожилая. — Раз рыба поймалась сегодня, значит, это и есть его душа. Разве не понятно?

— Понятно, — покорно соглашаюсь я.

— Иэх! — Джани хлопает меня по плечу мокрой ладонью. — А у тебя голова еще соображает.

Таким образом я узнала, что у муллу-курумба в отличие от других племен Вайнада есть кремация. Обычай этот недавний, видимо занесенный извне. Жены-найярки возможно, ответственны за это. Кремируют только молодых, для пожилых и стариков соблюдают древний ритуал погребения. На берегу реки у каждой деревни есть свое место кремации — кажагам. Здесь раскладывается погребальный костер. Мертвого кладут на костер головой к югу. Рядом помещают лук, стрелы и нож-секач. Женщинам оставляют украшения, серьги и рыболовную снасть. Все это пригодится человеку в «ином мире». И конечно каждого снабжают монеткой, которую кладут в рот.

На третий день пепел спускают в реку, и женщины начинают заниматься «веселым» делом — вылавливать душу из реки. Мужчины в это время отбывают на ритуальную охоту: дичью и рыбой кормят духов предков. Если покойника хоронят, то в могилу его также кладут головой к югу. В боковой стене могилы роется специальный карман для умершего. Лицо женщины поворачивают на запад, лицо мужчины

— на восток. Так же как и на погребальный костер, в могилу помещают необходимые человеку вещи. Брат матери сбрасывает в погребение первую горсть земли, напоминая этим, что род матери ответствен за такое важное событие. Погребение отмечают кругом камней.

От погребального костра и от этого круга камней прямая дорога ведет в дом, который стоит на самом почетном месте в деревне и называется «девапора», или дом для духов предков. И конечно, в деревне Понгиничикалтур есть своя «девапора». Это самый красивый дом. На его беленых стенах нарисованы оранжевые слоны, синие лотосы, затейливо переплетаются в орнаменте зеленые листья. Крышу «девапоры» поддерживают деревянные столбики, украшенные резьбой. Нужно очень почитать своих предков, чтобы построить для них такой красивый дом. Дверь дома повернута на север, окон нет. От этого в доме сумрачно, свет проникает только через дверь. У противоположной к двери стены с потолка спускается массивная цепь. На цепи — медная лампа-светильник. Ровно горит желтоватый огонек. Когда масло выгорает, лампу вновь зажигают. И делает это самая старая женщина в деревне. Она хранительница огня, зажженного в честь духов предков. Муллу-курумба считают, что, пока горит этот желтый огонек, духи предков могут быть спокойны. Они получают здесь причитающуюся им долю поклонения, молитв и заклинаний. Они будут здесь напоены и накормлены. А в холодное зимнее время духи могут здесь обогреться около двух очагов, врытых прямо в земляной пол.

«Девапора» предоставляет духу предка возможность активно участвовать в жизни родного ему племени. Старейшины придут сюда решать все важные вопросы. Если решение таковых зайдет в тупик, жрец (он же и вождь) переночует здесь. Ночью духи предков обязательно нашепчут ему правильное решение. Ведь духи предков всегда в курсе всех охотничьих дел деревни. Они знают, кто пошел на охоту. Им принесут хороший кусок дичи. Правда, богу охоты тоже кое-что перепадает — язык, хвост и лапы убитого животного. Но бог охоты вынужден жить лесу, у него нет такого красивого дома. Духов предков всегда осведомляют о начале сева, о сборе урожая, конце рабочего сезона. Ибо праздники подобного рода проводятся здесь, в «девапоре», совместно с духами. Они знают, был ли сегодня рыбный лов удачным

или нет, определяют это по количеству рыбы, которую приносят женщины к «девапоре».

И конечно, духи предков участвуют в веселых танцах под барабан, которые затевают по ночам муллу-курумба когда у них есть для этого повод или настроение. В общем, они участвуют во всем. А уж о рождениях, свадьбах и смертях и говорить не приходится. В этом случае «девапора» превращается в своего рода обязательный загс. Сюда приходят молодожены праздновать свою свадьбу. Более того, они должны провести в «девапоре» свою первую брачную ночь. Умершего приносят тоже к «девапоре». Ему показывают этот красивый дом и просят не забыть сюда дорогу. В назначенные дни для него приготовят здесь еду и разведут огонь. Короче говоря, если и есть кому завидовать в племени муллу-курумба, так это духам их предков. У них всегда есть еда, они ухожены и снабжены необходимой информацией. Ни один из них не может произнести сакраментальную фразу: «Мне давно уже ничего не говорят».

Ну а боги? Они тоже есть. Правда, внимание, которое проявляют к ним муллу-курумба, не столь повседневное. Но богам тоже обижаться не приходится. У каждого из них есть свое священное дерево, своя платформа и свой камень на этой платформе. За деревней Понгиничикалтур среди рисовых полей стоят две такие платформы. Они аккуратно обмазаны глиной.

— Вот эта, — говорит жрец Раман, — Кали, а это — Мариамма.

Кали и Мариамма, несомненно, могущественные богини. Но ими комплект богов муллу-курумба не исчерпывается. Каждый уважающий себя род имеет родовое божество — «девакулам». Кроме них есть верховная богиня Бутади. Правда, ее иногда называют богом Киратаном. Богини Тамбуратти, Малампужа оказывают свое покровительство племени. Но за это покровительство, как и за любое, надо платить. И муллу-курумба исправно это делают. Они приносят к платформам богов и богинь кокосы, бананы, бетель и рис. А Тамбуратти жертвуют кур. Есть у них еще два бога: Кариаппан и Айяппан. В появлении последнего опять повинны жены-найярки. Светлокожие грешные женщины, приведшие с собой своего вооруженного до зубов бога. Темнокожие мужья давным-давно махнули на это рукой. В конце концов, когда так много богов, еще один не помешает и племя не разорит. Пусть живет и работает.

В честь бога или богини устраивается каждый год свой праздник. Поэтому так много праздников в племени муллу-курумба. Каждый месяц гремят барабаны, и славные потомки показывают свое танцевальное искусство духам предков, живущим в доме, расписанном оранжевыми слонами, синими лотосами и веселым зеленым орнаментом.

Потомки ракшаса

Прежде всего, кто такой ракшас? Сразу должна сказать, что личность эта малосимпатичная. С ракшасами в джунглях Индии встретились пришлые арии и назвали их демонами, злыми духами, порождениями тьмы. Известный индийский эпос «Махабхарата» отзывается о ракшасах очень неодобрительно и приписывает им даже людоедство. А что касается другого эпоса — «Рамаяны», то лучшие его части посвящены войне полубога Рамы с ракшасом Раваном, который похитил жену Рамы Ситу и увез ее на далекую Ланку.

По сведениям этих произведений, ракшасы были черны, волосы дыбом стояли на их головах, а вместо зубов торчали клыки. Вот что они собой представляли. И поэтому трудно объяснить, почему светлокожий правитель Вайнада взял и женился на женщине-ракшасе.

От этого светлокожего правителя и женщины-ракшаса пошло целое племя. И называется оно кутта-наикен. Обо всем этом я узнала еще до того, как встретила первого кутта-наикена. Эта встреча в какой-то мере меня настораживала. Что ни говорите, а такое родство. Ни мало ни много — потомки ракшаса. Демона и людоеда. И самое главное, что сами кутта-наикены, как мне удалось выяснить, не отрицают это родство, а наоборот, всячески настаивают на нем. И я приготовилась...

Внизу на склоне стояла деревня. Несколько бамбуковых домиков, обмазанных глиной, были разбросаны на небольшой площадке, врезанной в склон. Мне сказали, что это деревня кутта-наикенов. «Ракшасы так ракшасы, — подумала я. — Надо все равно увидеть».

Неожиданно снизу донесся мелодичный звук. Он был тонок и чист. Кто-то играл на флейте. Мелодия плыла над лесистым склоном, поднималась вверх, туда, к синему безоблачному небу. В ней слышалось журчание ручья, пение птиц и обыкновенная человеческая грусть. Я стала тихо спускаться по тропинке. Мелодия звучала все громче и громче. И наконец я увидела того, кто играл. На пригорке перед деревней сидел старик в красной майке. Ветер слегка шевелил его седые кудри. Более мирную картину трудно было себе представить.

— Эй! — негромко позвала я.

Старик кончил играть, но не обернулся. Он медленно поднялся, поправил майку на высокой худощавой фигуре и только после этого посмотрел в мою сторону.

— Здравствуй, — сказала я, — ты потомок ракшаса?

Старик застенчиво улыбнулся и утвердительно кивнул головой. Потом подумал и ответил:

— Конечно, ракшаса, а то кого же еще? Женщина-ракшас была нашей прародительницей. Мы такие же темные, как и она.

— А в кого вы такие высокие? — спросила я.

— В того светлогожего правителя, — улыбнулся старик. — Но у нас не все высокие, есть и маленькие, как панья или урали-курумба. А меня зовут Кунжен-наикен, — неожиданно закончил старик.

Так тактично он дал мне понять, что я нарушила этикет. Сама не представилась и не поинтересовалась, как его зовут. Мне очень понравилась застенчивая улыбка Кунжена. Я была твердо уверена, что ею наградила его прародительница-ракшаса. Ибо кто же такие ракшасы, как не маленькие лесные австралоиды, которые с луками и копьями отстаивали свою независимость, за что светлогожие пришельцы и распустили о них сомнительные слухи, обвиняя их в людоедстве и прочих злых качествах.

— Что же мы здесь сидим? — спохватился Кунжен. — Идем ко мне в гости.

Кунжен оказался вождем и пророком в своей деревне. Дом Кунжена стоял на глиняной платформе. На веранде дома располагался очаг, выдолбленный в глиняном основании пола. Кунжен сделал приглашающий жест, и мы пошли в дом. Там находилась единственная комната, не более шести квадратных метров. Бамбуковые планки стен были аккуратно подогнаны друг к другу. На одной из стен висели два барабана, лук, под бамбуковую стреху крыши были засунуты стрелы. Рядом с сухой тыквой, заменявшей сосуд для воды, лежал меч. Весь скарб обитателей дома помещался в двух холщовых сумочках, подвешенных к балке крыши. В хижине было сумрачно, свет проникал только через дверной проем.

— Откуда у тебя меч? — спросила я Кунжена.

— Меч перешел ко мне от предков. Ему, наверно, много-много лет. Я помню, он принадлежал еще моему деду. — И он любовно тронул

железное лезвие меча. — Когда я танцую и бог вселяется в меня, я рублю этим мечом.

— Всех? — спросила я холодея.

— Нет, — застенчиво улыбнулся пророк, — только злых духов.

— А-а...

— Вот мани. — Кунжен протянул мне медный колокольчик. — Я звоню в него, когда пророчествую.

Я смотрела на колокольчик и думала, что в Вайнаде слишком много пророков. Каждый третий встречный — пророк. Поистине земля чудес.

— Хочешь посмотреть наших богов? — тронул меня за руку Кунжен.

Мы подошли к краю площадки, и здесь я увидела четыре священных дерева, четыре платформы и четыре камня-бога на этих платформах. На первой из них помещался Гоматесваран из Майсура, затем Бомен, в центре уже знакомая мне Мариамма, рядом с ней Кулиген. Я вспомнила, что индийский этнограф Луиз писал о катту-наикенах: «Они поклоняются деревьям, скалам, горам, змеям и животным и даже утверждают, что произошли от них. Они твердо верят в очаровывание, колдовство, черную магию и заклинания. У них распространено поклонение солнцу, луне и Шиве под именем Байрава».

Платформа богини Мариаммы была самая красивая и тем самым привлекла мое внимание. Я решила ее сфотографировать. Уже навела объектив фотоаппарата на священное дерево, когда Кунжен задал мне странный вопрос:

— Ну как там Мариамма?

— Откуда я знаю, — растерянно ответила я.

— Как откуда? — удивился Кунжен. — У тебя же эта штука с большим глазом, ты должна через нее видеть Мариамму.

Я не хотела дискредитировать «штуку» и дипломатично ответила:

— Мариамма... ничего.

— Как ничего? — возмутился Кунжен. — Ты скажи, как она выглядит.

— Симпатичная, — коротко сказала я.

— Я сам знаю, что она симпатичная, — горячился Кунжен. — Ты мне ее опиши.

«Господи, — подумала я, — что же это такое?»

— Мариамма... — начала я.

— Я сам знаю, что Мариамма, — отрезал Кунжен.

Ситуация становилась конфликтной. А конфликт с Кунженом в мои планы не входил.

— Ладно, — сказала я, смотря в фотоаппарат. — Слушай. Мариамма очень красивая. Черные волосы, черные брови, черные глаза.

— Так-так, — кивал головой успокоившийся Кунжен.

— Слушай дальше, — продолжала я. — На ней очень красивая одежда. Вся шитая золотом, а на запястьях золотые браслеты.

— Все правильно, — одобрительно кивнул Кунжен. — Твоя штука все правильно говорит. А что у нее в руке? — вдруг подозрительно спросил Кунжен.

«Что может быть у нее руке?» — лихорадочно соображала я, понимая, что теперь общими фразами не отделаешься. Здесь нужно точное знание. И если я совру, Кунжен не станет больше со мной говорить. Более того, он ославит меня как обманщицу. И надо же было связаться в такое.

— В руке? — еще раз повторила я, оттягивая время.

И вдруг в моей памяти встала картина: ночной храм в Кальпетте, Мариамма за решеткой алтаря и меч, лежащий у ее ног.

— Меч! — выпалила я, как будто бросаясь в холодную воду. — Меч, такой, как у тебя. — И опустила фотоаппарат.

— Вот это да! — сказал Кунжен и осторожно коснулся фотоаппарата. — Все точно. Значит, Мариамма тебе явилась. Это очень хорошо. Я смогу повести тебя в наш заповедный храм в лесу. Мы туда никого не пускаем. Но Мариамма к тебе благоволит.

Я не ожидала такого вознаграждения за все свои моральные мучения. «Ай да Мариамма! — думала я, шагая за Кунженом. — Ай да молодец!»

Мы пришли в рощу на вершине горы. Здесь стояла удивительная тишина, и только было слышно, как где-то внизу поют птицы. В листьях деревьев шумел свежий ветер и нес откуда-то ароматы невиданных сказочных цветов. И хотя деревья мешали разглядеть окрестность, возникло ощущение, что роща приподнята над долиной, а может быть, над всем миром. Посреди рощи была расчищена

аккуратная площадка, и на ней под священными деревьями возвышались три платформы с богами-камнями.

Катту-наикены сумели выбрать великолепное место для своих богов — Мариаммы, Тамбуратти и Кулигена. На священных камнях лежали солнечные блики, и мне казалось, что камни живые и двигаются. Двигаются бесшумно, враскачку, пересмеиваясь солнечными бликами. Заповедный храм, заповедное место... Здесь лунными ночами кутта-наикены устраивают танцы в честь своих богов. Здесь они им приносят жертвы. И хотя кутта-наикены являются потомками ракшаса, человеческая кровь никогда не оскверняла этого заповедного места. Здесь собираются боги на свои тайные советы. И бог гор Маладева всегда присутствует на этих сборищах. Бог этот велик и могуществен. Но еще более могущественны богини Тамбуратти, Мариамма и Мاستи.

Обо всем этом мне рассказал Кунжен, пророк и тонкий музыкант с застенчивой улыбкой прародительницы-ракшаса.

Кату-наикены — небольшое племя. Сейчас их не более четырех тысяч человек. Их поселки разбросаны на лесных и горных трактах от округа Каликат до округа Каннанор. Катту-наикенов называют еще джен-курумба, ибо они принадлежат к славной и большой группе племен курумба. Тех курумба, которые много веков назад мужественно сражались с правившими в Южной Индии могущественными царями Чола и побежденные вновь ушли в джунгли.

Как и муллу-курумба, катту-наикены не избежали контактов со светлокожими завоевателями и поэтому утратили часть своих австралоидных изначальных черт. Но духи предков отнеслись к этой потере снисходительно. Духов предков беспокоит только нарушение древних законов племени. Но катту-наикены стараются блюсти эти законы. Они регулярно приносят жертвы богам и духам предков, приветствуют каждый день солнце, не женятся внутри рода и аккуратно выполняют погребальный ритуал. Некоторые из них сохранили даже самый древний погребальный обычай. Они не кладут умершего в могилу, а оставляют его на съедение зверям и птицам. Слова «катту-наикен» переводятся как «хозяин леса». И это отвечает действительности. До сих пор катту-наикен уходит каждый день в джунгли, чтобы отыскать там съедобные корни, лекарственные травы, мед. Среди них немало искусных охотников. Поэтому дичь

является существенным дополнением к скудному дневному рациону катту-наикена.

Охотники и собиратели в прошлом, сейчас они постепенно превращаются в плантационных кули. Ибо плантации все больше и больше вытесняют джунгли. И потомкам лесных ракшасов ничего не остается, как добывать свой кусок хлеба на этих плантациях.

Кровь петуха и танец дьявола

Я бежала через рисовое поле и кляла пророка на чем свет стоит. Пот заливал глаза, и я с трудом различала узкую приподнятую тропинку, что проходила по полю. С одной стороны светило безжалостное солнце, а с другой — надвигалась рваная иссиня-черная туча, набухшая дождем. Мне надо было добежать до каменного идола и вернуться обратно до дождя. Я не сомневалась, что дождь будет проливным. И тогда все сорвется.

Виноват был во всей этой истории Велли, пророк адиянов из деревни Аратутара. Все началось вчера лунной ночью, когда Велли решил продать мне духа предка. Да, представьте себе, именно духа предка. Какими соображениями руководствовался Велли, я не знаю, но в середине нашей беседы он предложил мне эту сделку. Дух предка был изображен на маленькой металлической пластинке, и Велли запросил за пластинку три рупии. Я выложила три рупии. Жена Велли, обозвав мужа нехорошим словом, удалилась из хижины. Велли неправильно понял жену и спросил меня, не продешевил ли он.

— Продешевил, — подтвердила я.

Велли заморгал глазами и подозрительно шмыгнул носом.

— А я умею исполнять дьявольские танцы, — неожиданно заявил он.

И я, конечно, сразу попала, предоставив Велли возможность взять реванш.

Я много слышала о дьявольских танцах. О танцах, когда пророк превращается в устрашающего демона-бога. Дьявольские танцы исполняют на Малабаре даже во время индуистских храмовых праздников. Но я никогда не видела этих танцев, хотя и подозревала, что они тесно связаны с обычными танцами пророков. Просто степень артистического мастерства в этих дьявольских танцах была выше, чем в обычных. И конечно, соблазн был велик, я клюнула на удочку Велли.

— Может быть, ты станцуешь? — заискивающе спросила я.

Старческое лицо Велли, похожее на печеное яблоко, расплылось в самодовольной улыбке.

— У меня есть жертвенный нож, — хитро щурясь, сказал Велли. — Но нет на него разрешения, и поэтому я не могу танцевать. — И в притворном горе закрыл глаза.

Я первый раз слышала, что на жертвенный нож нужно разрешение. Но Велли есть Велли, и я не стала спорить. Я только спросила:

— А нож у тебя?

— У меня, — простодушно признался ничего не подозревавший Велли.

— А как же ты его держишь без разрешения? — подставила я подножку Велли.

И Велли опять заморгал глазами.

— Раз ты держишь нож у себя, значит, можешь с ним и танцевать, — неопровержимо аргументировала я.

Велли сказал, что согласен со мной.

Но самый главный козырь Велли был впереди. Пророк горестно вздохнул и сказал, что во время танца в него обязательно вселится бог гор Малакари. А Малакари очень любит петухов, жертвенных петухов.

— У меня нет петуха, — притворно вздохнул Велли и опустил свои простодушные хитроватые глазки.

Я поняла, к чему клонил Велли. Мне пришлось купить петуха и переплатить Велли одну рупию. Но я не сдавалась.

— Раз петух мой, — сказала я, — то и жертва Малакари будет от меня.

Велли растерянно заморгал. Он не ожидал такого оборота дела.

— Как твоя? — еще не понимая, спросил он.

— Очень просто, — торжествуя сказала я. — Петух мой — жертва моя.

— Нет, моя! — выпалил Велли и капризно поджал старческие губы.

— Нет, моя, — твердо возразила я.

— Я сказал — моя.

— А я сказала — моя.

В это время в хижину вошла жена Велли и с ходу обозвала его словом, которое можно было перевести «старый охальник».

Велли обиженно замолчал. Жена осуждающе покачала головой и вновь удалилась. Велли зашмыгал носом и забормотал что-то насчет женщин, которые всегда не во время входят в хижину.

— Ну, ладно, — сказал он, — половина петуха от меня половина от тебя.

Я дала себя уговорить. Все-таки половина петуха была моя.

Что же я приобрела за сегодняшний день? Духа предка, половину жертвенного петуха для бога Малакари и завтрашний дьявольский танец пророка Велли. В конечном счете, кажется, выиграла я.

У Велли был свой подсчет. И, судя по его хорошему настроению, он тоже считал себя в выигрыше. Все сложилось великолепно. Велли обещал танцевать в полдень, когда солнце будет в середине неба. И я поверила ему.

Утро следующего дня выдалось на редкость удачное. На небе ни облачка. Я встала пораньше, чтобы добраться до Аратутары вовремя. Но в Аратутаре Велли не оказалось. Правда, в деревне уже все знали, что Велли будет танцевать, и по сей причине окрестные рисовые поля пустовали. Все приготовились смотреть на дьявольские танцы. Жена пророка по-прежнему была настроена воинственно.

— Где же ему быть, старому охальнику? — сказала она. — Болтается где-нибудь. Теперь иди ищи его.

Пророк действительно болтался. Болтался на проселочной дороге. Там, где стояла маленькая лавчонка-харчевня.

— Велли, — сказала я, — совесть у тебя есть? Посмотри, где стоит солнце.

— Причем тут солнце? — наивно удивился Велли.

— Где середина неба? — спросила я.

— Не знаю, — ухмыльнулся Велли.

— Не знаешь? Тогда весь петух мой.

Велли вдруг засуетился, заохал и засеменил к деревне. В это время я и заметила тучу, выползшую из-за соседней горы.

В хижине Велли стал разыскивать горшочки с краской — желтой, красной и черной. Потом уселся на циновку и, ворча себе что-то под нос, стал гримироваться.

— Ты не знаешь, как все это трудно, — жаловался он. — А ты видела наш храм? Там у нас стоит бог.

— Камень? — спросила я равнодушно.

— Нет, что ты! Настоящий бог с головой и ушами. Сделан из камня. Храм вон за тем рисовым полем.

Изображение, высеченное из камня, — большая редкость в местных австралоидных племенах. И я не могла пропустить возможность посмотреть на него. Вот тогда-то я и побежала через рисовое поле. Побежала, потому что туча приближалась к деревне, дьявольский танец оказывался под угрозой, и мне надо было спешить.

И конечно, Велли провел меня еще раз. На платформе за рисовым полем стоял, лукаво улыбаясь, индусский бог Ганеша. Обычный Ганеша с головой слона, никакого отношения к адиянам не имевший. И тогда я помянула Велли нехорошим словом.

Я успела добежать до деревни, хотя туча уже наполовину накрыла ее. Там, посреди площади, на виду многочисленной публики стояло нечто зловещее. И это нечто называлось Велли. Физиономия пророка была покрыта красной краской, и только вокруг глаз темнели черные круги. Обнаженный торс был украшен сложным желтым орнаментом. На Велли красовалось белое дхоти, перехваченное красным кушаком. На голове гордо сидела шляпа из рисовой соломы с широкими полями. На плечах топорщился плащ из павлиньих перьев. Вид у Велли был вполне демонический.

Когда я подошла к пророку, на его шляпу упали первые тяжелые капли дождя. Велли подставил руку под эти капли, и его губы безмолвно зашевелились. Глаза, обведенные черными зловещими кругами, виновато уставились на меня. Мне почему-то стало жалко Велли, себя и неудавшийся дьявольский танец.

— Иди в хижину, артист, — сказала я. — Дождь всю краску смое.

— Кто? — не понял Велли. Но покорно поплелся в хижину.

К счастью, тропические ливни коротки. Через час выглянуло жаркое солнце, небо расчистилось, и Велли важно вышел на площадь, требуя к себе внимания. Представление началось.

Среди красных цветов, бананов и кокосовых орехов, сложенных прямо на земле, горели ароматные палочки. Пророк, ступая на негнущихся ногах, медленно двигался среди этих подношений, держа в левой руке ритуальный нож. Лезвие ножа было волнистое и напоминало малайский крис. Забили барабаны, и кудрявый, тонкий в талии юноша запел мелодичным чистым голосом:

О великое мастерство,
О великое небо,
О великая земля,
О великое солнце,
О великая луна,
О великие звезды,
О великая радуга,
О все люди.
Солнце восходит на небе,
Трава растет из земли,
Сотни живут в наших родах.
Мы строим место для нашего бога,
Мы делаем для него тюрбан,
Мы наносим татуировку на его лицо.
Там, где живет Великий бог,
Есть храм для семи деревень.
Есть малый храм для бога Кутичатана,
Есть большой храм для бога Кулигена.
В северном углу храма
Был рожден Великий бог,
И там он вырос.
И там захотел жениться.
Для свадьбы Великого бога
Принесли тысячи мер риса,
Принесли овощи,
Принесли тысячи мер молока,
Приготовили тысячи фейерверков.
На свадьбу пришли музыканты.
Они принесли раковины, барабаны, трубы.
Тысячи флагов вывесили.
Одиннадцать ночей и одиннадцать дней
Веселились на свадьбе.
Каждый получил по горсти риса,
И каждый бросил эту горсть
На Великого бога.

Песня набирала темп, громче звучали барабаны, и Велли превратился из сварливого старика в бога-демона. Он размахивал

ножом, его широко расставленные ноги отбивали такт. Мускулы лица ожили, придав этому раскрашенному лицу странно-угрожающее выражение. Звенели медные колокольчики ножных браслетов. Собравшиеся затаили дыхание и широко раскрытыми верящими глазами смотрели на этот танец бога-демона. А в моей памяти возникли подмости сцены, горящий светильник на ней, раскрашенные лица-маски и широко расставленные ноги легкодвигающихся актеров. Возник знаменитый керальский танец катакхали. Утонченный танец городских сцен и залов индуистских храмов. И наверное, те горожане, которые любят свою своеобразную грацию катакхали, не подозревают, что он вышел из джунглей и гор Кералы. Не подозревают о том, что дьявольские примитивные танцы пророков темнокожих племен дали первоначальную жизнь этой утонченности и бесконечной оригинальности катакхали.

А демон-бог набирал силу. Он стучал пятками по земле. Он сотрясал эту землю, он сотрясал горы и небо. Каждый жест его таил в себе невиданную силу. И гром барабанов утверждал эту силу. Теперь эта сила требовала крови, чтобы насытить бога-демона, Великого бога великих гор. Жертвенный петух оказался в руках пророка. Тот продолжал танцевать, зажав петушиные ноги в темном кулаке. Гремели барабаны, кричал, предчувствуя конец, петух, плясал пророк, сверкал в лучах заходящего солнца нож с волнистым лезвием. В какое-то мгновение пророк отпустил петуха. Его подхватили и понесли на закланье. Вплетаясь в ритм барабанов, зазвучал мягко голос:

Все мы идем на охоту.
На охоте добудем мясо.
Мясо для свадьбы Великого бога.
Мы идем с луками,
Мы идем со стрелами,
Мы идем в джунгли.
Мы убиваем дикого кабана,
Мы убиваем кроликов,
Мы убиваем диких кур.
Мы делим мясо среди всех.
Кто хочет мяса, берет правой рукой.
Кто не хочет мяса, берет левой рукой.
Берет левой рукой
И бросает за спину.

Раздался предсмертный вопль петуха, и я почувствовала себя... убийцей.

Пророк расколол кокосовый орех, и тот разлетелся на две равные части. В толпе послышался одобрителный гул. Малакари принял жертву. Откуда-то вновь напoлзла темная туча, и в ней вспыхнули синие молнии. Эта туча с молниями теперь казалась своеобразным фоном, удачной сценической декорацией для всего, что происходило.

Богу-демону Велли поднесли горшок с кровью петуха. И он стал жадно пить эту кровь. И передо мной, как будто во сне, поплыли на фоне молний и грозовой тучи зловещие черные круги, в которых притаились безумные глаза и окровавленный рот бога-демона. Рот открывался и что-то выкрикивал, но до меня не доходил смысл слов.

Неожиданно пелена безумия спала с этих глаз, и они как хмельные, усталились куда-то, как будто что-то увидели... Это видение, казалось, отняло последние силы у пророка. Он зашатался, но его подхватили с двух сторон и бережно усадили на циновку. Он раскачивался, что-то мычал, размазывая петушиную кровь по лицу. Потом пришел в себя, поднялся и усталым старческим шагом направился в свою хижину. Через некоторое время он снова появился, но уже без краски, шляпы и плаща. По деревне шел маленький старичок с капризно поджатыми губами. Теперь он ничем не отличался от остальных. И эти остальные уже не обращали на него внимания.

«Мы принесли вам еще одного...»

На рассвете в Аратутаре странно и тревожно забили барабаны. Ритм был какой-то прерывающийся, как будто барабаны рыдали. Я сразу поняла, что в деревне происходит что-то необычное. Ни Велли, ни его жены в хижине не было. А барабаны все гремели. Я вышла из хижины.

Над ближним лесом стояла кровавая полоска зари. По деревне бесшумно метались люди, похожие на тени. В предрассветном сумраке с трудом угадывались черты их лиц. Тени-люди исчезли так же внезапно, как и появились. Неожиданно в этом предрассветном сумраке возникла вереница женщин. Белые одежды, распущенные полосы. Они показались мне русалками, вынырнувшими из тумана, который напознал с рисовых полей. Они были такими же бесплотными и расплывчатыми, как этот туман. «Русалки» проплыли мимо меня, почти не касаясь ногами земли. Первая из них вскинула темные тонкие руки к кровавой полоске зари и горестно заголосила. Другие как эхо отозвались громким плачем. Этот плач взлетел к предрассветному небу, и казалось, полоса зари отозвалась на него золотыми сполохами приближающегося солнца.

Вереница женщин распалась, взметнулись их распущенные волосы. В это время брызнули солнечные лучи, и женщины, согнувшись, стали мести этими распущенными волосами деревенскую площадь, на которой вчера танцевал Велли. Откровенно говоря, я растерялась. Если надо подмести площадь, то для этого есть веники.

Рыдающие звуки барабанов неслись над всей округой. Женщины громко плакали, и пыль площади летела из-под их волос. Рядом возник Велли и, капризно поджав губы, стал задумчиво смотреть на обезумевших женщин.

— Велли, — спросила я, — какое безысходное горе постигло сегодня на рассвете Аратутару?

— Никакое, — спокойно ответил Велли.

— А это что? — показала я на женщин.

— А! — махнул рукой Велли. — Они всегда так.

— Ты не юли, — рассердилась я. — Как это, «всегда так»?

— Очень просто, — виновато заморгал глазами Велли. — Сегодня — день годовой поминальной. Они плачут по Чатану и разметают зерна падди, из которых я им выложил на площади человечка. Человечек как будто Чатан, — пояснил Велли.

Теперь все стало на свои места.

...Чатан умер год назад в такой же ясный апрельский день. Дух его расстался с телом, к всеобщему огорчению деревни. Чатан был веселым человеком и лучше всех умел стучать на барабане. Отчего он умер, никто не знал. Даже Велли, жрец и вождь, ничего не мог сказать. Эту весть принес брат Чатана Дачан, и Велли от удивления только развел руками. Еще вчера Чатан полночи бил в барабан под который они танцевали. А вот сегодня... Хоронить Чатана собрались все тридцать три рода адиянов. Ведь Чатана знали все как лучшего барабанщика в племени. Тело Чатана натерли маслом. Покрыли белым дхоти а поверх него — красным дхоти. Бамбуковые носилки изготовили мужчины Аратутары. Чатана на носилки посадили, а не положили. Посадили как важного человека. Носилки подняли на плечи, и тут загремели барабаны. Они гремели всю дорогу до места погребения. Гремели на все джунгли, возвещая всем о горе адиянов.

Велли шел впереди всех. Потому что Велли был ответствен за судьбу духа Чатана. А это ответственность и немалая. В лесу на пригорке для тела Чатана вырыли продолговатую яму, а в стене ямы сделали для Чатана специальное помещение. Каждого адияна кладут туда головой на юг. Велли вышел к яме и надтреснутым старческим голосом запел:

О Великий бог,
О предки наших матерей,
О предки наших отцов,
О духи всех умерших!
Мы принесли вам еще одного.
Возьмите его себе.
Заботьтесь о нем и не ссорьтесь.
Примите его в свою семью.
Мы уходим, мы уходим,
Оставляем его вам.

Так пел Велли. Все стояли вокруг и слушали. Даже женщины перестали плакать. Потому что Велли пел для Великого бога. А им на этот раз был бог мертвых Чедулаперуман. Это к нему обращался Велли, это его он просил позаботиться о Чатане. Велли вложил в рот Чатану монету. Ведь Чедулаперуман будет заботиться о Чатане всего одну неделю. А потом выпустит его скитаться. И скитания эти продлятся год. Человеку нужно иметь монетку, чтобы напиться хоть чаю в придорожной харчевне. Велли знал по себе, как хочется чаю, когда увидишь придорожную харчевню. Чатана закопали, а сверху положили камни. Камень на голову, камень на ноги, камень на живот. Если Чатан и вздумает выскочить, камни не дадут ему это сделать. Вот для чего эти камни.

На седьмой день бог мертвых Чедулаперуман отпустил дух Чатана. Он отпустил его в полдень. Так «сообщил» бог жрецу Велли, а Велли сказал об этом в деревне. И в Аратутаре устроили по этому поводу церемонию. Все очень старались. Приготовили рис с шафраном, уложили на листья кувы рассыпчатые вареные коренья. Лучшую часть приготовленных блюд отнесли на могилу Чатана. Пусть подкрепитесь перед годовым скитанием. Сытому духу, как известно, дурные мысли не лезут в голову.

Но церемония седьмого дня не спасала жену Чатана от приставаний духа. Жене надо было спастись самой. И в течение года она делала то, что делают обычно адияны, когда им грозит приставание духа. Жена Чатана не мылась, не умывалась, не причесывалась, не стирала одежду и не меняла ее. Говорят, когда однажды дух Чатана сунулся в свою хижину, то обнаружил там вместо любимой жены грязное всклокоченное существо. От существа исходил такой дух, что Чатан чихнул и в отвращении закрыл глаза. С такой грязной женщиной ему не хотелось иметь дела. И действительно, больше дух Чатана не появлялся в деревне. Где он скитался и что делал — этого не знал даже Велли.

А через год наступил тот предрассветный час, когда женщины Аратутары превратили свои волосы в веники. Чисто выметя столь оригинальным способом деревенскую площадь, они перестали плакать и причитать и занялись приготовлением пищи, которой надо было сегодня накормить дух Чатана. Дух был накормлен на славу и в этот же день сытый и довольный — так считали женщины — удалился в

Каратанаду — Черную страну, где нет солнца, но где обитают все духи умерших и, конечно же, духи предков. Каратанаду находится где-то внизу, поэтому солнце туда не заглядывает. Но не спешите с выводами. Каратанаду, оказывается, не такая простая страна. Там, утверждают адияны, есть помещики — поканы. Они нанимают духов умерших на работу и даже платят им аванс при этом найме. Поэтому духи адиянов продолжают там так же трудиться на полях помещиков, как это делают живые адияны. И видимо, этому труду нет конца...

В этом мире, где есть солнце, но нет земли, помещики дали племени свое название — адияны, что значит «рабы». Сами адияны называют себя по-другому — раула. Значения этого слова они не помнят. Теперь все зовут их адияны. Рабы в прошлом, они сейчас превращены в батраков и плантационных кули. У некоторых из них, и у Велли в частности, есть маленькие клочки рисовых полей. Но ни эти рисовые поля, ни поденная зарплата кули не обеспечивают адияна достаточным количеством еды и одежды. Поэтому адияны, как и их далекие предки, уходят охотиться в джунгли. А их женщины копают в лесу съедобные корни.

Свою историю адияны помнят плохо. Старики толкуют что-то об арийце-брамине, который оказался наряду с женщиной-раула ответственным за появление адиянов. Но перед тем как брамин занялся этим полезным делом его за какие-то провинности исключили из собственной касты. Ну что же, возможно, было и так. И средиземноморцы и арийцы, живя бок о бок с лесными австралоидами в течение многих веков, могли с ними смешиваться.

Но есть у племени и другие сведения. Сведения о тех отдаленных временах, когда земля адиянов еще не знала браминов. Велли об этом поет так:

Сначала было небо,
Сначала была земля.
Потом на небе высыпали звезды.
А после звезд появилась Тондаркотэ.
Тондаркотэ — большая гора.
На горе этой родился,
На горе этой жил
Великий бог гор Малакари.
И однажды он спустился с горы.
Он на тигре спустился с горы.
Его руки сжимали стрелы,
Его руки сжимали лук.
Он спустился с горы
И пошел в лес.
И увидел там племя раула
И стал Великим богом племени.
Богом, который заботится о раула,
Богом, который спасает от болезней.

Поселки адиянов... Бамбуковые хижины, крыши, крытые рисовой соломой. Они гнездятся среди гор и лесов вокруг городка Маннантоди, что в тридцати милях от Султанской батареи.

Я уезжала из Аратутары на «джипе», который достал господин Кришнан. Луна ярко освещала проселочную дорогу, бегущую под колесами машины. На обочине дороги в призрачном лунном свете застыли священные деревья, каменные платформы. И казалось, что камни-боги, принимая странные очертания человеческих фигур, поворачивают свои темные древние лица к нам.

Племя, потерявшее свое время

— Вжих, вжих... Вжих, вжих — раздается на всю опушку леса странный пилящий звук. Временами в этот звук вплетается другой. Натруженный гул грузовика, ползущего в гору. Грузовики вывозят из джунглей ценную тиковую древесину по грунтовой дороге, которая вьется вниз по лесистому склону.

— Вжих, вжих — снова раздается пилящий звук. И словно вторя этому звуку, гудит внизу ползущий грузовик. Первый звук принадлежит прошлому. Очень далекому прошлому. Он возник, может быть, тысячи лет назад. Гул грузовика, несомненно, принадлежит сегодняшнему дню. И в том, что оба этих звука встретились во времени и пространстве, повинны аранаданы. Маленькие темнокожие и кудрявые аранаданы — древнее кочевое племя лесных собирателей.

Пространство для одной трети этого племени ограничено сорока квадратными метрами чужой земли. То, что это чужая земля, аранаданы не подозревали. Их вождь Кондан очень удивился, когда ему об этом сказали. Он никак не мог взять в толк, что земля может принадлежать кому-то одному. Кондану дали недельный срок разобраться в этом непостижимом для него социально-экономическом вопросе. И пока Кондан думает и удивляется, на этих сорока метрах еще стоят три хижины-шалаша, сделанные из бамбуковых жердей и покрытые широкими листьями, одно хлебное дерево, один камень в честь богини — покровительницы Бхагавати и четыре могилы, в которых за пять лет пребывания аранаданов на этом символическом пространстве нашли свое успокоение старые и немощные соплеменники. Вот и все. Здесь поместился весь древний мир аранаданов. И звук «вжих, вжих» — один из важнейших элементов этого особого мира племени. Ибо такой звук издает срезанный сухой бамбуковый ствол, когда в специально сделанную в нем прорезь вставляют бамбуковую планку и начинают пилить. И пилят до тех пор, пока на сухие листья под стволом не посыпятся дымящиеся опилки. Опилки подожгут листья, и вспыхнет долгожданный огонь. Этот огонь

будет яростно поглощать сухие ветви племенного костра, будет плясать и гудеть. Почти так же, как гудят грузовики на нижней дороге.

— Вжих, вжих...

Это под хлебным деревом трудится Колен.

— Колен! А Колен! — зовет вождь. — Скоро ты?

— Подождешь! — отвечает Колен. Он не любит, когда его беспокоят при столь важном занятии.

Вождя аранаданы называют мупан. Мупан — маленький сухой старик с седыми кудрями и детски простодушными глазами. У мупана есть жена — мупати, которая твердо уверена, что ей сто лет. Разубедить ее в этом еще никому не удалось. Мупан подходит ко мне, оставив в покое Колена.

— Амма, а амма, — говорит он. — Объясни мне, что значит чужая земля. Откуда взялись люди, которые сказали, что земля их? Ведь земля ничья? Правда? — И мупан заглядывает мне в глаза, как будто от моего согласия или несогласия что-то зависит. — Мы бродили по джунглям, вышли на опушку, а на опушке уже чужая земля. Как это могло случиться? — удивляется мупан

— Видишь ли, Кондан, — осторожно начинаю я, — пока вы бродили по джунглям, в мире многое изменилось.

— Что же такое изменилось? — неверяще смеется Кондан. — Земля — та же, — мупан захватывает в горсть красноватую глинистую землю и пропускает ее сквозь пальцы. — Джунгли — те же, — он обводит вокруг сухой морщинистой ладонью. — Солнце — то же, небо — то же. Ты говоришь что-то не то.

— Люди, Кондан, изменились. Люди, понимаешь?

— Как это изменились? — Все еще не понимает вождь аранаданов. — Смотри, мы все те же. Та же одежда, те же хижины, те же боги. И каждый день, как и наши предки, мы уходим в джунгли добывать себе пищу.

— Да, вы не изменились, — говорю я. — В этом-то и беда. Изменились те, внизу! — показываю я на дорогу, откуда доносится гул грузовиков.

— А в чем же они изменились? — интересуется мупан.

— О Кондан! Это же целая история. История многих веков. Разве обо всем этом можно рассказать?

— Неужели так много веков прошло? — снова удивляется Кондан. — И что такое век?

— Вот твоя мупати прожила век. Так она утверждает. Сто лет.

Мупан с сомнением качает головой.

— Ладно, — говорит он. — Но объясни мне все-таки, что такое чужая земля.

Я начинаю объяснять. И испытываю те же затруднения, которые встретились бы на пути лектора, командированного в каменный век для чтения лекций по политэкономии. Но ни с одним лектором такого не случится. А со мной случилось. Мупан слушает меня, прикрыв глаза и раскачиваясь. Так слушают непонятные заклинания жрецов.

— Все, — замолкаю я на полуслове.

— Хорошо, — говорит вождь. — Ты объяснила хорошо. Но я ничего не понял. Теперь ты скажи... — и взгляд мупана останавливается на чем-то за моей спиной.

Я оборачиваюсь и вижу молодого парня в короткой набедренной повязке. Его маленькие, глубоко посаженные глазки смотрят на мупана неприязненно, и мне кажется, что в них таится ненависть.

Парень властно поставил ногу на поваленное дерево, на котором мы сидели.

— Так, — сказал парень и тряхнул возмущенно буйной шевелюрой, отчего кудри упали ему на лоб и скрыли глаза. Парень нетерпеливо отбросил волосы.

— Так, — снова сказал он.

Кондан с неожиданной прытью вскочил с бревна и тонким срывающимся голосом закричал:

— Ты опять здесь шляешься? Чего тебе надо?!

— Амма, — парень повернулся ко мне, не обращая внимания на Кондана. — Ты думаешь, наш вождь Кондан? Кондан самозванец. Мой отец был мупапом. Теперь я мупан, а не он. Ты со мной должна говорить, а не с ним.

— Не слушай его! — снова закричал Кондан. — Я самый старший в племени. Я вождь.

Не знаю, чем бы кончилась эта стычка между двумя претендентами на престол в племени аранаданов, если бы не появление мупати. В одной набедренной повязке с высохшими обвисшими грудями и всклокоченными седыми прядями она представляла собой

впечатляющее зрелище. В тот момент я поняла, что значит настоящий ракшас. Твердо ступая на жилистых ногах, она подошла к парню и уперлась согнутыми ладонями в бока.

— Веллан, — сказала она, нет, зловеще прошипела. — Уходи отсюда. Не мутит мою душу и не трогай моего мупана. Не то будет худо.

Парень неожиданно покорно опустил голову и стал пятиться спиной к ближней роще на опушке джунглей. И только в последний момент он поднял голову и полоснул ненавистью старого вождя. Потом повернулся, не оглядываясь, побежал к лесу и исчез в его зарослях.

Так второй раз я увидела мупати в действии, первый раз было вот что. Я добралась до Ниламбура, небольшого городка, а вернее, большого села, затерянного в джунглях. Мне сказали, что аранаданы живут в его окрестностях. Вернее, кочуют с места на место. Ниламбур оказался пыльным и неуютным местом. На его единственной площади стоял приземистый и запущенный «рест-хаус», иначе говоря, гостиница для официальных лиц. Вот в этой гостинице я и нашла Намбиара, высокого сутулого человека с усталыми добрыми глазами и лихими пушистыми усами. Намбиар был другом господина Кришнана и согласился быть моим проводником к аранаданам. Правда, Намбиар очень приблизительно представлял место жительства этого племени. В самом же Ниламбуре об аранаданах вообще не слышали. Нам ничего не оставалось, как обшарить лесные тракты в радиусе десяти миль от Ниламбура. В те дни начались ранние дожди, и мы шлепали по размытым тропинкам и грязным проселочным дорогам, пересекали вброд вздувшиеся речки и поднимались на горы, стараясь высмотреть дымок скрытого в зарослях жилья. К концу второго дня в дождливый вечер мы оказались на проселочной дороге у маленькой закопченной харчевни. Хозяин принес нам два стакана горячего чая, и мы, промокшие и продрогшие, стали обжигаясь его пить. Намбиар был задумчив, в его глазах светилась глубокая меланхолия.

— Послушайте, — сказал он, — а может быть, аранаданов нет и вовсе? Может быть, они все уже умерли много веков назад?

Я поперхнулась горячим чаем и ничего не ответила. В это время на темной дороге раздались голоса. Я поставила недопитый чай и вышла из харчевни. В свете тусклого керосинового фонаря, висевшего под

крышей харчевни, я различила две фигуры. Очень странные фигуры, совсем не похожие на окрестных жителей-крестьян. Это были два маленьких сухоньких старика. Он и она. Оба седоволосые, оба только в набедренных повязках. На плече каждого была палка с подвешенным к ней узелком. Старушка энергично жестикулировала и за что-то отчитывала старика. Тот стоял перед ней, понуро опустив голову.

«Да это же типичные австралоиды», — подумала я.

Я подошла к старикам. Старушка в запале не обратила на меня внимания, а у старика от изумления по-детски округлились глаза. Как будто он неожиданно увидел дух предка.

— Вы кто? — спросила я.

Старушка резко обернулась на звук моего голоса, да так и застыла с раскрытым ртом. Потом, видимо решив, что ничего особенного не случилось, сказала:

— Аранаданы.

Старик в это время боязливо спрятался за спину старушки.

— Где же вы пропадали? — неожиданно для себя задала я дурацкий вопрос.

— Пропадали мы из-за него, — снова энергично зажестикулировала старушка. — Мупан называется, а ума никакого. Бесстыдник!

— Эй, Намбиар! — крикнула я. — Аранаданы нашлись, и живые!

Намбиар выскочил из харчевни, и меланхолия в его глазах исчезла.

Так я первый раз увидела мупана аранаданов и его верную подругу мупати.

Потом мы сказали им, что нам надо. Объяснение дороги затруднений у стариков не вызвало. Затруднение возникло по другому вопросу. Я попросила мупана предупредить аранаданов о нашем завтрашнем приходе.

— Мне нужно с ними поговорить. Пусть не расходятся с утра, — сказала я.

— Хорошо, — согласился Кондан. — Я скажу им.

— Ишь ты, чего захотела! — подскочила ко мне мупати. — А есть что мы будем? Нам с утра надо в джунгли. Мупан у меня лентяй. Как все мужчины. Ничего сегодня не добыл.

Дело принимало серьезный оборот.

— Сколько вам надо риса на день, чтобы вы не остались голодными? — пришел на выручку Намбиар.

Мупати пошевелила губами, прикинула что-то на пальцах и выставила вперед две темные ладони.

— Десять литров? — догадалась я.

Мупати закивала седой кудлатой головой.

— На все племя?

— На все, — подтвердила мупати.

Я никогда не подозревала, что я смогу накормить целое племя. А вот с аранаданами мне это удалось. Ибо их осталось всего восемьдесят человек, расселенных в трех деревнях. Намбиар был уж не так не прав, когда считал, что аранаданы все умерли. Почти все, могла сказать я.

И вот теперь второй раз я видела, как мупати решала дела всего племени. Решала твердо и бескомпромиссно. Было ясно, что племенем правит она, предоставив мужчинам бороться за символическое звание мупана. Как говорится, каждому свое.

— Вот ты говоришь: история — это когда много веков проходит, — сказал мне Кондан на следующий день после стычки за престол. — У аранаданов тоже много веков прошло. Значит, у нас тоже есть история.

— История есть у всех, — заметила я. — Но только не все ее помнят. Вот ты помнишь?

Кондан впал в глубокую задумчивость.

— Первым в племени был Колен, — через несколько минут раздумий начал он и снова замолчал. — Лучше я тебе про Колена спою песню, — неожиданно предложил мупан.

— Пой, — согласилась я.

Кондан вздохнул, набрал в легкие воздуха и надтреснутым, старческим голосом запел:

Мать, отец, Валяя,
Колен, Комен, Чатен.

Я приготовилась слушать, что будет дальше. Но Кондан почему-то приостановил пение и закричал:

— Нили, а Нили!

Из крайней хижины вышла девочка лет двенадцати с большими лукавыми глазами.

— Нили, — сказал ей Кондан, — принеси мои вещи.

Нили исчезла и через несколько минут появилась с небольшой корзинкой и медным колокольчиком. Кондан положил рядом с собой корзинку, назначения которой я сразу не поняла, и взял в руку колокольчик.

Мать, отец, Валя,
Колен, Комен, Чатен.

Снова запел вождь. Я опять приготовилась слушать. Но Кондан вдруг схватил корзинку и сунул туда свою многотупную голову. Он тряс корзинку, звенел колокольчиком и пел низким голосом какие-то слова прямо в корзинку. Неожиданно Кондан закричал, как будто у него заболел живот. Потом хрюкнул раза три, как дикий кабан, и закатился каким-то дьявольским смехом. Мне стало не по себе.

— Кондан! — осторожно позвала я его.

Но на мой зов Кондан реагировал как-то странно. Он всхлипнул и жалобно заплакал. Корзинка выпала у него из рук, колокольчик скатился в траву, а сам Кондан вытянулся на бревне, сложив руки на груди, как покойник. «Неужели умер?» — в отчаянии подумала я. Я стояла в задумчивости над бездыханным телом вождя аранаданов и не знала, что делать.

— Нили! — позвала я.

Девочка выглянула из хижины.

— Как ты думаешь, что случилось с Конданом?

Нили, как мне казалось, неуместно хихикнула и с любопытством стала разглядывать это бездыханное тело. Потом она подняла на меня свои лукавые глаза и сказала:

— Достукался.

Конечно, на языке аранаданов такого слова нет. Есть какое-то другое. Но смысл его был именно таким.

— Как достукался? — холодея, переспросила я.

— До бога достукался, — хихикнула Нили и, сверкнув босыми пятками, скрылась в хижине.

Наверно, я в этот момент напоминала соляной столб, в который в давние времена превратилась любопытная и непослушная жена Лота. Постепенно я догадалась, что Кондан впал в транс. Он продолжал недвижимо лежать на бревне, а я стояла так же недвижимо над ним.

Наконец Кондан вздохнул, приоткрыл один глаз и торжествующе глянул на меня. Подтянул острые темные коленки и уселся на бревне.

— Ну, а что было дальше? — спросила я, имея в виду песню.

— Сейчас пропою, — сказал Кондан.

Наученная горьким опытом, я попросила сказать мне слова песни. Кондан очень удивился и объяснил, что песня для того и существует, чтобы ее петь. А если говорить, то какая же это будет песня? Логика Кондана была неопровержимой. Она строилась на конкретном и прямом восприятии мира и человеческих поступков. Если это песня, ее надо петь. Если это ритуальная песня, то обязательно надо впасть в транс. Даже если тебя об этом никто не просит. Кондан жил по своим древним законам, а мне следовало к ним приспособиться. Но я знала, как это сделать.

— Ну ладно, — сказала я. — Пой.

Мать, отец, Валя,
Колен, Комен, Чатен.

И не успела я сообразить, как Кондан снова нырнул в свою священную корзинку. Все завершилось, как и в первый раз. Сидя над телом Кондана, я размышляла о том, что все зло в этой корзинке.

И снова в третий раз запел Кондан. Но я была бдительна. Как только Кондан взялся за свою корзину, я потянула ее к себе.

— Отдай! — свистящим шепотом потребовал Кондан.

— Не отдам.

— Отдай.

— И не подумаю.

— Тогда не буду петь, — обиженно заявил он.

— Послушай, — взмолилась я. — Если ты опять сунешь голову в корзину, я так и не узнаю, что случилось с Коленом.

— Как это не узнаешь? — возмутился Кондан. — Мною овладевает дух Колена, он теперь стал богом. И рассказывает о себе. А ты слушай.

— Но он говорит неясно. Я не понимаю.

— Он говорит, как умеет, — философски заметил Кондан.

Кондан был упрям и непреклонен. Я так и не узнала, что случилось с Коленом...

А что случилось с аранаданами? Да пожалуй, ничего особенного. Они живут так же, как жили и тысячу лет тому назад. А может быть, и

больше. Каждый день на рассвете, как и их далекие предки, они отправляются в джунгли. У них нет луков и стрел. До сих пор нет. Кондан утверждает, что никогда и не было. Единственное их орудие и оружие — палка для копки корней. С ее помощью они добывают съедобные корни. Она помогает им карабкаться на скалы, где дикие пчелы делают свои гнезда. Этой же палкой они убивают удава, чтобы потом выскоблить из него внутренний жир, а мясо съесть. Жир удава, по мнению аранаданов, обладает многими целебными и магическими свойствами. Мясо же они варят и съедают без соли, потому что соли в племени нет. Ее надо покупать. Денег у аранаданов тоже нет, потому что в джунглях не появилось еще дерево, на котором бы они росли. Другим же средством добыть деньги аранаданы не располагают. Никто из них никогда не работал на плантациях или там, внизу, где валят огромные стволы тиковых деревьев.

То, что происходит там, «внизу», аранаданов не касается. Они продолжают упрямо жить так, как жили их предки. Трудно объяснить побудительные мотивы этого «упрямства». Они, видимо, заложены в условиях их существования и в их психологии. Но предки жили много веков назад, а аранаданы живут и сейчас. Живут в мире, где законы предков уже давно потеряли силу. Потеряло силу и племя аранаданов. Племя пренебрегло законами развития нашего мира. И было отомщено за это пренебрежение. Мир гудящих грузовиков превратил их в изгоев, в лесных бродяг. В этой своей бродячей жизни они растеряли свое прошлое и не приобрели настоящего. И тогда их постигло то, что мы называем деградацией. Число их соплеменников с каждым годом уменьшается. Их косят болезни, которых не знали предки. Каждое поколение становится слабее предыдущего. Кровосмесительные отношения между отцами и дочерьми, отношения, которые знало человечество на заре своего развития, приводят к вырождению целых семей. Слишком долго тянутся эти отношения. Слишком долго шло племя через джунгли, слишком поздно оно вышло на опушку. На опушку, где лежит чужая непонятная земля и куда доносится гул грузовиков из другого мира.

Пройдет какое-то время, и в деревню придет полицейский и хозяин земли. Тогда аранаданы разберут свои хижины, постоят последний раз у камня-богини, священного дерева и четырех погребений. Потом завяжут в маленькие узелочки то, что нельзя даже назвать скарбом, и

вскинут на плечи палки для копки корней. Кондан понесет священную корзину и медный колокольчик. И вереница маленьких темнокожих бродяг растает в ближних зарослях. Они вновь сделают отчаянную попытку найти свое время. Но разве можно найти то, что безвозвратно утеряно? Как тени прошлого, они будут возникать то здесь, то там, чужие в чужом для них времени...

III

Джунгли Траванкура

1

Экспедиция «Викинг»

На этот раз экспедиция располагала своей машиной. Откуда машина? Это целая история. Осенью 1971 года я получила в Мадрасе письмо от господина Кришнана. Он интересовался моим здоровьем, успехами в труде и спрашивал, не забыла ли я еще Вайнад и его, господина Кришнана. В конце письма он писал: «Я теперь знаю, что если и есть дело на земле, которым стоит заниматься, то это этнография. Помогая вам в Вайнаде, я понял, как интересно работать с племенами и сколько неожиданных открытий таит в себе такая работа. Не думаете ли вы, что нам стоит организовать экспедицию? Куда направится наша экспедиция, решайте сами. Я готов принять любые ваши условия».

Я прочла письмо и задумалась. Легко сказать — организовать экспедицию. У меня нет для этого ни денег, ни транспорта. И куда направить экспедицию? Однако через час я была уже убеждена, что экспедицию организовать необходимо. Просто жизненно необходимо.

В джунглях Траванкура (Южная Керала) обитало очень интересное племя — каникары. Каникары принадлежали все к той же большой группе индийских австралоидов, и, чем больше я думала о них, тем привлекательнее они становились. На следующий день я поняла: уехать из Индии, не повидав этих симпатичных каникаров, просто невозможно. И я написала господину Кришнану, что согласна на экспедицию с ним, что эта экспедиция должна непременно отправиться к каникарам и что лучшее для этого время года — ноябрь месяц. Я также написала, что не знаю, как организовать эту экспедицию. Я не знала, но господин Кришнан знал. Через неделю пришло от него письмо. В письме был изложен план. Он был предельно прост. В нем в качестве главных действующих лиц фигурировало Мадрасское представительство Союза советских

обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами и правительство Кералы во главе с главным министром. Всего-навсего. И не более того.

Надо сказать, что план господина Кришнана мне понравился. Поэтому я села писать письмо главному министру штата Керала. В письме я объяснила суть дела, рассказала о задуманной экспедиции и господине Кришнана. Мой непосредственный начальник вице-консул Виктор Николаевич Яблоновский сопровождал мое письмо своим. На официальном бланке вице-консул принес главному министру заверения в совершеннейшем к нему почтении и выразил надежду, что он внимательно отнесется к моему письму. Главный министр действительно внимательно отнесся к письму. Ответил он коротко: «Приезжайте. Поможем».

Господин Кришнан ликовал у себя в Вайнаде. А я у себя в Мадрасе уложила фотоаппарат, пленки и записные книжки. Все остальное значения не имело.

В Тривандраме на вокзале меня встретил господин Кришнан, который вместо приветствия прокричал:

— Ура! Мы победили!

В этот же день был решен основной вопрос — транспортный. В нашем распоряжении оказался мини-автобус под названием «Викинг». Господин Кришнан обошел его вокруг, похлопал по серому боку и сказал:

— «Викинг» — это даже символично. Давайте назовем нашу экспедицию «Викинг», — неожиданно предложил он. — Ведь была французская экспедиция «Тортуга» («Черепашка»). А наша будет «Викинг». Идет?

— Идет, — сказала я. — Только у нас флага нет.

— Ладно, — махнул рукой господин Кришнан. — Обойдемся без флага.

— Обойдемся без флага, — согласилась я.

И наш «Викинг» запыхтел по улицам Тривандрамы, держа путь на восток, туда, где над прибрежной полосой тянулись синие хребты Западных Гхат и где в джунглях прятались поселки не известного еще нам племени каникаров.

«Викинг» прошел сотни миль по горным дорогам и перевалам, по колдобистым проселочным трактам. Когда он застревал, мы дружно

толкали его, и он, натужно ревя, продолжал свой путь. К концу нашей экспедиции «Викинг» покрылся плотным несмываемым слоем рыжей пыли тропического краснозема. Мы — тоже. Иногда наш «Викинг» отдыхал. Даже у него был предел возможностей. «Викинг» не мог идти по узким лесным тропинкам. По ним ходили мы сами. Такое передвижение оказалось медленнее, и поэтому на нашем счету были только десятки миль, а не сотни, как у «Викинга».

Пока «Викинг» отдыхал, а мы ходили по джунглям, наш шофер Гопал занимался очень полезным делом. Он называл его профилактикой. Смысл профилактики состоял в том, чтобы к нашему возвращению «разрегулировать» в двигателе все, что возможно. Гопалу это блестяще удавалось. Когда мы возвращались, то заставляли Гопала неизменно дремлющим в тени «Викинга». По его смущенной улыбке, которая не покидала Гопала даже во сне, и по его рукам, измазанным машинным маслом, мы понимали, что произведен очередной сеанс профилактики. И с тем же успехом. Тогда мы поднимали Гопала, лезли втроем в радиатор и, переругиваясь, дергали подряд за все рычаги и крутили все гайки. Наконец находилась какой-то единственный рычаг или гайка, от которой наш «Викинг» неожиданно заводился и ехал дальше. На очередном привале повторялось то же самое. Мы привыкли к «профилактике» Гопала, как к стихийному бедствию, как привыкают к ливню, землетрясению или урагану, и относились к ней философски.

— Се ля ви, — вздыхал покорно господин Кришнан.

— А се Гопал, — соглашалась я с ним.

При этих словах Гопал начинал как-то нервно суетиться. Потом он признался мне:

— Я думал, что вы меня ругаете нехорошими международными словами самого высокого класса.

«Викинг» выдержал все: и разбитые дороги, и Гопала, и нас, и даже «нехорошие международные слова...». Весь наш намеченный маршрут по лесному и горному округу Тривандрам мы выполнили. И вдряд ли смогли бы это сделать, если бы не наш «Викинг». К нему мы стали относиться как к главному члену экспедиции. Тем более что она носила его имя.

Мы побывали у каникаров лесных долин, мы жили среди горных каникаров. Племя разбросано по всему Тривандрамскому округу. И

первые поселки каникаров мы встретили уже через пятьдесят километров, после того как покинули столицу штата. Окруженные банановыми и пальмовыми рощами, полями тапиоки, эти поселки были своеобразными форпостами на подступах к племени. А дальше тянулись горы, покрытые джунглями, и в этих джунглях, как и тысячи лет назад, обитало древнее племя каникаров. О них и пойдет дальше речь.

Семь женщин и бог Шива

Что было с самого начала? Откуда появились каникары? Такие вопросы ставят в тупик старейшин многих племен, но только не каникаров. У них на это есть свои ответы. Вот послушайте, как все было.

С самого начала был бог. Великий бог. Единственно, что забыли каникары, — как звали этого бога. Времена, в которые жил Великий бог, были довольно скучные. Во-первых, Великий бог был один. Один-единешенек. Ему не с кем было даже перекинуться словом. Во-вторых, ему не на чем было остановить глаз. Ибо тогда не существовало ни земли, ни солнца, ни луны, ни звезд. Не было даже неба. И тогда Великий бог задумался. Он прекрасно понимал, что жить так дальше нельзя. Необходимо было что-то сделать. Да, чуть не забыла. Вокруг было много воды. На чем она держалась? Неважно. Главное — она была. И вот тогда Великий бог попробовал свои силы. «Что можно создать в воде?» — задал он себе вопрос. Ну конечно, лотос. И он создал лотос. Огромный, удивительный лотос. Верхняя часть лепестков лотоса играла и переливалась всеми оттенками голубого. Книзу голубой цвет постепенно угасал, и появлялась такая гамма разнообразных цветов, что даже у Великого бога при взгляде на этот чудесный лотос начинала кружиться голова. «И это хорошо», — сказал Великий бог (сказал так, как говорили все боги, занятые в творении мира). Он долго любовался лотосом и восхищался своими способностями. И верхняя часть лепестков вдруг стала напоминать ему что-то знакомое. Но что именно, он долго не мог вспомнить. Наконец он ударил себя по лбу и воскликнул: «Господи, как это я сразу не догадался? Ведь верхняя часть лепестков похожа на небо. А вот нижняя... Нижняя часть похожа на землю. Только она может дать такое множество цветов». Так возникла перспектива дальнейшего творчества.

Великий бог создал насекомое для выполнения чисто технической задачи — надо было отделить верхнюю часть лотоса от нижней. Насекомое, его имя тоже забыли, успешно справилось с этим. Как только работа была кончена, Великий бог взмахнул рукой. И тогда

голубые лепестки стали небом, а разноцветные — землей. Великий бог облегченно вздохнул. Теперь было на что смотреть. Но чем больше смотрел он на небо и землю, тем острее испытывал чувство какой-то неудовлетворенности. Сначала он не мог понять, в чем дело. Но потом все же сообразил. Небо было пустым и однообразным, а земля мертвой. И даже насекомое, которое аккуратно выполнило свое задание, уползло и забилося под камень. Насекомое было разочаровано и обижено, потому что Великий бог не сказал ему даже спасибо. И хотя богам принято прощать такие вещи, насекомому почему-то не хотелось этого делать.

Смотря на небо и землю, Великий бог все яснее сознавал, что им чего-то не хватает. Он размышлял приблизительно так: если есть небо, то на нем должны быть солнце, луна и разноцветные звезды. А на моем небе их нет, вот в чем беда. И Великий бог принялся без устали трудиться. На небе появились золотое солнце, серебряная луна и драгоценные камни звезд. Великий бог остался доволен тем, как он украсил небо. Теперь было на что смотреть. Потом он принялся за землю. Он создал тысячи животных, тысячи птиц и тысячи насекомых. И ко всему вышепоименованному он добавил тридцать три тысячи богов и сорок две тысячи риши — мудрецов обоего пола. Теперь можно было и переброситься кое с кем словом.

Жизнь Великого бога переменилась к лучшему. На него снизошли божья благодать и спокойствие. И настолько Великий бог самоуспокоился, что совсем забыл о людях. Богов и мудрецов создал, а людей нет. Но мудрецы-риши выручили Великого бога. Они взяли на себя ответственность за появление людей. А в данном конкретном случае — за появление каникаров. Наличие обоих полов среди риши позволило им создать первых людей самым естественным путем, не прибегая к глине и заклинаниям.

Самым первым каникаром, чьи отец и мать были риши, оказалась женщина по имени Айравили. От нее пошло племя каникаров. Айравили жила так давно, что это позволило каникарам считать ее богиней. Каникары поселились в густых джунглях. Занимались охотой, собирали в лесу мед, ягоды, корни и лекарственные травы. Джунгли кормили их. Жрецы и пророки каникаров научились лечить болезни травами и заклинаниями. И слава о каникарах как

первоклассных лекарях дошла до всех племен. Но эта же слава принесла каникарам и немало неприятностей.

Вот что случилось однажды. Занемог бог Вишну. Он метался в жару, бредил и звал отца с матерью, которых у него никогда и не было. Бог Шива зашел навестить больного Вишну и, видя тяжелое его состояние, очень встревожился. Такого еще с богами не случалось, и поэтому Шива растерялся и не знал, что делать. Он созвал на совет все тридцать три тысячи богов. Боги шумели и скандалили три дня, но никто из них не мог предложить самого верного способа лечения. А Вишну становилось все хуже. Шива очень разозлился на богов.

— Замолчите! — закричал он и топнул ногой так, что гром сорвался с неба. — Если вы сами ничего не знаете, то скажите хоть, кто знает, как лечить эту болезнь.

Все тридцать три тысячи поутихли. Тогда один скромный молодой бог, который все время тихо сидел в углу, робко поднял руку.

— Можно мне? — заикаясь, спросил он.

— Говори, но по существу, — приказал Шива.

— Я слышал, — мучительно краснея, начал бог, — что есть племя каникаров, которое знает секрет лечения этой болезни.

— Я пойду к каникарам сам, — сказал Шива. — Посылать вас бестолку. Вы ни о чем никогда не можете договориться.

Обиженные боги стали молча расходиться. А Шива отправился в джунгли и вскоре нашел каникаров. Он объяснил им суть дела. Но что тут поднялось! Каникары стали кричать, спорить и драться. Каждому хотелось вылечить бога Вишну.

— Слушайте! — загремел на них разгневанный Шива. — Люди вы или боги?

— Люди, люди! — закричали каникары.

— Тогда я не вижу разницы между вами и богами, — возмутился Шива. — Вы себя так же безобразно ведете, как и боги.

Но разница все-таки была. Окрик Шивы подействовал на богов, но не произвел впечатления на людей. Они продолжали ссориться. Никакие уговоры не помогали. И тогда Шива решил показать, что он все-таки бог, заслушание которому наказывают. И показал. Все дравшиеся каникары вдруг упали замертво. В живых осталось только семь женщин, которые в драке не участвовали. Шива в первую минуту

даже оторопел от такого своего могущества. Когда он пришел в себя, то подошел к женщинам и спросил:

— Что теперь будем делать? Кто же вылечит Вишну? Я загубил все племя, — с раскаянием сказал бог.

Женщины пожали плечами и ничего не ответили.

— Ладно, — сказал Шива, успокаиваясь. — Что-нибудь придумаем.

И придумал. Он подбросил женщинам золотое кольцо. Каждая из них его примерила. И каждая из них понесла. Так Шива вышел из положения. Семь женщин родили детей и стали праматерями племени каникаров. Когда дети выросли, женщины обучили их искусству врачевания. И предупредили детей, чтобы никто из них никогда не дрался с другим за право лечить кого бы то ни было. Но пока дети росли и обучались, Вишну продолжал болеть. Шива ничем не мог помочь ему. Он только приходил к Вишну, садился рядом и иногда давал ему воду. Вишну болел по-божески. Это люди не болеют долго, потому что жизнь их коротка. А у Вишну было в запасе бессмертие. Поэтому он мог себе позволить проболеть два человеческих поколения.

Наконец Шива вновь наведлся к каникарам, сам выбрал среди них лекарей и привел их к ложу обессиленного Вишну. Каникары прекрасно справились со своей работой. Через три дня Вишну повеселел, а на четвертый даже стал гулять на воздухе. И дело пошло на поправку.

Но беды самих каникаров на этом не кончились. В те отдаленные времена жил мудрец Агастья. Тот самый Агастья, который, по сведениям знаменитого эпоса «Рамаяна», воевал против ракшасов, подарил волшебный лук знаменитому герою Раме, жил отшельником в лесах и между делом занимался врачеванием. Последнее обстоятельство объясняло довольно сложные и противоречивые отношения, возникшие между каникарами и Агастьей. С Агастьей у племени было несколько столкновений. Великий бог даровал каникарам лук и стрелу. Стрела была такая сильная и прочная, что, когда она попадала в дерево, все листья с дерева опадали. Каникары очень гордились этим луком и стрелой и берегли их. Но однажды Агастья, бродя по лесу, увидел, как каникары стреляют из этого лука. И Агастье стало страшно. «Все-таки, — подумал он, — в них есть

кровь ракшасов, моих закоренелых врагов. И оставлять в их руках такое сильное оружие было бы неблагоприятно».

Агастья был великим мудрецом, а, как известно, пути мудрости бывают сложными и неожиданными. Агастья почему-то не посягнул на лук и стрелу, которые его так напугали. Он решил волновавшую его проблему проще. Он уничтожил племя каникаров и, успокоенный, продолжал прогулку по лесу. Но уничтожил он их очень мудро. Каникары просто исчезли, как будто растворились в воздухе. Как будто их никогда и не было. Но Великий Бог знал, что каникары были. Он очень удивился, когда не обнаружил их в том лесу, где он любил за ними наблюдать. Каникары очень нравились Великому богу.

— Что за наваждение! — воскликнул Великий бог. — Еще неделю назад здесь было целое племя, а теперь ни одного человека.

И Великий бог стал обшаривать лес. На одной из тропинок он повстречал Агастью. По одному только виду мудреца Великий бог понял, что Агастья имеет какое-то отношение к случившемуся. Великий бог не стал тратить слов попусту. Он прямо спросил Агастью:

— Твоих рук дело?

Агастья скромно потупился, ожидая похвалы. И тут Великий бог взорвался.

— Ты смеешься, что ли, надо мной? — гремел он. — Сколько раз можно уничтожать одно и то же племя? Только наладишь с ними отношения, а их раз — и нету! То Шива, то ты! Перестанете вы мне морочить голову или нет? Сейчас же верни их обратно! Знать ничего не хочу!

И Великий бог, круто повернувшись, зашагал по тропинке прочь от мудреца. Агастья просто не ожидал такого. Ноги у него подкосились, и он сел в траву. Он не помнил, долго ли он так сидел. Солнце уже клонилось к закату, а мудрец все не мог придумать, как вернуть каникаров обратно. Наступила ночь, и Агастья развел костер.

Языки пламени плясали у него перед глазами, и порой ему казалось, что это пляшут каникары.

— Ну что ж, — сказал Агастья. — Поколдуем с огнем. Все равно надо с чего-то начинать.

И он стал читать над огнем заклинания. Он их читал, он их пел и даже приплясывал. Но огонь как будто смеялся над ним. Прошло полночи, и Агастья устал. «Прочту последнее заклинание, — сказал

он, — а потом попробую что-нибудь другое». И последнее заклинание оказалось самым сильным. Языки пламени поднялись высоко, почти к самым звездам. И в этих языках вновь заплясали каникары. Теперь они были совсем как настоящие. И вот первый каникар выпрыгнул из огня, за ним второй, третий. И вскоре все племя собралось вокруг веселого костра.

— Уф! — сказал Агастья и вытер пот со своего высокого лба.

Он был очень рад, что эксперимент принес желаемый результат. И радость сделала добрым его сердце. Взамен лука и стрелы, которые были безвозвратно потеряны во время этих бурных событий, Агастья подарил каникарам лук-пращу и железную кокору, издававшую скрипучие звуки. Он научил каникаров под кокору читать заклинания и даже пригласил некоторых из них к себе в ученики.

И вот ученики-каникары присоединились к ученикам-браминам Агастья. Брамины были этим очень не довольны. Они знали, что каникары хорошие лекари и способные ученики. Они завидовали каникарам и не хотели, чтобы те постигли мудрость Агастья в лечении. Да и сам Агастья уже раскаивался в своем опрометчивом решении. «Каникар брамину не товарищ, — размышлял он. — Брамины — люди достойные, принадлежат к высокой касте. А каникары — низкое племя, полуракшасы. И зачем я с ними связался?»

Однако расправиться с каникарами так, как он сделал в прошлый раз, Агастья боялся. Ему не хотелось вновь обсуждать этот вопрос с Великим богом. Но Агастья был все-таки мудрецом, и он нашел выход.

В один прекрасный день он стал жаловаться на недомогание. Ученики собрались вокруг больного учителя, и Агастья велел приготовить целебное масло для него. Брамины и каникары приготовили такое масло. Но Агастья выздоровел от браминского масла. А каникарам сказал, что они лгуны и никогда не умели лечить. И никогда не смогут лечить, потому что только брамины в состоянии постигнуть тайны врачевания. Ученики-каникары сидели, низко опустив головы, и слушали мудреца. Они знали, что тот говорит неправду, но не смели ему возразить. А брамины злорадно смеялись и тоже называли их лгунами. Потомки этих браминов продолжают и сейчас считать каникаров лгунами и не признают их лекарского искусства. Вот как отомстил Агастья каникарам.

Но каникары обошлись и без Агастьи. Ничего хорошего, кроме неприятностей, они от этого мудреца не видели. Они продолжали, как и другие племена, жить в джунглях и заниматься своим делом. И племя разрасталось. Каникары спустились с гор в лесистые долины. Но и в горах оставалось немало их. Потом настали иные времена. В джунгли пришли люди с мечами, стали забирать землю, а каникаров пытались превратить в рабов. Каникары уходили в глубь леса, но люди с мечами настигали их и там. Появились правители-раджи, и самым могущественным среди них был махараджа Траванкура. В те времена горные каникары назывались «кодукани», или «короли леса», а те, кто жил в долине, назывались «надукани», или «долинные каникары». Но и «кодукани» и «надукани» были единым племенем. А когда племя большое и единое, то и подчинить его трудно.

Махараджа Траванкура был хитер, как лиса. Он послал своих людей к кодукани, и те стали говорить им, что кодукани и надукани — разные племена. Они принесли серебряный браслет вождю кодукани от махараджи и сказали, что отныне вождь горных каникаров равен махарадже. Но за это равенство они потребовали признать долинных каникаров «низкими» и недостойными горных. Так хитрый раджа разделил племя и заставил тех и других служить ему. С тех пор нет свадеб между кодукани и надукани. Горцы не прикасаются к пище, которая готовится в хижинах долинных каникаров, ибо пища эта «нечистая». Так, разбив и ослабив племя, махараджа превратил и «высоких» и «низких» в своих слуг. Горные каникары добывали для махараджи и его приближенных тигровые шкуры, бивни слонов, собирали мед и ценный кардамон. А долинные каникары стали обрабатывать поля махараджи и помещиков. И те и другие должны были беспрекословно подчиняться своим правителям и хозяевам.

Но вожди горных каникаров очень гордились своим браслетом и стали поступать как настоящие раджи. Вот одному такому гордецу и обязан своим появлением лесной бог, или лесной дух Вадакапей.

Есть неподалеку от озера Нейяр большая гора. Эта гора покрыта густым лесом. И так много было птиц в этом лесу, что вся окрестность так и называлась Килиянур — «птичье место». В лесу на горе жили не только птицы. Здесь стояли и поселки каникаров. И был у каникаров вождь Улавадичен. Он считал себя самым главным после махараджи Траванкура и жестоко обращался со своими соплеменниками.

Улавадичен настолько возгордился, что не захотел жить в обычной деревне каникаров. Он спустился с горы и здесь, у ее подножия, построил себе каменный дом. Он говорил, что теперь у него дом, как у махараджи Траванкура. И по примеру махараджи даже завел в своем доме слуг — покорных и преданных слуг из числа своих соплеменников. Власть вождя в Килиянуре была безгранична. И вот однажды сто каникаров решили пойти охотиться на слонов. Но для такой охоты требовалось разрешение. Сто каникаров собрали совет. Уж очень не хотелось им просить это разрешение у своенравного вождя, и они отправили гонца к самому махарадже. Махараджа выдал им такое разрешение. Но Улавадичен не знал об этом. Сто каникаров отправились в лес и вырыли сто ям для слонов. Слуги донесли вождю. Улавадичен вызвал сто каникаров и спросил:

— Кто разрешил вам рыть ямы для слонов и охотиться на них?

— Махараджа, — ответили каникары.

— Для вас махараджа я! — закричал Улавадичен. — И я не разрешал вам охоты!

Сто каникаров стояли покорно и не знали, что ответить. А в сердце Улавадичена уже зрела месть. Он решил показать каникарам, кто в Килиянуре махараджа.

— Сегодня ночью, — приказал он каникарам, — вы возьмете факелы и отправитесь к своим ямам.

Сто каникаров покорно выполнили приказ. Они не подозревали, что каждого из них ждет страшная смерть. Улавадичен отправился тоже в лес. Он был сильный и ловкий. Пожалуй, самый сильный и ловкий среди каникаров. И вождь столкнул сто каникаров в сто ям, вырытых для слонов. Каникары громко кричали умирая. И казалось, кричит весь лес. Но никто не мог прийти им на помощь. Потому что все боялись сильного и мстительного Улавадичена. Так все сто каникаров и умерли, а убийца спокойно отправился в свой каменный дом у подножия горы.

Сто каникаров умерли, но никто не выполнил над ними погребального ритуала. Поэтому их духи стали метаться в лесу и беспокоить остальных. И вот однажды все эти духи умерших каникаров слетелись на поляну и решили отправиться к махарадже и рассказать ему о злодеяниях Улавадичена. Сказано — сделано. Все сто духов явились махарадже во сне и рассказали обо всем. Махараджа

быстро собрался и поехал в Килиянур. Но его беспокоила не судьба ста убитых каникаров. Махараджа не мог простить Улавадичену, что тот посчитал себя равным ему, махарадже Траванкура.

Со всей свитой махараджа подъехал к дому Улавадичена. Тот выбежал навстречу, но не стал валиться под копыта коня махараджи. И махараджа сразу отметил это про себя. Он понял, что Улавадичен считает себя равным ему, махарадже Траванкура. Значит, духи умерших ему сказали правильно.

— Собирайся! — приказал он Улавадичену. — Пойдем в лес.

Улавадичен беспокойно засуетился, почуяв неладное. Но ослушаться не посмел. И вот они идут с махараджей по лесу. От одной слоновой ямы к другой.

— Считай! — приказывает махараджа. — Считай убитых тобой каникаров.

Улавадичен понял, в чем дело, но было уже поздно. И он стал считать: раз, два, три... И наконец сто.

— Правильно, — сказал махараджа. — И духов было сто.

Улавадичен теперь не мог смотреть в лицо махарадже и повернулся к нему спиной.

— Сто один, — сказал махараджа и вытер окровавленное лезвие кинжала о траву.

Так появился сто первый дух в джунглях, где жили каникары. И этот сто первый был, конечно, особенным. Это был дух сильного человека и вождя. И просто так считать его сто первым казалось неприличным. Жрецы племени каникаров присвоили ему звание лесного духа, или бога, и назвали Вадакапеем. Вадакапей-Улавадичен получил то, что хотел. В мире духов над ним не был властен даже махараджа Траванкура. А вожди каникаров хоть и продолжали носить серебряный браслет махараджи, но стали весьма осторожными в выводах о собственном положении.

В Килиянуре на проселочной дороге, у подножия той лесистой горы, стоит небольшое святилище. Павильончик не более полутора метров длины, крытый пальмовым листьями. В павильончике лежит камень. Это Вадакапей — лесной бог. Чуть в стороне от дороги — развалившийся фундамент из сырцовых кирпичей. Говорят, здесь когда-то был дом Улавадичена. И еще говорят, что каждый вторник и

каждую пятницу в лесу видно мелькание факелов и слышны крики умирающих каникаров. И стонет и плачет лесной дух Вадакапей...

...Давно уже махараджа Траванкура не правит каникарами. Раджей и махарадж в Индии нет. Но остались помещики. И они продолжают вытеснять каникаров с их земель, превращают их в плантационных кули и своих слуг. Заставляют их принимать чужие обычаи и чужую веру. Торговцы с жадно ищущими глазами появляются в поселках. Отовсюду можно ждать беды. Кто знает, в чьем образе она придет? Ночного вора, вывозящего урожай с поля каникара? Жирного ростовщика, забирающего последний горшок из дома? Землемера, отрезающего очередной участок джунглей?

Но если все время сидеть и ждать беды, то кто же будет работать? И каникары продолжают делать свое дело. Они идут в джунгли собирать лекарственные травы и корни, ставить ловушки на зверей. Идут на реку ловить рыбу. Трудятся на маленьких клочках полей, расчищенных под тапиоку. Они знают, что с ними было. Они знают, что есть сейчас. Они не знают только, что с ним будет.

3

Как убили оленя

— А теперь, — сказал Апокани, теребя пышный ус, — пойдем в Зад.

— Куда? — не поняла я.

— В Зад. Чего же мы стоим? Идем.

— Да, но... — начала я.

— А! — догадался Апокани. — Ты не знаешь, как туда идти? Смотри. — Он указал на склон. — Видишь эту бамбуковую рощу? Там тропинка. Пойдем по ней прямо, а потом...

Я стояла, все еще ничего не понимая.

Но теперь я уже знаю, что имел в виду Апокани. Зад (я пишу это слово с большой буквы), или «мен», — один из славных и достопочтенных родов каникаров. И ходить туда не позорно. Даже, наоборот, очень почетно. Потом мне стало известно, что у тех же каникаров есть род с еще более неприличным названием. Но вы, конечно, спросите: в чем дело? Что за странные названия родов? А дело вот в чем.

Легенда рассказывает, что очень давно, когда только появились каникары, у них совсем не было родов. Все было: и земля, и джунгли, и реки, и много дичи, и съедобные корни, а родов не было. Тогда еще не родился бог Шива, и Агастья не бродил по лесам. Известно, что оба пришли к каникарам позже. Обо всем позаботился Великий бог, даже о луке и стреле. А вот о родах забыл. И поэтому у каникаров был большой беспорядок. Ведь если нет родов, то нельзя понять, на ком можно жениться, а на ком нет. И мужчины и женщины все перепутали. Сын женился на матери, дочь выходила замуж за отца, не говоря уже о братьях и сестрах. Дети от этих браков рождались слабыми и часто болели, но никто не мог понять, отчего это происходит. И вот однажды каникары отправились на охоту. В тот день они долго бродили по джунглям, но им ничего не попадалось. И только к вечеру они выследили оленя. Очень крупного оленя. Они долго его гнали. И когда олень обессилел, сразу много стрел впились в его бока. Олень мертвым рухнул на траву.

Каникары принесли оленя домой и стали его делить. Одному досталась голова — «мутт», другому «каи» — нога, третьему «мен» — зад, четвертому «курувана» — спина, пятому просто кусочки мяса — «периман», шестому «манготи» — почки, седьмому «тумбара» — наиболее неприличная часть, восьмому «веллак» — сердце, девятому — каникары забыли что. Десятый прибежал позже всех, и ему достались только муравьи «ирумбият», которые ползали в траве, где лежал олень. И когда каждый получил свою порцию, одна мудрая женщина сказала:

— Пусть будут отныне роды. Род мы назовем иллом, и добавим к нему названия тех частей оленя, которые получили наши охотники.

Так и возникли первые десять родов: Мут иллом, Каи иллом, Мен иллом и т. д. И главой каждого рода стала женщина, мать. Потому что дети знали всегда мать, а отцов они часто и не помнили. Поэтому дети всегда принадлежали к роду матери. Они и до сих пор к нему принадлежат. И тогда же каникары решили, что браков внутри рода не будет. И наложили табу на такой брак. Ибо в роду все были близкими родственниками и произошли от одной матери.

После этого дела у каникаров пошло лучше. Дети стали здоровыми и сильными, и дети детей сохраняли это здоровье и силу.

Прошло много лет, и каникары даже забыли о тех временах, когда был большой беспорядок. Теперь никто и не помышлял жениться на женщине своего рода или выходить замуж за мужчину того же рода. Так они прожили долго, и не было ссор, и не было скандалов в своем роду. Племя размножалось и росло. Появлялись новые роды. И для их названий уже не хватало частей оленьего тела.

Новые роды стали называть по имени гор и мест. Появились илломы Паламала, Таламала, Перумала. Число родов росло, и получалось так, что родственники оказывались в разных родах. И снова люди стали путаться. Никто уже не знал, из какого рода можно брать жен, а из какого мужей. Тогда пришли два мудрых старейшины. Одного звали Иллампалли Мутан, другого — Тирувампалли Мутан. Они долго думали и судили и наконец решили разделить все роды на две части (ученые назвали впоследствии эти части фратриями). Старейшины назвали одну часть Аннантамби, что значит «братья», а другую часть — Мачамби, что значит «братья жен». И в Аннантамби и в Мачамби они включили определенное количество родов и сказали:

— Люди! С этого дня вы будете брать себе жен только из другой части. И мужей тоже из другой части. Роды Аннантамби между собой сочетаться браком не могут! Роды Мачамби — тоже. Каждый род Аннантамби будет иметь соответствующий род в Мачамби, откуда будет брать жен и мужей. Например, род Мутт (голова) будет иметь жен и мужей только из рода Мен.

И старейшины назначили по два таких рода. И каждый из этих родов принадлежал к разным частям оленьего тела. Так каникары живут и до сих пор. В Мачамби у них одиннадцать родов, а в Аннантамби — девять. Два рода этой последней группы где-то затерялись. Но каникары все-таки выходят из положения. Мудрые женщины хранят родовые традиции и всегда знают, как разрешить тот или иной сложный вопрос. Кроме женщин о роде заботятся родовые божества. Надо сказать, что эти божества не всегда были богинями и богами. Когда-то очень давно они жили как обычные мужчины и женщины. Но от них пошли многие илломы каникаров. И каникары до сих пор им очень за это благодарны и оказывают все почести. В Таламалаи илломе таким божеством, например, является Перумилани Мутан, в Мутт илломе — Аддокатту Саву, в Каи илломе — Параивалия

Мутан. Всех и не перечислишь. Да, наверно, и не надо. Главное, что эти божества исправно несут свою службу.

Вот так и случается. Идут люди на охоту, убивают оленя и даже не подозревают, сколько интересных перемен внесет это событие в жизнь родного племени.

Нараянанкани — вождь

Нараянанкани — вождь. Вождь не всего племени каникаров, а только деревни Куннатукаль. Деревня стоит в лесистой долине. Сразу за деревней начинаются поля тапиоки. Поле Нараянанкани самое большое — пять акров. А хижина самая добротная. Так положено вождю. Деревня Куннатукаль принадлежит долинным каникарам. Нараянанкани — человек средних лет с острой бородкой, похожей на эспаньолку, с немигающим взглядом глубоко посаженных глаз и громким властным голосом. Несмотря на такую внушительную внешность, за ухом у вождя кокетливо торчит красный тропический цветок. Это в какой-то мере смягчает суровость облика Нараянанкани. Что еще отличает вождя от остальных соплеменников? У Нараянанкани есть рубашка. Рубашка появилась давно, и вождь с нею не расстается. Из-за этой нежной привязанности владельца рубашка истончала, кое-где появились дырки, а нитки на швах истлели. Но это не смущает вождя. Зато у него есть рубашка, как у важного чиновника или лавочника, чья лавка стоит на лесном тракте в десяти милях от Куннатукаля. Кроме рубашки, хижины, тапиокового поля и красного цветка у Нараянанкани есть жена, двое детей, две козы, две циновки, топор и пять глиняных горшков.

А что же знает вождь? Многое. Вот послушайте. Он знает благоприятное и неблагоприятное расположение звезд. А звезды, как утверждают каникары, влияют на судьбу каждого человека, на урожай, на охоту и даже на хорошее настроение. Нараянанкани знает заклинания. На каждого духа свое заклинание. Знает лекарственные травы и умеет ими лечить. Но лекарственные травы — эта еще не все в медицине вождя. Он знает, какой дух овладел больным, добрый или злой. И как поступить в том или другом случае. У вождя есть камушки. Он раскладывает их и безошибочно определяет личные качества духа, вселившегося в больного. В большинстве случаев это бывают злые духи. Добрые только по недоразумению вселяются в больных. Он знает, когда сеять тапиоку, когда ее убирать, когда идти на охоту, когда приносить жертвы богам. Короче говоря, нет ни одного вопроса в жизни каникаров, в котором бы вождь не проявил своей

компетентности. А что умеет Нараянанкани? Прежде всего, и это самое главное, он умеет управлять. Вернее, правит своей деревней, своим родом, своим племенем. Судьбе и звездам было угодно, чтобы он стал вождем только одной деревни. Но Нараянанкани способен и на большее. В этом никто не сомневается. Сам он — тоже.

Вождем Нараянанкани стал несколько лет назад, когда умер его дядя, брат матери. Пост вождя у каникаров наследственный и передается по женской линии. Поэтому род никогда не теряет этого поста. Больше всего вождей оказалось в Муттилломе, то есть в роду Головы. Голова и есть голова. Ей и положено управлять. Нараянанкани принадлежит Мутт иллому.

В каждой деревне у вождя есть помощник. Кроме вождя и его помощника в деревне есть жрец (плати). Все трое составляют совет деревни. Все трое заправляют в ней делами. Но центральной фигурой в совете остается вождь. В Куннатукале на данный период исторического развития помощника вождя не оказалось. Поэтому Нараянанкани и вождь, и сам себе помощник. Если бы в деревне не было жреца, Нараянанкани исполнял бы и его функции. Так нередко у каникаров случается. Но в Куннатукале светская и духовная власть существуют отдельно. Отдельно — это только формально. В действительности духовная власть в лице жреца Куттанкани полностью подчинена светской. Почему? — спросите вы. Все зависит от личных качеств светской и духовной власти. В Куннатукале эта светская власть оказалась сильной по характеру. А духовная власть — слабая, склонная к компромиссам и даже подхалимству. И поэтому духовная власть заискивающе смотрит в немигающие глаза светской и поддакивает каждому ее слову.

Светская власть, подавив духовную, чувствует себя уверенной и сильной. Настолько уверенной и сильной, что каждое воскресенье вершит суд и расправу у своей хижины. В этот день Нараянанкани-вождь садится на циновку у своего порога и громко зовет Куттанкани-жреца. Жрец, маленький, сухощавый, с бегающим взглядом беспокойных глаз, немедленно является на зов и садится уже не на циновку, а в почтительном отдалении. Этим самым он подчеркивает свою полную зависимость от светской власти.

У каждого суда должны быть свои принципы, или, вернее, право, на основе которого данный суд вершится. У Нараянанкани эти

принципы есть. Они покоятся на бесценном опыте предыдущих вождей, на племенной традиции и, наконец, на примере правления махараджи Траваканкура. Последний давно уже не у власти, но вожди долинных каникаров еще долго будут подражать ему. Смещение всех принципов в мудрой голове Нараянанкани приносит иногда самые неожиданные результаты. За оскорбление вождь наказывает поркой. Этот вид наказания широко практиковался при дворе махараджи. По причине отсутствия помощника экзекутором назначается жрец. Духовная власть выполняет это почетное поручение с большой неохотой. Сначала жрец долго ворчит себе что-то под нос, потом кряхтя поднимается и отправляется в ближайшие заросли за розгой. Виновник покорно ждет возвращения экзекутора. Жрец появляется не скоро. У него оказывается много дел в зарослях. Он успевает накопать кореньев, собрать несколько горстей диких ягод и пугнуть зарвавшегося духа. В результате жрец забывает, зачем, собственно, он отправился в ближайшие заросли, и появляется без розги. Но при виде томящегося виновника духовная власть немедленно вспоминает о своих обязанностях и с криком «подожди!» вновь удаляется в те же ближайшие заросли. Наконец розга принесена. Жрец с глубокой грустью взирает на нее и на оскорбителя. Но немигающий взгляд Нараянанкани действует на него, как удав на кролика.

— Ложись, — печально говорит Куттанкани осужденному.

Тот покорно выполняет распоряжение. Жрец взмахивает розгой. Раз, два, три...

— Ой, больно! Ты с ума сошел? — вскрикивает осужденный.

— Извини, — смущается жрец. — Я увлекся.

— Увлекся... — ворчит оскорбитель. — Ты пори, а не делай больно. Тебе велели только пороть.

— Хорошо, хорошо, — соглашается жрец и поднимает розгу.

Потом он бросает розгу и снова садится рядом с Нараянанкани. Тот в это время штрафует лгунов. Штраф от десяти до двадцати рупий, но можно внести медом, ягодами и тапиокой. Лгунов в деревне оказывается почему-то очень много. Я была всегда уверена, что каникары — очень правдивое племя. Но у Нараянанкани на этот счет собственная точка зрения. Чем больше будет лгунов в племени каникаров, тем больше денег, тапиоки и меда окажется у вождя. Прямо пропорциональная зависимость этих двух моментов решает вопрос не

в пользу правдивости каникаров. Не сумевшие оправдаться лгуны обреченно стоят перед вождем. Однако Нараянанкани непреклонен.

Лгунов сменяет изменник — молодой парень, обманувший свою жену. Этот случай подлежит самому пристальному рассмотрению. Но теперь Нараянанкани опирается только на племенную традицию. Изменниц в племени каникаров нет. Вернее, фактически они есть, однако юридические нормы вождя на них не распространяются. Всем известно, что если женщина изменила, значит, у нее были на это основания. В качестве ответчика предстает тот мужчина, с которым она изменила мужу. Неженатый ни в счет. А вот женатый — другое дело. Изменник смущенно переминается перед вождем с ноги на ногу и не поднимает глаз.

Духовная власть осуждающе качает головой. А совратительница сидит на виду у всех и издевательски смеется. Смеется громко и временами непочтительно. Нараянанкани останавливает на ней свой немигающий взгляд, молчаливо призывая ее к порядку. Он не может ничего сказать женщине: это было бы неуважением к ней. А женщина — это вам не духовная власть, на нее взгляды вождя не действуют. У нее свои мысли и своя линия поведения. И она продолжает громко смеяться, особенно когда ее возлюбленный не может ответить на прямо поставленный вопрос. Наказание в этом случае всем известно. Изменник угостит всех мужчин деревни, в том числе и пострадавшего мужа, бетелем. Последнего — в качестве компенсации и утешения, первых — в качестве аванса. Мало ли что может случиться в будущем...

Штрафы — это не единственный доход Нараянанкани. Охотники отдают ему лучший кусок мяса, женщины приносят ему съедобные коренья из леса. Когда вождь велит начать обработку полей, каникары обрабатывают первым поле вождя.

Считается, что Нараянанкани все это заслужил. Ибо ему приходится трудновато, когда возникает необходимость разобраться в делах посложнее вышеперечисленных. Для этих сложных дел Нараянанкани и учредил... тюрьму. Все должно быть, как у людей. У махараджи Траванкура была тюрьма. Каменная, настоящая. В Куннатукале построили тоже. Правда, бамбуковую. Такую, как остальные хижины.

Тюрьма долго пустовала. Ни лгуны, ни изменники не хотели в ней сидеть. У каждого из них были свои дела, требовавшие их присутствия в лесу или на поле. И Нараянанкани уже подумывал о том, чтобы приспособить вышеозначенную тюрьму к иным надобностям. Действительно, если подданные не шли в эту тюрьму, несмотря на приказы и уговоры светской и духовной властей, какой в ней толк? Но все-таки звездный час Нараянанкани наступил. В тюрьму был посажен Чандранкани.

...Он лежал на полу хижины-тюрьмы, смотрел на звезды, которые просвечивали в широких щелях крыши, думал и вспоминал. Лежать было неудобно, потому что руки и ноги Чандранкани были связаны. Если бы не эти веревки, вряд ли бы им удалось так просто заполучить его сюда. Вождь и жрец изрядно попотели, перед тем как его связать и приволочь в эту дурацкую хижину, которую Нараянанкани называл тюрьмой.

«Моя тюрьма», — подражая Нараянанкани, сказал узник и сердито повернулся. Но веревки больно врезались в затекшие руки, и он остался в том же положении. За что с ним так?

Нараянанкани сказал ему, что виноваты во всем он и Гаури. Гаури... Тонкие нежные руки, робкие глаза, тихий смех. Он увидел ее на краю чужой деревни, когда шел проводить дядьку. Она отвернулась от него, когда он заговорил, и набросила на голову конец сари. Он не настаивал, но на обратном пути снова обещал зайти. Она сразу ему очень понравилась, эта девушка из чужой деревни и чужой касты. Когда он возвращался, то снова увидел ее в том же месте. Она ждала его. С того дня все и началось.

Чандранкани исчезал из Куннатукаля, шел в чужую деревню и виделся с Гаури. Он знал, что уже не может жить без нее. А Гаури? Гаури тоже с нетерпением ждала его каждый раз. Чандранкани был небольшого роста, но гибкий и сильный. И многие девушки в племени заглядывались на него. И надо же такому случиться, что именно Чандранкани полюбил девушку из чужой деревни и из чужой касты. И решил на ней жениться. Об этом как-то проведал Нараянанкани-вождь.

— Послушай, Чандранкани, — сказал ему вождь. — К какой ты девушке все время ходишь?

— К Гаури, — ответил Чандранкани.

— Ты понимаешь, что ты делаешь? — и вождь уставился на него немигающим взглядом.

— А что? — спросил Чандрани,

Но он понимал, что делал. Он знал, что законы племени запрещают жениться на чужих женщинах. Вождь строго соблюдал эти законы. Но что мог поделать Чандрани, если он любил Гаури.

— Перестань с ней встречаться, — и в голосе вождя прозвучала угроза.

Чандрани ничего тогда не ответил. Но по взгляду вождя понял, что он так этого дела не оставит. В воскресенье Чандрани вызвали на судилище. Собралась почти вся деревня. Чандрани объяснил вождю, что он любит Гаури и собирается на ней жениться. Тогда вожди закричали:

— Этому не бывать! Я не допущу позора в моей деревне! Нам чужих женщин не надо! Отправляйся в тюрьму!

А вокруг молча стояли его соплеменники. Одни смотрели сочувственно, другие осуждающе. Но никто не сказал слова в его защиту. Он ушел с судилища и отправился к Гаури. Он рассказал ей все. И тогда Гаури сказала:

— Если тебя у меня отнимут, я не буду жить.

Чандрани возвращался ночью от Гаури. Он шел по лесной тропинке, когда его ухо уловило какой-то посторонний звук. «Слон? — подумал Чандрани. — Но слоны по этой тропе не ходят». В следующий момент сильный удар сшиб его с ног. На него навалились двое, и один из них зажал ему рот, чтобы не кричал. Не успел Чандрани опомниться, как лежал уже связанным в сырой росистой траве. Над ним стояли вождь и жрец. Потом они приволокли его в тюрьму и заперли дверь на толстый сук. Вспоминая все это, Чандрани резко повернулся, и снова веревки врезались ему в тело. За стенами хижины стояло молчание глубокой ночи. Он обещал Гаури прийти этой ночью...

Он не пришел к Гаури ни этой ночью, ни следующей. Вождь продержал его в тюрьме целую неделю. Духовная власть явно сочувствовала Чандрани. Она ходила вокруг хижины и пыталась вести разговоры с узником. Но узник упрямо молчал. Тогда духовная власть возмутилась и сделала представление светской. Светская

задумалась. Как бы там ни было, а Чандранкани был выпущен. Это был первый и последний раз, когда духовная власть настояла па своем.

Ну, а Чандранкани? Он немедленно отправился к Гаури. Но не нашел ее больше. Гаури утонула в тихой реке, которая протекала около ее деревни и около деревни Чандранкани. Она утонула на третий день тюремного заключения Чандранкани, не дождавсь его. Целый месяц Чандранкани не появлялся в Куннатукале. Говорили, что его видели бродящим по лесу. Потом он вышел из лесу, отощавший, с блуждающим взором. Он ни с кем не хотел говорить. Часто садился около хижины-тюрьмы и целый день думал о чем-то. Своим видом он раздражал прежде всего Нараянанкани. И тот отослал его в дальнюю деревню. Чандранкани покорно, не возражая, отправился туда. Теперь он живет там. У него есть жена и дети. Но нет счастья, которое отняли у него вождь Нараянанкани и хижина-тюрьма. Иногда во сне он зовет Гаури. Но даже ее дух не может к нему прийти. Потому, что Гаури была из чужой деревни и из чужой касты ижава...

Второй раз в тюрьме сидел вор. Вор по имени Веллаянданкани. Где он научился воровать, никто не знает. Может быть, в чужих деревнях или в придорожных харчевнях, куда прибывается случайный и неустроенный люд. Воровать он начал давно. И воровал в своей же деревне. Воровал тапиоку на чужих полях, воровал горшки и деньги, когда представлялся случай. Нараянанкани смотрел на это сквозь пальцы. Просто он не знал, как к этому отнестись. В племенном кодексе такое преступление не значилось. Но в том, что это было преступление, вождь не сомневался. Он задумался над этой проблемой более серьезно, когда Веллаянданкани проявил к нему первое непочтение. Это уже был проступок. Нараянанкани пригрозил ему судом.

— Плевал я на твой суд, — сказал Веллаянданкани. — Для таких дел есть полиция. Но если ты пойдешь в полицию, пеняй на себя.

— Где ты научился так рассуждать? — возмутился Нараянанкани.

— Знаем где... — ухмыльнулся возмутитель спокойствия.

День ото дня он становился непочтительнее. И терпению вождя пришел конец. Состоялся суд, и Веллаянданкани угодил в деревенскую тюрьму. Оттуда он, как и полагается заправскому преступнику, бежал темной ночью. Но Веллаянданкани всего-навсего был каникаром. Он долго скитался по чужим деревням и маленьким городкам. Он не мог

стать настоящим вором. Для этого у него не хватало ни опыта цивилизованного гражданина, ни его цинизма. Он голодал и ночевал на тротуарах. Его самого обкрадывали и били. И он все чаще вспоминал свою деревню, утренние джунгли и даже хижину-тюрьму, которая была много лучше всего того, что он имел теперь. Его научили воровать, но не смогли научить неуважению к женщине. Его научили пить хмельную араку, но не смогли заставить забыть джунгли. Его научили азартным играм, но не смогли выработать в нем привычки обманывать и мошенничать. В конце концов он был только честным и открытым вором из племени каникаров. И такой он был не нужен тертому городскому отребью. Да и они ему были не нужны. Взаимопонимания между тем и другими не установилось. Конфликт обычно разрешался в драках. И страдающей стороной был, конечно, Веллаянданкани. Он не смог примкнуть ни к одной группе людей в этой чужой для него жизни. Ибо для этих людей он сам был чужим. И он решил вернуться в свое племя. Тогда он еще не знал, что и для своего племени он стал изгнанником.

Он появился в Куннатукале под вечер. Оборванный, голодный, грязный. Его тело ныло от многочисленных синяков и незаживающих ссадин. Блудный сын, вероятно, выглядел много приличнее. Первым, кого встретил Веллаянданкани, был жрец. Куттанкани остановился и в изумлении воззрился на пришельца.

— Ты? — спросил он.

— Я, — ответил Веллаянданкани.

— Так, — задумчиво произнес жрец. — А ты знаешь, что тебя изгнали из племени?

Веллаянданкани побледнел. Он хорошо знал, что это значит. Закон племени был беспощаден к изгнанникам. Но у него все-таки оставалась надежда. Небольшая, иллюзорная, но надежда. На плохо слушающихся ногах он поплелся к Нараянанкани. Вождь сидел на циновке перед своей хижинкой. Увидев Веллаянданкани, вождь сказал, что ему нет места в деревне.

— Мне много не надо, — охрипшим от волнения голосом произнес Веллаянданкани. — Я хочу жить среди своих. Разрешите, вождь, остаться.

Но Нараянанкани вспомнил всю непочтительность просящего, и в сердце его не нашлось места для жалости.

— Нет, — твердо сказал он. — Уходи. Нам такие не нужны.
— Но куда я пойду? — взмолился Веллаянданкани.
— Туда, откуда пришел.
— Но я не могу идти туда. Лучше я буду жить у тебя в тюрьме.
— Тюрьма для каникаров, — торжествующе засмеялся вождь. — А ты не каникар.

«Ты не каникар» — эти слова звучали в ушах Веллаянданкани, когда он плелся по лесной тропе. Он шел от одной деревни племени к другой. Но его нигде не принимали. «Ты не каникар», — говорили ему. Никто не предложил ему ни тапиоки, ни воды. Все племя знало, что Веллаянданкани — изгнанник. Три дня он скитался по округе и не смог найти ни рода, ни деревни, куда бы не дошел слух о его изгнании. Он копал корни в лесу и пил воду из ручьев. На ночь он взбирался на дерево и забывался тяжелой дремотой. У него не было даже тряпки, чтобы прикрыть плечи в эти холодные и сырые ночи. На четвертый день, обессиленный, он пришел в свою деревню. Но его вид не смягчил сердца вождя. Родственники и даже сестра не посмели к нему подойти. Таков был приказ вождя. И в десятый раз на униженные просьбы изгнанника Нараянанкани ответил «нет».

Веллаянданкани вышел за деревню. Здесь текла сквозь заросли тихая река. Пути назад не было. И места в своем племени тоже не было. Только эта река, переговариваясь с камнями о чем-то своем, не гнала его прочь. И Веллаянданкани вступил в эту реку, чтобы никогда уже не вернуться...

Теперь, по словам каникаров, неприкаянный дух Веллаянданкани по ночам тревожит вождя. Но если Нараянанкани справился с живым, то уж на духа он найдет управу.

Каждое утро, когда восходит солнце, Нараянанкани стоит у порога своей хижины. Немигающим взглядом он смотрит, как просыпается деревня. Проходящие каникары почтительно приветствуют его. Его, Нараянанкани-вождя. Того, кто блюдет законы племени и вводит свои. За оскорбление — порка, за ложь — штраф, за измену жене — бетель для всех мужчин, за измену племени — годы унылого существования без счастья и надежды на него, за непочтение к вождю — смерть.

Поклонник солнца

Деревня стоит под высокой горой, покрытой густым лесом. Гора напоминает корзину, поставленную кверху дном. Поэтому гора называется Куттамала — «Гора-корзина». Каждое утро на вершине горы совершается чудо. Сначала светлеет контур Куттамала. Птицы первыми чувствуют начинающееся чудо. Они приветствуют его пением. Вместе с птицами просыпаются Челлапанкани-жрец и его жена Амукутти. Амукутти зажигает медный светильник и ставит перед хижинкой. Желтый огонек мечется под порывами предрассветного ветра. Мечется, потом вытягивается, как будто тоже ждет чуда. Челлапанкани кладет перед светильником листья священного дерева «кува», а на листья — бананы. Ибо то, что свершится, должно получить свою жертву.

А небо над горой разгорается. Кажется, что кто-то зажег на ее вершине пожар. Большой красный пожар. И этот пожар перебрасывается с вершины на небо, и вот уже небо охватило красное пламя. Красное пламя — вестник самого чуда. Перед этим неистовым небесным пламенем желтый огонек, зажженный людьми, кажется слабым и беспомощным. Но он связывает людей с тем, что происходит там, наверху. Красное пламя постепенно набухает чем-то еще. Еще скрытым и тайным. Челлапанкани и Амукутти стоят молча, устремив широко открытые глаза на гору и небо над ней. Это происходит каждое утро, но привыкнуть к этому невозможно. Еще никому не удавалось привыкнуть к чуду.

И вот красное пламя разрешается потоком расплавленного золота. Оно течет по небу, и небо отвечает ему радостной голубизной. И в этом смешении золотого и голубого появляются прямые ослепительные стрелы, которые украшают корону самого чуда. Стрелы-лучи пронизывают небо, спускаются на землю и рассыпаются золотыми негаснущими искрами в листьях деревьев, зажигают разноцветные огни в каплях утренней росы.

Наступает самый главный момент. Из-за горы медленно и торжественно появляется яростный жаркий диск. Челлапанкани протягивает к нему руки. Темные руки долго ждавшего человека, руки, тоскующие по этому яростному теплу, и говорит:

О Великая богиня!

Будь благословенна,
Будь всегда с нами.
Прими это подношение
И возвращайся к нам завтра.

И Великая богиня Солнце-Сурья принимая подношение человека, салютует ему новой вспышкой лучей. Челлапанкани даже кажется, что она ему отвечает. Отвечает так: «Я здесь. Я всегда буду здесь. Встречай меня каждое утро. Приноси сладкие бананы и сочные манго. И я сделаю все, что ты хочешь». И Челлапанкани верит ей, Великой богине. Она его не обманывала.

Только однажды случилось несчастье. Челлапанкани был тогда мальчиком. Диск Великой богини стал вдруг меркнуть среди дня. Какая-то черная тень напозла на него. Жрец тогда закричал: «Злой дух! Злой дух хочет проглотить Великую богиню!» Но ни он, ни другие жрецы не знали, что это за злой дух. И вокруг все померкло. Замолчали птицы, и тоскливо завывали в деревне собаки. А тень неуклонно напозла на ослепительный диск и гасила его. И только корона обессилевших лучей боролась с черным злым духом. И тогда загремели барабаны по всем джунглям. Заскрежетали кокоры. Люди кричали в отчаянии, а жрецы читали все заклинания против всех злых духов сразу.

И Челлапанкани охватил непередаваемый ужас. Его маленькое тело была дрожь, он тоже кричал. А потом, обессиленный, упал на землю. И вдруг он услышал крики радости, крики победы. Он поднял голову и увидел, как черная тень злого духа сползает с солнечного диска.

И вновь ослепительные лучи легли на деревья, на стоящих в ожидании людей. И снова забили барабаны и заскрежетали кокоры. В их звуках пела победа. Злой дух побежден. Люди помогли своей богине. И она благодарно пролила вновь свет и тепло на их тела, охваченные судорогой ужаса и отчаяния. Челлапанкани запомнил этот день на всю жизнь. И очень боялся его повторения. Когда Великая богиня показывалась над горой, он каждый раз добавлял от себя: «Пусть злой дух не коснется тебя...».

С незапамятных времен появилась Великая богиня на небосклоне страны каникаров. Мы говорим солнце — оно. Каникары говорят — она. Она женщина, мать, богиня, создавшая все, что окружает каникаров. Без ее животворящих лучей невозможна жизнь. Каникары

говорят, что если в один прекрасный день Великая богиня не появится на небосклоне, произойдет много несчастий. Тапиока не вырастет на полях, деревни зачахнут без света и тепла, погибнут съедобные корни, улетят пчелы и уйдут звери. И людям ничего не останется, как лечь и умереть. Вот что такое ослепительно сияющая Великая богиня, Великая мать. Поэтому Челлапанкани каждое утро напоминает ей о себе и об остальных каникарах. Поэтому каждое утро он кладет для Великой богини бананы на листьях «кува».

Челлапанкани много знает о Великой богине. Он не знает только, откуда она появляется утром и куда уходит вечером. В одном он не сомневается, что гора Куттамала является ее прибежищем. Солнце восходит из ее каменного нутра.

Однажды Челлапанкани поднялся на гору, чтобы найти место, куда на ночь прячется Великая богиня. Он бродил среди каменных скал и валунов в поисках этого места. А Великая богиня стояла в небе и посмеивалась над его жалкими усилиями. Она сигналила ему лучами, стараясь объяснить, что гора Куттамала здесь ни при чем. Но Челлапанкани не понял этих сигналов. Он был упрям и настойчив. У него существовала своя точка зрения на этот счет. Здесь, на горе, он искал ей подтверждения. И наконец нашел. Под скалой лежал камень. Он был обожжен и прокопчен. Теперь Челлапанкани не сомневался, что это было то самое место, куда скрывалась на ночь Великая богиня. Он оставил около камня бананы. Пусть Великая богиня подкрепит перед сном.

Великая богиня — не только создательница и охранительница, но и Великий врач. К ней за помощью обращается Челлапанкани, когда уже все средства исчерпаны. Когда не помогают травы, заклинания, когда изгнанные из тела человека духи вновь поселяются в нем, когда земные боги оказываются бессильными. Рассказывают, что такое случилось с шестимесячным сыном Апокани. И вот тогда Челлапанкани стал просить Великую богиню спасти ребенка. Он просил ее три дня подряд. И на четвертый ребенок выздоровел. Великая богиня снизошла к мольбе жреца.

Каждая женщина знает, что Великая богиня зорко следит за появлением нового ребенка в племени. Новорожденный нуждается в ее благословении. Поэтому женщина на седьмом месяце беременности устраивает церемонию, которая называется «вагутху понгал». На семи

очагах она варит семь горшков риса для Великой богини. А к рису добавляет бананы и кокосовые орехи. И Великая богиня благословляет будущего каникара еще в утробе матери. Без этого благословения ребенок родится слабым и больным. Заодно будущая мать в этот день подкармливает и лесных духов. Мало ли что они могут сделать. Великая богиня далеко, в небе, а лесные духи — рядом, и с ними лучше жить в мире.

Солнце — женщина. Луна — мужчина. Мужчина — только слабое отражение женщины. Бог Луна тускло подражает богине Солнцу. Богу Луне стыдно за свое бессилие, и поэтому он появляется только ночью, когда сияющая богиня отправляется на покой в гору Куттамала.

В биографии Луны есть много сомнительных моментов. Родила Луну огромная королевская кобра. Но Луна был непочтительным сыном и однажды отказался дать родительнице бетель. И в наказание за это кобра время от времени закрывает Луну своим капюшоном. Она раздувает капюшон, потому что сердится на непочтительного сына. Но в такие ночи каникары не бьют в барабаны и не кричат в отчаянии. Они знают, что Луна снова появится. Ну, а если не появится, то ничего от этого не изменится.

И еще на Луне есть пятна. Пятна вот почему. Однажды Луна решил прогуляться по лесу. Ведь были времена, когда Луна жил на земле. Он гулял по лесу, утомился и решил вздремнуть в кустах. А в это время шел охотник каникар. Увидел, что-то блестит в кустах, и подошел посмотреть. Луна отливал серебром, как дорогое ожерелье. И каникар решил взять это ожерелье и отнести жене. Как только он коснулся Луны руками, тот испуганно вздрогнул и в страхе подпрыгнул. Подпрыгнул до самого неба, да так там и остался. А следы рук этого охотника до сих пор на нем видны.

Какими бы качествами ни обладал Луна, а все-таки это бог. Даже такой бог достоин поклонения. И поэтому в каждую ночь полнолуния Челлапанкани кладет бананы для бога Луны, а Амукутти зажигает медный светильник. Челлапанкани ничего не говорит Луне. Бог Луна должен сам знать, что Челлапанкани положил бананы для него.

Бог Луна тоже занимается врачеванием, но не так успешно, как Солнце. Луна может излечить только от кашля. Челлапанкани хорошо знает всю силу и все слабости бога Луны. Он не очень себя утруждает, поклоняясь ночному светилу. Иногда он забывает даже подносить ему

бананы. Великая богиня-Солнце — совсем другое дело. И Челлапанкани каждое утро на рассвете выходит из своей хижины, смотрит на гору Куттамала и ждет чуда. И чудо совершается.

6

Злой дух высшего класса

Вторую педелю Аччупанкани не мог подняться с циновки. Он лежал на спине, вытянув ослабевшие руки вдоль тела. Временами его трясло, и тогда крупные капли пота выступали на его побледневшем лбу, а закопченные бамбуковые бревна хижины начинали уплывать вместе с дымом очага куда-то вверх. Мать поддерживала в очаге огонь день и ночь, но огонь был почему-то холодным и не согревал. Когда Аччупанкани переставало трясти, у него не было сил откинуть со взмокшего лба спутанные пряди волос. Потом все начиналось снова, и Аччупанкани метался, кого-то звал, с кем-то разговаривал. Тапиока, приправленная красным перцем, растертым с солью, которую мать положила перед ним, оставалась нетронутой. Аччупанкани толькопил. Пил много и жадно. Особенно после приступов. Мать варила в горшке целебные травы и давала настой Аччупанкани. Но он отказывался. Его раздражал и пугал горьковатый вкус настоя.

Аччупанкани слег вечером того же дня, когда вернулся из джунглей. Туда он отправился накануне, надеясь найти мед и подстрелить диких голубей. Меда он не нашел, голуби куда-то улетели. Тогда Аччупанкани вспомнил место, где росли дикие ягоды. Маленькие, жесткие, кисловатые на вкус. В прошлом году это место ему показал старший брат. Аччупанкани казалось, что он хорошо помнит тропу, которая вела в заросли кустарника, где росли ягоды. Он зашагал по этой тропе, но через некоторое время сбился. Знакомых примет не было. Он хотел повернуть назад, но мысль о ягодах не давала ему покоя. Он знал, что они должны быть где-то здесь. А потом он попал на это болото. Его коричневая жижа пахла приторно и неприятно. Болото было каким-то зловещим. Здесь даже не пели птицы. И только временами что-то ухало и стонало в зарослях высокой, с острыми длинными листьями травы. Аччупанкани показалось, что болото небольшое и он сможет перейти его по кочкам. Само болото его не пугало. Он боялся другого. Он знал, что обычно в

таких местах гнездятся неприкаянные злые духи. И уж если они возьмутся за дело, то могут завести куда угодно. В траве опять что-то ухнуло и забило крыльями. Аччупанкани остановился в нерешительности. Еще можно было вернуться. «Испугался болота, — с неприязнью подумал он о себе. — Небольшого болота». И шагнул на кочку.

Так, прыгая с кочки на кочку, Аччупанкани продвигался к противоположному берегу. Но этот берег почему-то все не показывался. Он поднял голову и увидел вокруг себя только болото. Не было даже травы с длинными острыми листьями. То, что он принял за другой берег, оказалось маленьким ненадежным островком. Теперь он не знал, как вернуться обратно. Он подумал, что злой дух сбил его с пути. Он шепотом прочел заклинание, но от этого болото не сделалось меньше, а тропинка на нем не появилась.

Всю ночь он проплутал по болоту, и каждый раз, когда он слышал непонятный всплеск или уханье, его сердце громко стучало. «Только бы злой дух не вселился в меня, — думал он. — Иди, иди стороной, не трогай меня», — уговаривал он духа.

И только когда взошла Великая богиня и осветила своими лучами все вокруг, Аччупанкани увидел, что он метался всю ночь недалеко от берега.

Он вернулся в деревню к полудню грязный, голодный и обессиленный. Но никому ничего не сказал. Даже матери. Он думал, что все обойдется. К вечеру его стало трясти, и он слег. И лежал уже много дней.

— Амма, а амма! — позвал он хриплым и слабым голосом. — Приведи Нарайяну.

— Хорошо, хорошо, — засуетилась старуха. — Это надо было давно сделать. Ведь всем ясно, что с тобой.

Пришел Нарайяна-жрец и сел на циновку рядом с больным.

— Злой дух вселился в тебя, от него вся болезнь. Вот только какой?

И Нарайяна, загибая пальцы, стал перечислять всех умерших в деревне, чьи духи по разным причинам стали злыми и давно бедокурили в округе.

— Лакшми, — задумчиво сказал Нарайяна. — Эта может. Она и при жизни могла сделать что угодно. А уж после смерти и совсем разгулялась. Только причин вселяться в тебя у Лакшми нет. Нет. — И

Нарайяна покачал кудлатой головой. — Или, например, Куттан. Но его вчера видели в лесу, значит, это не он.

В это время холодные жесткие пальцы сжали грудь Аччупанкани. Его стало трясти, глаза помутнели. И отрывки бессмысленных фраз срывались с его запекшихся губ.

— Все ясно, амма, — сказал Нарайяна матери Аччупанкани. — В него вселился злой дух. Я не знаю его имени. Но это злой дух самого высшего класса (жрец так и сказал: «высшего класса»). Смотри, как он его ломает. Готовь сына. Я буду изгонять духа.

И Нарайяна вышел из хижины.

На следующий день Нарайяна-жрец сделал две деревянные фигурки. Добрый дух был вырезан из сандалового дерева, злой — из дерева канирам. Того дерева, что приносит горькие плоды. Каждую из этих фигурок он поместил в отдельный глиняный горшок. Горшки прикрыл банановыми листьями. «Теперь пусть ждут», — удовлетворенно подумал Нарайяна. Пришли два помощника жреца и принесли дрова для костра. Только определенные сорта деревьев можно жечь в этом магическом костре. А их пять: хлебное дерево, «каннирам», «атти», «итти» и «араси». Все они, кроме хлебного дерева, дают горькие и кислые несъедобные плоды. Вспыхнул огонь, зажженный трением палочек. И Нарайяна сказал, что все идет, как надо.

— Эй, Аччупанкани! Выходи! — крикнул он.

Мать вывела больного, который с трудом передвигал ослабевшие ноги. Аччупанкани посадили неподалеку от костра. Нарайяна ритуальным мечом очертил магический круг вокруг Аччупанкани. Теперь вселившийся в больного дух, злой или добрый, не выйдет из этого круга. Нарайяна сделал знак помощникам. Один из них забил в барабан, а другой стал скрежетать железной кокорой. Нарайяна, не расставаясь с мечом, опустился рядом с ними и, глядя в огонь магического костра, высоким голосом запел заклинание против злого духа высшего класса:

Пусть земля живет,
Пусть горы стоят,
Пусть стекает воздух на землю,
Пусть сверкают звезды,
Пусть восходит солнце,
Пусть серебряной будет луна,
Пусть будет юг, и пусть будет бог,
И все те, кто живет на горах.
Их зову я, им молюсь я,
Я вижу пальму,
Стройную, как богиня,
Я вижу у пальмы термитник.
Внутри термитника вижу горшок.
Глиняный красный горшок.
Горшок, наполненный кровью,
Три бога отдали свою кровь.
Вижу кровь Чамунди,
Вижу кровь Маламурти,
Вижу кровь Кодавамурти.
Но кровь богов голубая.
Пусть не смешивается с красной.
Боги спускаются вниз,
Спускаются предков увидеть.
Увидеть их на нашей земле.
Мы, каникары, приносим им жертвы.
Мы даем им бананы, кокосы и рис,
И за это они, наши боги,
Защитят нас от духов злых.

Гремел барабан, скрежетала кокура, пел, временами переходя на крик, Нарайяна. Аччупанкани плохо понимал слова заклинания. Он, сидел, полузакрыв глаза, и ему казалось, что ветер раскачивает его худое, ослабевшее тело. Он пытался противостоять этому ветру и не мог. От слабости и дыма кружилась голова. А Нарайяна, громко прокричав последние строки заклинания, вскочил на ноги и стал прыгать, размахивая мечом. Барабанщик сбился с ритма, а Нарайяна прыгал, кричал и корчился. Каникары говорили, что бог овладел им. Тот самый бог, который поможет изгнать из Аччупанкани злого духа.

Потом жрец подскочил к Аччупанкани, взмахнул мечом и далеко его отбросил. Нагнулся к больному, схватил его за голову и стал трясти ее. Аччупанкани почувствовал, как тошнота подступает к горлу. Ему показалось, что он умирает. Хижины, деревья, костер, Нарайяна и барабанщик неслись куда-то в бешеном хороводе.

— Открой рот! Открой рот! — закричал Нарайяна.

Аччупанкани с трудом понимал, что от него хотят, но он помнил, как Нарайяна проделывал это с другими. И судорожно глотнув воздух, Аччупанкани открыл рот. Ведь злой дух выходит через рот.

Наступил самый ответственный момент. Нарайяна взмахнул рукой перед открытым ртом больного и сжал руку в кулак. Так дети ловят бабочек. Но это дети. А жрец ловил злого духа. Последние силы покинули Аччупанкани, и он, пошатнувшись всем торсом, неловко завалился набок. Но Нарайяна не обращал на это внимания. Он прыгал и кричал:

— Поймал! Поймал!

И, воздев темный кулак к небу, победно потрясал им.

— Поймал! Поймал!

Помощник перестал бить в барабан и поднес глиняный горшок с фигуркой злого духа жрецу. Нарайяна сунул кулак в горшок и осторожно разжал его. Потом дунул на фигурку и потряс горшок. Злой дух удачно поместился в фигурке. Он оказался покладистым. Но бывают очень упрямые духи. Не хотят входить в фигурку. Тогда Нарайяна приносит в жертву петуха и наполняет горшок петушиной кровью. Фигурку бросают в горшок с кровью, и только тогда упрямый злой дух соглашается войти в нее.

Родственники подняли Аччупанкани из магического круга и унесли в хижину. Нарайяна извлек фигурку злого духа из горшка и бросил ее в огонь. Но злые духи бывают коварны. Притворятся, что вошли в фигурку, а на самом деле остаются в горшке. Нарайяну и его помощника провести трудно. Помощник отнес горшок в ближайшие заросли. Там он расстелил банановые листья, побрызгал их водой и опрокинул горшок на листья. Если злой дух остался в горшке, то ему теперь оттуда не выбраться. И помощник начал длительные переговоры со злым духом. Он грозил ему пальцем, шептал и уговаривал и делал это до тех пор, пока не добился обещания больше не шкодить. Нарайяна, получив счастливое известие о благополучном

завершении переговоров со злым духом, забил в барабан и запрыгал. Церемония изгнания духа кончилась этой победной барабанной дробью.

Теперь больной должен был обязательно выздороветь. Он и выздоровел... через неделю. Всю эту неделю мать поила его настоем целебных трав...

7

Тысяча мелочей

У каждого племени есть свои боги и духи. Иногда много, иногда мало. У каникаров их больше, чем у всех. Тысяча один. Не удивляйтесь, именно так. И разобраться в этом множестве богов и духов бывает очень трудно. Жрецы нередко путаются. И даже такой опытный жрец, как Куттанкани из деревни Куннатукаль. Но при этом он проявляет большую мудрость и практическую сметку.

Он собрал всех богов и духов в одно место. Некоторых из них можно перечислить. Великая богиня Солнце-Мартандан, богиня Мариамма, богиня Тхампуранкутти-амма, Падача Тхампуран, Иллаккаллу Сами (говорят, что мир создал он), Тхируватупара Айян, помощник Иллаккаллу Сами, Вадассерикотта, Адивалли, Тхампуран, Коттур Тхампуран, сто пятьдесят лесных духов — саста, сто пятьдесят простых духов — валия чувакал, сто малых духов предков — черия чувакал и т. д. и т. п. Я уже не говорю о родовых божествах, об особо выдающихся духах и известных духах предков. Короче говоря, нет никакой возможности перечислить все тысяча одно сверхъестественное существо, требующее поклонения. Как я сказала, мудрый Куттанкани для удобств этого поклонения собрал всех в одном месте. Сотни богов и духов обитают в одной священной роще-храме, которая расположена в овраге за деревней Куннатукаль. У каждого бога или группы богов есть свое дерево или камень. У духов — тоже. Здесь им молятся, здесь приносят им жертвы, здесь танцуют в их честь.

Куттанкани ведет меня в эту священную рощу и с удовольствием исполняет обязанности гида. С его помощью я пытаюсь разобраться в этом многочисленном пантеоне богов и духов каникаров. Правда, сначала я хочу понять, кто есть бог и кто дух, с точки зрения тех же

каникаров. В других племенах разобраться в этом нет никакой возможности. Но у каникаров есть жрец Куттанкани, который в молодости занимался классификацией божеств и кое-чего в этом достиг. Так кто же есть бог?

— Бог, который приказывает, — говорит Куттанкани. — Ну, вроде вождя — мутукани.

— Понятно, — радуюсь я. — Ну, а дух?

— Дух? — Куттанкани на минуту задумывается. — Дух исполняет приказ бога. Ну, как, например, плати-жрец должен исполнять веление вождя.

— Значит, Нараянанкани — бог, а ты — дух? — уточняю я.

— Вот-вот, — кивает головой Куттанкани. — Ты правильно поняла.

И мой гид продолжает вести меня по священной роще. Роща большая. Она покрывает пологие склоны оврага, спускается вниз к сырому его дну, туда, где сумеречно и прохладно даже в солнечные дни. На склоне, среди серых валунов, стоит огромное дерево. Оно называется «нала». Здесь обитают и боги и духи. В общей сложности девять персон: Якши, Мадан, Чамунди, Гандарван, Кодавамурти и т. д. Девять банановых листьев вместе с другими подношениями кладут каникары перед этим деревом. Они очень чтят Якши. Но Якши — дама противоречивая. Она почему-то не принадлежит к основному сонму богов и духов. Она сама по себе. Я подозреваю, что она сочетает в себе качества бога и духа. Ее смешанное происхождение не дает ей возможности занять полноправное положение среди богов. Ее главный недостаток состоит в том, что она не может лазить по деревьям. Остальные боги могут, а она — нет. И еще у нее есть одно сомнительное занятие. Она сосет кровь. Может высосать кровь из птицы и даже из муравья. Больше всего ей нравятся муравьи. Поэтому все муравьи в священной роще, утверждает Куттанкани, обескровленные. Якши вселяется только в тело женщины. Мужским телом она брезгует. Но вся сложность ее теперешнего положения в том, что Куттанкани полностью поработил бедную «кровососку» Якши. Сама она в тело вселиться не может. Она делает это только по велению жреца Куттанкани.

— О! — говорю я восхищенно. — Так ты даже имеешь власть над богами?

— Конечно, — самоуверенно отвечает Куттанкани. — Это там, — он машет рукой в сторону деревни, — распоряжается Нараянанкани, а здесь я хозяин. Никто без меня ничего сделать не может. Даже боги. Слушай, — неожиданно предлагает мне жрец. — Хочешь, я вгоню Якши в твое тело?

— И что потом будет? — интересуюсь я.

— Будешь сосать кровь из муравьев и говорить голосом Якши, — спокойно объясняет Куттанкани.

— Но здесь и подходящих муравьев нет. Все обескровлены.

— Найдем нужных, — не совсем уверенно говорит Куттанкани. — А если нет, возьмешься за птиц.

— Нет, — говорю я. — Мне это не подходит.

— Ладно, — соглашается Куттанкани. — Тогда продолжай разбираться. Может, кто и подойдет. Я могу в тебя вогнать любого бога или духа. Только ты сама выбери.

— Хорошо, — киваю я. — Как только кто понравится, сразу скажу.

Ну и всемогущий жрец, этот Куттанкани. Подумать только — кого захочет, того в тебя и вселит.

— Они у меня все под контролем, — без излишней скромности заявляет Куттанкани. — Захочу, и вся тысяча богов в меня вселится.

— Ну да! — поражаюсь я.

— Я тебе говорю сущую правду, — довольно смеется Куттанкани.

— Ну и как же ты тогда управляешься со всей тысячью?

— Как хочу! И тогда даже вождь Нараянанкани мне не указ! — И, понизив голос, добавляет: — Он меня тогда боится.

Тропинка выводит нас к четырем деревьям. Они стоят в роще как-то особняком. Каникары называют эти деревья «нала», «чела», «мариду» и «бараня». Здесь и обитает основная тысяча богов. Всю тысячу иногда называют Айравили.

В месяц «кумбам» (февраль), когда солнце входит в созвездие Водолея, сюда приходят каникары и кладут тысячу банановых листов на тропинку. Они приносят богам рис, кокосы, орехи арековой пальмы, бетель, бананы. Около трех камней, символизирующих Айравили. Куттанкани убивает в честь богов козла и петуха. И начинается пир. Поев, боги становятся добрыми и охотно выполняют просьбы каникаров. А Куттанкани произносит свою главную молитву. Она звучит примерно так:

«Создатель всего Иллаккаллу Сами, богиня Тамбуратти, тысяча один лесной дух, сто один дух предков, сто один малый дух! (Тут Куттанкани сбивается и быстро завершает перечисление тех, к кому обращается.) Примите наши подношения! Мы живем в джунглях. Защитите нас и наших детей. Защитите нас от холеры, лихорадки и других болезней. Мы надеемся на вас. У нас больше никого нет, на кого бы мы могли надеяться в джунглях».

Каникары танцуют под четырьмя деревьями около трех камней. Бедную Якши на пир боги не пускают. Ей достаются только обескровленные муравьи. И происходит это потому, что Якши принадлежит к злым силам.

Все сотни богов и духов раз и навсегда поделены каникарами на злых и добрых. И они утверждают, что, когда пируют добрые, злые сидят и с завистью смотрят на пиршество. И наоборот. Но есть несколько божеств, которые умудряются быть гостями и тех и других.

Боги и духи каникаров — очень активный народ. Они участвуют во всех важных событиях. И за это участие их надо кормить. Попробуйте этого не сделать! Поэтому каникары, идя на охоту, ублажают лесных духов. Расчищая джунгли для полей, делают подношение тысяче богов. Собирая урожай, приносят жертвы божественным покровителям.

Мы обошли с Куттанкани всю священную рощу. Здесь живет тысяча и один бог и дух. Боги и духи — на все вкусы и характеры. Приходи и выбирай. И всегда найдешь нужного тебе. Как в магазине «Тысяча мелочей».

Птичья деревня

Рядом с большим деревом девочка копала съедобные корни. Около дерева рос красный цветок. Он был похож на маленький кочан капусты на длинной ножке. Только вместо капустных листьев у него были толстые красные лепестки. На дереве сидела черная говорящая птица. Склонив голову набок, она наблюдала за девочкой и время от времени что-то ей говорила. Девочка слушала, а потом поднимала палец, измазанный землей, и грозила птице. В муравейнике возились красные кусачие муравьи. И птица то следила за девочкой, то за муравьями.

— Как тебя зовут? — спросила я девочку.

Она подняла голову, как-то печально посмотрела на меня и отвернулась.

— Как тебя зовут? — еще раз спросила я ее.

— У меня нет имени, — сказала девочка.

— Не может быть! — удивилась я.

— Есть! Есть! (Иры! Иры!) — прокричала птица.

Девочка поднялась, сердито посмотрела на птицу и погрозила ей кулаком. Потом взяла корзинку, на дне которой лежали корни, и, не оглядываясь, пошла по тропинке.

А в это время Ичикани крадущимся шагом подбирался к большому дереву с другой стороны. В руках у него был лук-праца. Ичикани хотел подстрелить говорящую птицу. Птица с интересом наблюдала за ним. Ичикани встал на цыпочки и, подгибая колени, двигался вдоль корневищ дерева. Длинный нос Ичикани от этих движений стал как будто еще длиннее. Ичикани никого не замечал, кроме говорящей птицы. Он даже не заметил, как из кустов вышла Сароджини. У Сароджини тоже был лук, и она напоминала амазонку древних лесов (может быть, она ею и была). Короткая юбка Сароджини не доходила до колен, а тело, обнаженное до пояса, было гибким и темным. Она вскинула лук, прицелилась и спустила тетиву. То же самое сделал и Ичикани. Но Ичикани промахнулся. Говорящая птица взмахнула крыльями и еще раз прокричала: «Иры! Иры!»

Ичикани этого уже не видел и не слышал, потому что к его ногам упал зеленый попугай. Ичикани оторопело уставился на него. Потом протер глаза и тряхнул головой. Он никак не мог понять, каким образом черная птица превратилась в зеленого попугая.

— Понятно, — глубокомысленно произнес Ичикани после некоторого раздумья. — Я знаю, чьи это штучки.

И наклонился, чтобы подобрать убитого попугая.

— Эй, Ичикани! Не трогай, это мой! — крикнула Сароджини.

— А! — рассмеялся Ичикани. — Так это ты его подстрелила? Я уж думал, меня лесной дух попутал. А это только ты. — И Ичикани засмеялся с явным облегчением.

Сароджини гибко скользнула в заросли и подобрала попугая.

И мы все трое двинулись по тропинке. По ней ушла от говорящей птицы сердитая девочка. Тропинка вела в деревню каникаров, которая называлась Киликод — «Птичья деревня».

Утро только что начиналось, но все жители деревни уже были при деле. Ичикани и Сароджини охотились. Сердитая девочка копала коренья. Чинни сидела с сосредоточенным видом и плела очередную корзинку. Ариви стояла с удочкой на берегу горной реки и ловила рыбу. Малан делал ловушку для крыс. Жрец Маланкани раскладывал рисовые зерна и по ним пытался выяснить, когда может состояться следующая церемония в честь духов предков в Киликоде. А Ирейманкани ругался с женой. Он начал это делать вчера вечером. Сегодня с утра продолжал. Паркави, сухощавая, ловкая, как ящерица, со вчерашнего вечера сидела в «веллака пере» — запретной хижине. Хижина эта — табу для любого мужчины. Он не может даже близко подойти к ней. «Веллака пера» — небольшое бамбуковое строение с широким дверным проемом, стоящее почти в центре деревушки. Каждая женщина деревни удаляется в эту хижину на несколько дней в месяц. На это время она исключается из жизни деревни. Паркави сидела в «веллака пере» не потому, что пришли дни ее изоляции. Она села в нее, потому что не хотела иметь дела со своим мужем Ирейманкани.

Паркави была очень сердита на мужа. Все произошло вот из-за чего. С некоторых пор около хижины Паркави и Ирейманкани стал появляться Мадиянкани. Мадиянкани приходил из соседней деревни. С утра садился у порога полюбившейся ему хижины, лениво

перебрасывался скупыми словами с ее хозяином и не спускал глаз с хозяйки. Он сидел на корточках, обхватив сильными руками голые колени. Паркави целый день сутилась по хозяйству и изредка бросала на гостя быстрые взгляды. Паркави была прекрасной хозяйкой. Дворик перед ее хижинкой был всегда чисто выметен, в самой хижине на глиняном полу ни соринки. В углу лежали аккуратно свернутые циновки. Вдоль бамбуковой стены висели плетеные полки. На них в идеальном порядке были расставлены глиняные горшки, бамбуковые сосуды, ложки, сделанные из скорлупы кокосового ореха. Даже очаг в этой хижине дымил аккуратно и не оставлял на бамбуковых стрехах крыши лохматых налетов копоти. Все знали, какая хозяйка Паркави. Мадиянкани тоже знал. Однажды, когда не было Ирейманкани, он вошел в хижину. Паркави сидела у очага. И огонь играл на ее гладкой блестящей коже. У Паркави были прикрыты только бедра куском красной ткани. И Мадиянкани залюбовался женщиной. Сначала она его не заметила. Но потом подняла голову, и ее брови удивленно сошлись на переносице.

— Ох! — сказала Паркави и опрометью выскочила из хижины, устремившись прямо в лес. Мадиянкани растерянно потоптался на месте и вышел из хижины. Паркави нигде не было видно. «Ну что за женщина! — подумал Мадиянкани. — Никогда не знаешь, как она поступит». В тот день он в недоумении ушел в свою деревню.

Мадиянкани был молод и не знал, как обращаться с женщинами. А Паркави ему нравилась. Нравилась, как ни одна женщина в племени. И тогда он решил поговорить со жрецом. Жрец был старый и седой. И его темное сморщенное лицо напоминало орех арековой пальмы. На лице жреца было столько борозд, как и на орехе. Он пережил трех жен и знал разные заклинания. Некоторые из них были не понятны Мадиянкани. Когда однажды он попросил объяснить одно заклинание, жрец сказал ему:

— Тайное не объясняется. Тайное слушается сердцем.

Мадиянкани еще не умел слушать сердцем, и поэтому тайное для него осталось тайным. Однажды жрец заклинал лесного бога. Мадиянкани запомнил слова:

Когда мы сидели, мы видели
Мать, Самудьяраву, смерть и Шиву.
Мы видели жертвоприношение,
Мы видели слонов,
Мы видели правду,
Мы видели человека,
Стоявшего с луком и стрелами.
Видели внутренним взором
Тетиву, рассеченную мечом,
Завязанную узлом,
Запертую на замок.
Нацеленное попало в цель.
Удар был предотвращен.
Ловимое поймано.
Натянутое выпущено.
Сто восемь разных вещей,
Тысяча восемь звуков.
Песчаные земли и холодные ветры
Постепенно кончились.
Мы сидели в деревне
И не видели его тела.
Он видел всех и все.
Отдыхай на воздухе.
Не о чем говорить.
И небо над нами.

Он запомнил эти неясные слова и туманные намеки. Он знал, что это тайна. И в этой тайне сила. И сила эта могла проявиться во всем.

Жрец внимательно выслушал Мадиянкани.

— Охо-хо! — сказал он. — И ты остался на месте, когда Паркави убежала в лес?

Мадиянкани подтвердил.

— Какой же ты после этого каникар? — возмутился жрец. — Она тебе подала знак, а ты, как дерево, остался на месте.

Мадиянкани усиленно засопел. Ему было неприятно, что он так промахнулся.

— Ну и что теперь делать? — беспомощно спросил он жреца.

Жрец внимательно посмотрел на него маленькими слезящимися глазками.

— Я дам тебе тайное, — понизив голос, сказал он. — Тайное заклинание для приворота женщин. Прочтешь семь раз. Слушай и запоминай. И жрец тонким надтреснутым голосом запел:

О молодая женщина
С маленькими грудями
И влекущим лоном,
Приди, приди, приди.
Приди, как собака,
К моим ногам
И останься со мной.
Приди с радостью
И останься со мной.

Мадиянкани слушал и запоминал. Жрец сказал, что надо набрать пепла в руку, но так, чтобы ни одна женщина не видела. Повторить семь раз заклинание и вымазать этим пеплом лоб. В тот день Мадиянкани подстрелил двух кроликов и отдал их жрецу. Вечером он сделал все так, как велел жрец. Но к Паркави пошел только через неделю. Ему было стыдно перед ней, что он не понял ее знака. Паркави носилась по дворику, юркая и ладная. Увидев Мадиянкани, она остановилась и спросила:

— Почему так долго не приходил?

Мадиянкани не нашелся, что ответить. Он подумал только, что тайное заклинание подействовало.

В этот день Паркави предложила ему стать ее мужем. Вторым мужем. Ведь когда-то у женщин в племени каникаров было по несколько мужей. И все были довольны.

И мужчины и женщины. Теперь это случается редко, но все-таки случается. Мадиянкани согласился. И вот тогда в семействе вспыхнул скандал. Ирейманкани сказал — нет. Паркави объяснила ему, что его это лично не касается. Она его предупредила, а не просила разрешения, и пусть он со своим «нет» убирается куда хочет. Ирейманкани убираться никуда не хотел. И тогда Паркави удалилась в «веллака перу» с таким видом, будто она хотела остаться там на всю

жизнь. И вот теперь с самого утра Ирейманкани громко взывал к совести жены.

— Паркави! А Паркави! Выходи.

— И не подумаю! — отвечала Паркави. — Живи теперь один.

— Паркави! А Паркави! Выйди на немного. Мне надо тебе что-то сказать.

— Говори! Я и здесь слышу.

— Долго ты там будешь сидеть?

— Сколько захочу, столько и просижу, — упрямо отвечает Паркави.

Но вот Паркави надоело пререкаться, и она молчит. Молчит упрямо, рассерженно и враждебно. И я знаю, что к вечеру Ирейманкани сдастся, и Мадиянкани станет полноправным членом его семьи.

Пока Ирейманкани и Паркави ссорились, Малан, их сосед и двоюродный брат Ирейманкани, вернулся из джунглей. Его трофеи — два крота, попавшие в ловушку, и связка мелкой рыбешки, выловленной в ближнем потоке. Малан садится под навесом, где обычно происходит совет деревни и где живут гости. Под навесом лежат полуобгоревшие бревна. Вчера мы обогревались их огнем. Малан опирается спиной о центральный столб навеса и начинает разговор. У Малана глубоко посаженные глаза, слегка приплюснутый нос и шапка густых выющихся волос. Его живое выразительное лицо находится все время в движении. Малан рассказывает о себе, о своей деревне, о родственниках, о жене, о племени каникаров. Весь рассказ он сопровождает точными и выразительными жестами. Если бы он только жестикулировал, то все равно было бы ясно, что он хочет этим сказать. Я слушаю Малана и посматриваю на деревню. Там продолжается обычная для каникаров и необычная для меня жизнь племени.

Деревня небольшая, глубоко спрятанная в джунглях. На хорошо расчищенной площадке стоит семь аккуратных бамбуковых хижин, крытых пальмовыми листьями. Семь хижин для жилья, восьмая «веллака пера», где сегодня обитает упрямая Паркави. Чуть поодаль находится загон для коз. Между хижинами бродят низкорослые поджарые куры. Деревня начинается сразу у банановой рощи, которая переходит в заросли арековой пальмы. За этими зарослями джунгли. Безлюдные на много миль.

В глубь джунглей

— Без приключений жизнь была бы не интересной, — сказал господин Кришнан. — Мы пойдем и найдем этих людей.

— Правильно, — согласилась я. — Без приключений в этом мире не проживешь. И мы, действительно, этих людей найдем.

«Эти люди» — опять каникары. Те, которые еще живут на деревьях в глубине густых и труднопроходимых джунглей. Те, которые практически не общаются с внешним миром. Раз в десять лет к ним забредает кто-то из лесников. На том контакты с внешним миром кончаются. И поэтому уехать и не повидать таких каникаров невозможно.

Мы начали с того, что развели, где находятся такие каникары. Они обитали в центре лесистых Слоновых гор (Аннаималаев), которые лежали к югу от Арьянада, где находилась Птичья деревня. Мы знали, что по их владениям протекает река Нейяр, берущая начало в одноименном озере. Вот и вся имевшаяся у нас информация. Проводника нам не удалось достать. Просто никто не решился идти в незнакомые джунгли опасных Слоновых гор, где на каждой тропинке бродят дикие слоны и тигры. И тогда господин Кришнан произнес свою знаменитую фразу: «Без приключений жизнь была бы неинтересной», — которая решила дальнейшую судьбу нашей экспедиции.

И вот наш «Викинг» на берегу озера Нейяр. Огромное зеркало воды, окруженное туманными лесистыми горами. Плотины, которую здесь недавно построили, превратила озеро в водохранилище. Здесь же небольшой поселок, где живут работники Нейярского заповедника. Мы знали, что у них есть моторные лодки. Только с их помощью мы могли попасть в устье реки Нейяр, которая протекала где-то там, за огромным водным зеркалом и туманными горами. Мы пошли к заместителю администратора заповедника. Им оказался грузный приветливый человек, который был удивлен и обрадован нашему появлению.

— Давненько к нам никто не забредал, — сказал он, пожимая наши руки. — Надолго к нам?

— Как сложится работа, — уклончиво ответили мы.

— Опять работа! — воскликнул заместитель администратора. — Вы посмотрите, какая кругом красота! А вы — работа. Слушайте! — оживился он. — Погостите у меня недельки две, а потом принимайтесь за какую угодно работу. А? Ну что вам стоит?

— Многого, — сказала я. — И вообще нам нужна моторная лодка.

— Хоть две, — всплеснул он пухлыми руками. — Катайтесь себе целый день по озеру, а вечером жена вам приготовит такой ужин! Вы пробовали настоящую индийскую пищу? — обратился он ко мне.

— Мадам пробовала все, — ответил за меня господин Кришнан. — Включая съедобные корни, которые копают местные племена в джунглях.

— Корни? — в ужасе взмахнул руками заместитель администратора. — И много же вы их съели?

— Последнюю неделю я только их и ела.

— Чудовищно! Непостижимо! — всполошился заместитель. — Я сейчас же велю вас накормить.

— Я не голодна, — сказала я. — Я уже привыкла. Нам действительно нужна моторная лодка и как можно скорее.

— Но почему так срочно? — заинтересовался наш гостеприимный хозяин. — Куда вы на ней хотите ехать?

— К нейярским каникарам.

— Это те, что на деревьях?

Мы молча кивнули в знак согласия.

— Нет! — закричал заместитель администратора. — Я знаю, вы оба решили меня довести до инфаркта. Вас там съедят тигры, растопчут слоны. Не говоря уже об остальном. А я предлагаю вам комфортабельное жилье, полный покой и доброкачественную пищу. И что вы за люди?

— Жизнь без приключений была бы неинтересной, — прокомментировала я.

— Мадам! — поднялся решительно заместитель, — Я устрою вам любое приключение. Но это будет приятно и безопасно. Я обещаю вам...

— Безопасное приключение уже не приключение, — мрачно вставил господин Кришнан.

— Пожалуй, вы правы, — грустно заметил заместитель администратора, снова опускаясь в кресло. — Раман! — крикнул он в окно.

На пороге появился парнишка в гимнастерке и шортах цвета хаки.

— Раман, — сказал хозяин, — возьми лодку и переправь их в устье Нейяра да заодно покажи, как пройти к первому поселку каникаров. А там пусть управляются сами.

— Я точно не помню, как туда идти... — забормотал Раман. — Я ведь был там только однажды и давно. Лет пять назад.

— Вспомнишь. А не вспомнишь, покажешь хоть направление. Да, кстати, переправь их до захода солнца. Пусть они попытаются пройти джунгли до того, как все зверье потянется на водопой. Понял?

— Понял, — уныло ответил Раман.

Мы договорились, что через несколько дней за нами пришлют лодку к тому месту, где нас высадят.

— Ну, а когда вернетесь, милости прошу ко мне на ужин, — сказал заместитель администратора, прощаясь с нами. — Тогда, надеюсь, не откажетесь? — Мы пообещали.

Мотор чихнул, напустил синего дыма в прозрачайшую атмосферу, и лодка вынеслась, вспарывая зеркальную гладь озера. Мы плыли по озеру, и туманные горы отражались в нем. Горы меняли свои очертания, то приближались, то удалялись. Давно исчез из виду поселок заповедника. И вокруг была только жемчужная вода и эти призрачные горы, на вершинах которых сидели облака. Наконец, лодка вошла в протоку, а за протокой показалось устье тихой и довольно широкой реки. Берега ее были низкие, густо поросшие лесом. Ветви деревьев свешивались в воду. Лодка осторожно обходила их, стараясь не зацепить. Мы уходили от озера все дальше и дальше, вниз по этой тихой и зеленой реке. Небо было затянуто облаками.

Жаркий плотный воздух застыл над зеленой водой, как-то ощутимо давя на нас и на воду. От этого вода тоже казалась душной и жаркой. К полудню мы подплыли к большому серому валуну, который лежал на левом берегу. Раман заглушил мотор, и лодка причалила к валуну. И оттого, что перестал работать этот трескучий мотор, над рекой воцарилась первозданная тишина. Только пение птиц время от времени нарушало эту тишину.

Мы вскарабкались на валун и остановились потрясенные. Вокруг тянулись безлюдные джунгли. И, рассекая их массив надвое, текла зеленая вода незнакомой реки. К валуну подходили вплотную заросли высокой травы, похожей на осоку. Нигде не было видно ни тропинки, ни человека.

Я прислушалась, где-то в стороне от реки шумел поток. Раман тоже прислушался и сказал:

— Это там, за поворотом, шумит Нейяр. Теперь река обмелела, а во время дождливого сезона мы бы могли проехать по ней на лодке и попасть прямо к каникарам. Здесь есть где-то тропа. Если вы ее не найдете, держитесь берега реки. Вода в ней все время шумит, и вы не собьетесь. А я поехал.

Раман спрыгнул в лодку, дернул ручку мотора и с треском удалился. Снова вокруг установилась первозданная тишина.

— Высадка на необитаемый остров состоялась, — констатировал господин Кришнан.

— Теперь остается только решить, кто Робинзон, а кто Пятница, — продолжила я.

— Робинзонов два. Пятниц найдем целую деревню, — самоуверенно сказал господин Кришнан.

Мы спустились с валуна и вошли в заросли высокой травы. Она стояла плотной стеной, и, для того чтобы пройти эту стену, нам пришлось раздвигать траву руками. Метрах в ста от берега нам удалось найти еле заметную тропинку, которая вела в лесные заросли. В лесу, душном и полном испарений, было сумрачно. Гигантские деревья стояли плотными рядами. Их ветви мешали нам идти. Местами лианы свешивались прямо на тропу, и, когда мы их отводили, какие-то шипы и колючки цеплялись за одежду и царапали тело. А тропа уводила нас все дальше в глубь этого сумеречного леса. И казалось, что духоте и пряной влажности, поднимающейся от сырой и жирной земли, не будет конца.

Дышать становилось все труднее. Лес наваливался на нас, пытаясь прижать к земле и задушить там. Временами на тропе проступала зловонная красноватая жижа. Стайка зеленых попугаев, перелетая с дерева на дерево, с любопытством следила за нашим передвижением. На тропу вышла обезьяна, постояла и нехотя уступила нам дорогу. Миль через пять деревья стали редеть, отступили от тропы, и она

теперь петляла в густой траве. В одном месте трава была сильно примята на довольно обширной площади. «Как будто стадо слонов ночевало», — подумала я, не подозревая о том, что это может иметь здесь буквальное значение.

— Посмотрите, — сказал господин Кришнан, — здесь ночевали слоны. Ночью эта тропа опасна.

— Я надеюсь, что мы дойдем до ночи?

— Как знать... — пожал плечами господин Кришнан.

И мы снова двинулись в путь, перебрасываясь короткими, скупыми фразами. Мы шли, казалось, в никуда. Никто из нас не знал, когда и чем это кончится. Наконец деревья расступились, стало светлее. Сквозь разорванные тучи проступило низкое предзакатное солнце. Господин Кришнан вдруг остановился и приложил палец к губам.

— Тсс... — прошипел он.

«Слоны? Тигры? Пантеры?» — пронеслось у меня в голове.

— Тсс, — повторил господин Кришнан еще раз, показывая куда-то вверх.

Я подняла голову и увидела на высоком дереве бамбуковую хижину. С дерева спускалась лестница, сплетенная из лиан.

— Кажется, пришли, — сказал господин Кришнан. — Это их хижина.

Метров через двести мы увидели лесистый пригорок, на котором стояла бамбуковая хижина. Стены хижины не доходили до крыши, и поэтому она производила впечатление чего-то легковесного, временного. Внизу под пригорком шумела река, по которой мы ориентировались в пути. На пригорке между деревьями были разбросаны клочки тапиоковых полей. И на этих деревьях тоже были хижины. Теперь я была уверена, что мы дошли. Но вокруг было пустынно. И только около хижины на пригорке бродили козы, и между ними носилась маленькая поджарая собака. Собака почему-то нас не почуяла, и мы стали подниматься на пригорок. Вдруг рядом в кустах что-то зашуршало. Мы остановились. Из кустов на нас, не мигая, смотрели три пары пораженных мальчишеских глаз. Старшему мальчику было лет двенадцать, младшему — не больше пяти. Все трое были вооружены луками. Мальчишки, казалось, приросли к земле, не в силах сдвинуться с места.

— Вы кто? — спросила я.

Все дружно молчали.

— Кто вы? — повторил Кришнан.

Мальчишки усиленно сопели, но молчали. И неожиданно младший взревел. Как сирена. Сначала тонко и протяжно. Потом перешел на басовые ноты и кончил всплеском самого горестного плача. Все растерялись. И мальчишки и мы.

— Где твоя мать? — спросила я малыша.

Он, продолжая плакать, махнул рукой в сторону хижины, стоявшей на пригорке.

— Идем! — и я взяла младшего за руку.

К моему удивлению, он не стал вырываться. Потихоньку поскуливая и всхлипывая, он покорно пошел со мной. Когда мы подошли к хижине, из нее вышла женщина с густой гривой вьющихся волос и обнаженной грудью. В руках женщина держала глиняный горшок. Увидев сына со мной, она замерла, выпустила горшок из рук и глазами, полными ужаса, уставилась на меня.

— Здравствуйте, — сказала я.

Но женщина стала пятиться к хижине, продолжая безмолвно смотреть на меня.

— Эй, амма! — позвал ее Кришнан. — Она — не дух, она человек. Не бойся. Мы пришли в гости.

Женщина обессиленно опустилась на землю и тихо спросила:

— Разве люди бывают такие белые? Разве у людей бывают светлые глаза?

— Ой, амма! — засмеялся господин Кришнан. — Люди бывают даже красные и желтые. Не то что белые.

— Первый раз слышу, — печально покачала головой женщина. — А ты правду говоришь, пришелец?

Пришелец поклялся, что правду.

— Ладно, — как-то обреченно согласилась она. — Раз пришли, будете гостями.

В мою сторону ей смотреть не хотелось. Я положила перед женщиной и детьми конфеты в пестрых бумажках.

Младший сразу потянулся к ним, но женщина шлепнула его по руке и отодвинула конфеты.

— Ешь, — сказала я.

— Я не знаю, что это такое, — женщина упрямо покачала головой. — Первый раз вижу.

— Смотри, — сказал господин Кришнан и бросил в рот конфету. — Видишь, я ее съел. Не отравился и не умер.

Женщина осторожно развернула конфету. Долго смотрела на нее и с тяжким вздохом приговоренной жертвы положила в рот. И выражение печальной обреченности в ее глазах сменилось удивлением, а удивление радостью неожиданного открытия.

— Ишь ты! — сказала она. — Вкусно, как мед.

И, повернувшись ко мне, спросила:

— Ты где взяла это?

— Там, за большим озером, — махнула я рукой.

— Там всем дают? — живо поинтересовалась женщина.

— Нет, не всем. Только за деньги.

— За деньги? — задумалась она. — А что это такое?

Я положила перед ней несколько монеток.

— Красивые... — она осторожно прикоснулась к монеткам.

— А их где дают?

— Там же, — сказала я.

Женщина примерила серебряную монетку к груди и еще раз сказала:

— Красивые. Можно ожерелье сделать.

— Ну возьми и сделай.

Женщина сгребла монетки в горсть и, еще не веря своему счастью, переспросила:

— Ты разрешаешь? Я сделаю, да?

Так с помощью конфет и монеток я из мира белых духов перекочевала в мир людей.

Женщину звали Айрави, а деревня называлась Айранкаль. В деревне было тридцать хижин, разбросанных далеко друг от друга по джунглям у горной реки. Хижина на пригорке была «дневная». Ночью все уходят спать на деревья. А в хижине остаются только те, кто отгоняет ночью диких слонов. Слоны приходят в деревню, вытаптывают тапиоковые поля и нападают на людей. Слонов отпугивают криками и огнем. Иногда в деревню приходят тигры и пантеры. Поэтому лучше всего спать на дереве.

Айрави объяснила, что все каникары сейчас в лесу, но скоро вернутся, так как солнце уже садится. В лесу после захода солнца оставаться нельзя.

Потом вернулись люди из леса. Они шли вереницей. Женщины, дети, мужчины. Они несли корзины с накопанными за день кореньями, связки дров, дикие ягоды в узелочках и подстреленных лесных крыс.

Пришел вождь деревни Сиданкани. Коренастый, сильный, с лицом, изуродованным шрамами. Вождь тоже удивился. Но ничем не выдал своего удивления. Айрави хлопотала около очага. В горшке на очаге варились длинные оранжевые корни «нуру». Когда корни были готовы, Сиданкани пригласил к горшку гостей, и мы повели с ним степенную беседу.

На джунгли и тапиоковые поля постепенно наплзали сумерки. Потом они сменились темнотой. От реки и земли поднималась промозглая сырость. Взошла яркая луна и осветила хижины, листья пальм и деревьев и дальний горный хребет.

— Амма, — сказал вождь, — ночью внизу оставаться опасно. Я отведу тебя в хижину на дереве. Там тебе будет спокойно.

Я была слишком уставшей и поэтому, наверно, согласилась. Мы подошли к дереву, с которого спускалась бамбуковая лестница. В высокой кроне угадывалось какое-то сооружение. Поднявшись по лестнице, в которой было не менее тридцати метров, я оказалась в хижине с бамбуковым полом и такими же стенами. Тут, наверно, свободно разгуливал ветер, проникая сквозь щели стен и неплотно пригнанную крышу. Я завернулась в плащ и улеглась на полу. Наверно, я сразу заснула. Я не знала, сколько я проспала. Проснувшись от пронизывающего холода. И не сразу смогла понять, где нахожусь. Пол хижины раскачивался подо мной, как палуба корабля. Бамбуковые бревна, связанные лианами, скрипели и стонали. Совсем близко над головой шумела крона дерева. «Ну да, — вспомнила я, — я же в хижине на дереве».

Холодный ветер, ночь и оторванность от земли пробудили во мне склонность к размышлениям. Я стала думать о том, сколько тысяч, а может быть, и миллионов лет потратил человек, чтобы слезть с дерева и на твердой земле создать свою человеческую культуру. А я, поздний продукт этой многовековой и развитой культуры, снова вернулась на дерево и при этом не испытала никакого неудобства и никаких

угрызений совести. Да, со мной было что-то не так. Над этим стоило подумать.

Через некоторое время я поняла, что являюсь позором своего атомного века. Я предала свою цивилизацию, хотя над ней трудились лучшие умы человечества. Надо было слезать с дерева, и немедленно. Но вместе с тем я ясно сознавала, что здешняя земля не принадлежала ни моему веку, ни моей цивилизации. На этой земле росли гигантские деревья и бродили дикие слоны и пантеры. Я выглянула в дверной проем и сквозь ветви далеко внизу увидела желтый огонь костра. Огонь притягивал меня, как и всякого первобытного человека. Огонь был началом моей цивилизации. Очень далеким началом. И если я вернусь хотя бы к этому началу, мне станет легче. А дикие слоны, пантеры и прочие тигры? Как быть с ними?

— Но почему дикий слон должен выйти именно на меня, почему тигр должен съесть именно меня? — ответила я себе. Этот довод показался мне неопровержимым. Я нащупала ногой в темноте первую ступеньку шаткой лестницы и стала спускаться. Туда, к земле, к огню...

Начало, вероятно, было именно таким, каким я увидела его в ту ночь. Они сидели у костра, прислонившись спинами к бамбуковой стене хижины. Женщины и мужчины. Полуобнаженные, маленькие, темнолицые. На плечи некоторых из них были накинуты грязные тряпки. И только вождь Сиданкани сидел, завернувшись в медвежью шкуру. Тут же рядом у огня примостились собаки. А вокруг стояли темные джунгли, и ветер шумел в кронах гигантских деревьев. В этих окружавших их джунглях и горах все было крупным, высоким и значительным. И от этого фигурки людей, жмущихся к огню, казались совсем маленькими, беспомощными.

Пламя костра освещало изуродованное шрамами лицо вождя. Он задумчиво улыбался одной стороной рта, и эта странная улыбка придавала его лицу какое-то трагическое выражение. Он был самым сильным из них и отвечал за них. Но он был частью их и ничего не мог для них сделать. Он не мог вывести их из джунглей туда, к сияющим в ночи городам. Он не мог вернуть им земли, которые отняли у них, чтобы создать в горах прекрасное озеро. Он ничего не мог. В этих лесных трущобах он делил с ними до конца их странную, нелепую судьбу.

Я не знаю, о чем думал вождь, смотря в огонь. Но вот он наклонился вперед, потом откинулся и запел песню. Низким печальным голосом. Песня была древняя. Может быть, очень древняя. Я не могла разобрать ее слов. Да и не пыталась этого сделать. Своеобразный ритм песни и ее мелодия завораживали, уводили куда-то в сумеречный мир первых снов человека. И моя мысль, усыпленная этой песней, покачивалась, как челнок без руля, на темной воде древней мелодии. Потом ее что-то нарушило. В нее вплелись два женских голоса. Заскрежетали кокоры. Заскрежетали ритмично и слаженно. И песня, обретя новую жизнь, пыталась разорвать темноту, но не смогла. О чем они поют? О том, что их окружает. О джунглях, о корнях, о том, что они делают, о диких слонах, которые топчут их тапиоковые поля, о пантере, которая предательски прыгает на спину человека.

И вдруг в джунглях раздался крик. Печальный и одинокий.

— О-о-о! О-о-о!

Ему откликнулся другой.

— О-о-о! О-о-о!

Но песня не прекратилась.

— Что это? — спросила я у сидящего рядом.

— Дикие слоны, — спокойно ответил он. — Они всегда приходят в это время. Наши сторожа их пугают.

И снова:

— О-о-о! О-о-о!

Несколько человек поднялись от костра. Они зажгли факелы и исчезли в ночи, растворившись в ней, как призраки.

Я задремала. Но сквозь дремоту я продолжала слышать эту бесконечную песню. Временами она уплывала куда-то, но потом снова начинала отчетливо звучать. Я открывала глаза и опять видела прокопченную стену бамбуковой хижины, огонь костра и темные лица людей. Но теперь я не знала, было ли это началом или концом. Концом древней расы австралоидов, разбитой на группы и брошенной в джунгли, обреченной на вырождение и постепенное угасание. Концом расы, потерявшей возможность к движению...

Перед рассветом тьма сгустилась. Я отошла от костра и увидела на темном небе крупные звезды. На юго-западе стояла какая-то странная лиловая звезда. Потом запели петухи, и я поняла, что скоро уже

рассвет. Кусок неба над горами на востоке стал светлеть. И призрачный его свет смешивался с туманом, который поднимался над джунглями и горами. Звезды постепенно гасли. И когда погасла лиловая звезда, запели птицы. Мужчины подбросили дрова в костер. Из хижины вышла женщина и, усевшись на корточки перед огнем, стала чистить тапиоку. Над горами поплыли оранжевые облака — предвестники солнечных лучей. Вереница людей уходила сквозь туман в джунгли. Начинался новый день.

10

Карри из крысы

Во-первых, что такое карри? Карри — это острый соус. Его делают иногда из мяса, иногда из овощей. Здесь речь пойдет о мясном карри. Мясо в соус кладут разное. Говядину, баранину, курятину. И даже мясо дикого кабана. Каникары делают карри из мяса лесной крысы. И карри, приготовленное таким образом, считается лучшим деликатесом. А деликатесами, как известно, угощают гостей. Конечно, самых уважаемых и почетных гостей. В этот ранг я попала через три дня после появления в деревне Айранкаль. Я очень этим гордилась. Но день расплаты наступил скоро.

С утра Сиданкани отправился в лес осматривать ловушки. Вернулся он из леса веселый и довольный. Он нес на палке пять крыс, связанных за хвосты. Я равнодушно наблюдала за Сиданкани, не думая о том, что пойманные крысы могут иметь ко мне хотя бы малейшее отношение.

Сиданкани ловко освежевал крыс, и Айрави, отставив обычные коренья, стала готовить из них карри. И даже тогда я не заподозрила ничего худого.

Айрави готовила карри. Сиданкани подвешивал к дереву веревки из коры для тетивы луков и растягивал их с помощью груза. Я сидела перед хижинкой и смотрела на реку. А маленький Чандырикани затаился в кустах в засаде и метил из лука поочередно в головы Айрави, Сиданкани и мою.

Сиданкани кончил возиться с веревками, выгнал Чандырикани из его засады и подсел ко мне. Сначала он, как и я, смотрел на быстро текущую реку. Потом втянул ноздрями запах, исходивший от

крысиного карри, и, придя в отличное расположение духа, доверительно сказал:

— Сегодня, амма, ты попробуешь нашу лучшую еду.

— Хорошо, — бездумно согласилась я, продолжая смотреть на струи воды. Вода, освещенная предзакатным солнцем, постепенно становилась розовой.

— Хорошо, — повторила я и вдруг поняла, что сказала что-то не то. Мой мозг вновь обрел способность к сопоставлениям. Я вспомнила пять пойманных крыс, их шкурки, лежащие на траве, Айрави, суеющуюся около горшка с карри, и выражение блаженства на лице Сиданкани, втягивающего ноздрями запах готовящейся пищи.

«Так и есть», — подумала я. И еще не веря до конца в надвигающееся на меня бедствие, я с надеждой спросила Сиданкани:

— Какая еда?

— Карри из крыс, — торжественно произнес вождь. — Лучшая еда на свете.

Розовые струи воды поплыли у меня перед глазами. Хижина на дереве, в которой я спала в первую ночь, закачалась, готовая рухнуть вместе с деревом.

— Из крыс? — переспросила я.

— Для тебя только из крыс, — клятвенно заверил Сиданкани.

Я впала в глубокую задумчивость, чем немало удивила вождя.

— Не расстраивайся, амма, — успокоил он меня. — Карри хватит на всех. А тебе мы дадим самую большую порцию.

— Знаешь, Сиданкани, я спущусь к реке, прогуляюсь.

— Иди, иди, — охотно согласился вождь. — Как только все будет готово, я тебя позову.

Я спустилась к реке и села на камень. «Ну что теперь делать? — лихорадочно соображала я. — Съесть карри из крыс? Плохо. Не съесть? Отказаться? Совсем плохо. Тогда лучше сразу уйти из этой деревни и этих джунглей. Кто будет иметь дело с гостем, который пренебрег высшей почестью племени?»

Получалось все, действительно, нелепо. Господин Кришнан ушел в соседнюю деревню, и мне не с кем было даже посоветоваться. Я поняла, что в моей жизни наступил очередной черный день. И вдруг — как озарение. Я вспомнила, что в этой стране есть вегетарианцы.

Простые вегетарианцы. И каникарам, конечно, это известно. Я готова была кричать от радости, я готова была даже вопить. И когда Сиданкани позвал меня ужинать, я с лицемерным вздохом сожаления бросила взгляд на горшок с лучшей едой на свете и сказала, что я вегетарианка.

— Аё! — сокрушенно закачали головами Айрави и Сиданкани.

На моем лице была такая искренняя печаль, что оба бросились меня утешать.

— Ничего, ничего, — говорил Сиданкани. — Такое бывает! Вот тут недалеко жил отшельник, так он тоже не ел мяса. Мудрец Агастья тоже, говорят, не ел мяса. Ничего, амма, не расстраивайся. Айрави, — сказал он, — свари гостю тапиоку.

И в который раз передо мной положили тапиоку и корни. Я все добросовестно съела.

Но на одних корнях и тапиоке не проживешь. Мой цивилизованный желудок требовал разнообразия. И я стала изыскивать это разнообразие. По деревне бегали куры. Поджарые, с сильными когтистыми лапами, они были удивительно агрессивны. Куры вели постоянную войну с собаками. И в этой войне именно куры почему-то оказывались сильной стороной. Они устремлялись на собак, хищно вытянув вперед клювы. Собаки сдавались без боя. Они падали на спину, поднимали вверх все четыре лапы и визжали жалобно и просяще. Курица обычно наносила поверженной жертве один-два удара клювом и гордо удалялась. Однако явная агрессивность натуры не позволяла ей долгое время пребывать в мирных условиях. Через некоторое время она опять выносилась с кудахтаньем и устремлялась на непонравившуюся ей собаку. И снова все повторялось.

Я никогда не видела таких сумасшедших кур. Но подозревала, что даже такие куры должны нестись. Яйца были бы неплохим добавлением к лесным корням и тапиоке. У Сиданкани кур не было. Его обширное семейство, состоящее из пятнадцати человек, успешно расправилось с этой живностью еще в прошлом году. Зато были куры у Карумпи. Ее хижина, напоминающая навес, стояла далеко от реки. И я отправилась к Карумпи.

Карумпи в одной короткой юбке возилась по хозяйству и по ходу дела еще успевала воспитывать пятерых голых сорванцов в возрасте от четырех до восьми лет. Правда, методы воспитания не отличались

разнообразием и сводились к шлепкам, которые раздавались, как только Карумпи подбрасывала дрова в очаг. Увидев меня, Карумпи немедленно вытолкала из хижины всю голопузую команду и пригласила меня к очагу.

— У тебя есть куры? — дипломатично начала я.

— Конечно, есть, — ответила Карумпи.

— И они несут яйца?

— А что же им еще делать? — удивилась Карумпи.

— Я бы взяла у тебя несколько штук, — сказала я.

Ни слова не говоря, Карумпи удалилась в темный угол хижины и положила передо мной четыре яйца. По привычке своего цивилизованного мира я достала из кармана деньги.

— Что ты! Что ты! — запричитала Карумпи. — Мне это не нужно. Я дала тебе яйца так.

Четыре яйца были щедрым подарком. А щедрость надо вознаграждать. Я вспомнила, что у меня осталась последняя пара сережек. Сережки, взятые на случай попадания в сферу товарных, но не денежных отношений. Я протянула Карумпи сережки.

— Вот тебе мой подарок, — сказала я.

— Аё! Аё! — запричитала Карумпи. — Какой подарок! У меня никогда таких не было!

И она, приплясывая, прошла по хижине. Вся команда сорванцов немедленно появилась в хижине и уставилась на блестящие кольца сережек. Карумпи метнулась снова в темный угол и извлекла оттуда еще два яйца.

— Вот последние. Бери, бери.

Я отказалась. Мне не хотелось брать последние.

— Какие сережки! Какие сережки! — в восхищении восклицала Карумпи и немедленно вдела их в уши.

Горшок на очаге выкипал, сорванцы принялись шкодить, но Карумпи уже ни на что не обращала внимания. Она покинула хижину и, сверкая новыми серьгами, отправилась в деревню.

Результат прогулки Карумпи по деревне оказался самым неожиданным для меня. Через полчаса у хижины Сиданкани появилась толпа женщин. И каждая принесла яйца. Они бережно складывали их у входа в хижину. И у меня на глазах стала расти гора,

напоминающая верещагинский «Апофеоз войны». Только вместо черепов были яйца. Боевые куры не посрамили своего племени.

Сначала я растерялась. Потом произнесла речь. Я сказала:

— Дорогие женщины, матери и сестры! Благодарю вас за трогательную заботу обо мне. Но вы принесли так много яиц, что я не смогу съесть их за всю мою жизнь. Поэтому я очень прошу вас, заберите их обратно. И еще я должна сказать вам, что у меня нет больше красивых и блестящих сережек. Я могу только подарить вам монетки на ожерелья. Но боюсь, что монеток у меня на всех вас не хватит. Женщины, матери и сестры! — взывала я к их совести. — Заберите, пожалуйста, яйца и накормите ими своих детей. Я вас очень об этом прошу.

Женщины стояли, как на митинге, прижав руки к бокам, и внимательно слушали. А впереди стояла Карумпи, победно сверкая новыми сережками. Когда я кончила, по толпе пронесся вздох разочарования. Лица женщин выражали искреннюю печаль. А я очень жалела, что весь мой запас женских украшений кончился. В полном молчании они начали разбирать яйца. Но с полсотни все же осталось лежать на месте.

— А эти? — спросила я их.

— А эти, — назидательно сказала мне старая Пароди, — мы принесли тебе так. Не за сережки. Хотя сережки, — добавила Пароди со вздохом, бросив взгляд на Карумпи, — очень, очень красивые. Я никогда таких не видела.

Так завершилась «яичная история». Но с тех пор я чувствую себя в долгу у женщин далекой деревни каникаров.

Бог живет на горе, а люди в пещере

Когда поднимали уровень озера Нейяр, превращая его в водохранилище, то затопили прибрежные джунгли. В этих джунглях стояли деревни каникаров, были их погребения, священные рощи и священные камни. Под водой осталась каменная платформа, на которой обитала богиня Тамбуратти-амма. Богиня утонула вместе с платформой. Раньше, когда Тамбуратти-амме ежегодно приносили жертвы, она защищала жителей деревни Айранкаль. Ей молились, и она предотвращала бедствия. Но говорят, что с тех пор как Тамбуратти-амма ушла под воду, бедствия один за другим обрушиваются на Айранкаль. Дикие слоны вытаптывают поля тапиоки, пантеры бросаются на людей, пчелы улетели на ту сторону озера, ягод стало меньше, а люди начали болеть, и даже заклинания жрецов не спасают их от смерти.

У каникаров Айранкаля оставалась еще одна надежда — бог гор Перакунатты, который жил на большой горе по соседству с деревней. И тогда стали делать ему подношения. Но бог гор оставался почему-то равнодушным к этим подношениям, даже петушиные жертвы не тронули его каменное сердце. Он не смог отвести от каникаров ни одного бедствия. И тогда Сиданкани решил, что нет смысла тратить на такого бесполезного бога.

Теперь никто не ходит на священную гору и не кладет там бананов, тапиоки и бетеля. Так жители Айранкаля наказали нерадивого бога. Они порвали с ним всякие отношения. Священных камней в округе, достойных поклонения, почти не осталось. Правда, есть еще два камня, но у них сомнительная репутация. И поэтому каникары до сих пор не решили: поклоняться им или предать их забвению. А история этих двух камней вот такая.

Когда-то очень давно в реке, что течет около Айранкаля, появилась рыба. Огромная и очень опасная рыба. Она занималась тем, что проглатывала людей. А людей в то время было совсем мало. И каникары боялись, что рыба всех проглотит и никого не останется. А тут еще одна беда свалилась на племя. Мало им было прожорливой рыбы, так явился мудрец Агастья. И ничего лучшего не нашел, как

посадить волшебное дерево. От этого дерева быстро пошли другие деревья. И деревья эти росли, росли и наконец закрыли солнце. Тогда стало совсем трудно жить людям.

Рыба пользовалась темнотой и заглатывала одного каникара за другим. Теперь люди боялись даже набрать воды в реке. В те времена еще был жив бог Аранату. Теперь он вместе с Тамбуратти-аммой покоится на дне водохранилища. Каникары стали просить бога им помочь. Они сделали ему обильное подношение. И Аранату в отличие от Перакунатты не остался равнодушным ни к подношениям, ни к бедствиям каникаров. Он взял большой топор и вырубил все зловредные деревья, которые заслонили солнце. И вновь джунгли наполнились светом. Потом Аранату пошел на берег реки Нейяр и выловил из нее огромную рыбу. Он ударил, по ней топором, да так сильно, что одна часть рыбы пролетела над джунглями и упала далеко — в Веллиюре. И превратилась в камень с одним глазом. А вторая часть так и осталась лежать на берегу Нейяра, неподалеку от Айранкаля. И место это теперь называется Чидаламинаветиясталам — «место, где разрубили рыбу Чидала». Вторая часть рыбы тоже превратилась в камень с одним глазом. В этом самом месте лет пять тому назад произошло событие, после которого на лице Сиданкани остались страшные шрамы.

Сиданкани в то утро резал бамбуковые планки для стены своей хижины. Он работал долго и не обратил внимания на шорох, который время от времени раздавался где-то за бамбуковой рощей. Как выяснилось потом, по соседству с Сиданкани медведица и медвежонок лакомились муравьями. Сиданкани насторожился только тогда, когда раздалось урчание. Но было уже поздно. За спиной у Сиданкани стояла сплошная стена бамбука, а прямо на него, поднявшись на задние лапы, двигалась медведица. Около муравейника стоял медвежонок и с любопытством разглядывал обоих.

Медведица бросилась вперед и вцепилась Сиданкани в бедро. Ему удалось вывернуться, но кусок его собственного мяса остался в зубах у зверя. От неожиданности Сиданкани выронил нож и никак не мог его найти. Мешала резкая обжигающая боль в бедре. Медведица сделала второй рывок и на этот раз вцепилась Сиданкани в лицо. Кровь залила ему глаза. Он ничего не видел и только чувствовал, как зверь заламывает ему голову назад. Почти падая, Сиданкани на ощупь

протянул руки вперед. Ладони уткнулись в шерсть зверя. И тогда, в какой-то последний момент, он схватил медведицу за горло и стал душить. Медведица задышала со свистом, потом захрипела. Руки Сиданкани от напряжения свела судорога, но он почувствовал с облегчением, что зверь оставил его голову. Медведица сделала мощный рывок и освободилась из рук человека.

Сиданкани провел по лицу и ощутил под рукой клочья мяса и кожи. Лицо нестерпимо горело. На какое-то мгновение он снова увидел медведицу, стоявшую перед ним на задних лапах. И тогда он бросился на нее. У него не было другого выхода. Ему нужно было во что бы то ни стало пробиться к тропинке. Медведица, не ожидавшая толчка, потеряла равновесие и шлепнулась в траву. Но сейчас же поднялась, оглянулась и увидела медвежонка — живого и невредимого, стоявшего у муравейника. Она что-то проворчала и неожиданно, повернувшись к Сиданкани спиной, затрусил к медвежонку. Медвежонок радостно прыгал вокруг нее. Медведица подтолкнула его носом, и оба исчезли в зарослях.

Сиданкани от боли и пережитого испуга потерял сознание. Когда он очнулся, солнце стояло уже низко. Сиданкани лежал в луже крови. Он хотел крикнуть и позвать на помощь. Но из горла вырвался только хрип, а порванное лицо отозвалось страшной режущей болью. И тогда Сиданкани пополз, помогая себе одной ногой. Вторая распухла и не двигалась. Он не помнил, сколько времени он полз. Кровавый след тянулся от реки до деревни Айранкаль. Недалеко от своей хижины он снова потерял сознание. И тут его заметили дети. Когда прибежали взрослые, конечности Сиданкани уже стали холодеть.

Три месяца деревня выхаживала своего вождя. Варили настои целебных трав, жрец читал заклинания. Сиданкани выжил. Он оказался крепким человеком, этот вождь Айранкаля. Но с тех пор и он сам, и все жители деревни находятся в недоумении: медведица напала на Сиданкани, потому что в том месте лежал злополучный камень, бывший когда-то рыбой Чидала, или она оставила Сиданкани, потому что камень обладал какой-то силой. До сих пор эта проблема решения не получила.

— А ты как думаешь? — спросил меня как-то Сиданкани.

Я пожала плечами. Мои знания так далеко не заходили.

— Вот видишь, даже ты не знаешь, — вздохнул вождь. — А кто же знает?

Поэтому к камню с одним глазом каникары относятся нейтрально. Они ждут какого-нибудь случая, который бы без всяких сомнений доказал или зловредность камня, или его причастность к категории священных предметов. Но, как говорится, проживем — увидим...

Айранкаль. Хижины на деревьях. Прошлое человечества. А в пяти милях от Айранкаля еще более далекое его прошлое. Место это называется Паттаямвечаапу, что значит «место среди скал». И в пещере среди скал живут люди. Такие же каникары, как и в Айранкале. Живут, как жили их предки тысячи лет назад.

Представьте себе две огромные округленные скалы, упирающиеся в стену, образованную гранитной горой. Над скалами, как крыша, нависает плоская каменная плита. Проход между двумя скалами заделан бамбуковой стеной с дверным проемом. У закопченной каменной стены — костер. Его дым поднимается куда-то вверх и исчезает в расселине между камнями. Сквозь расселину проникает слабый свет. Настолько слабый, что он не достигает земляного пола пещеры, на котором горит костер.

У костра сидит темнолицая женщина, обнаженная по пояс. Космы нечесаных волос лежат на спине и плечах. Каждый раз, когда она поправляет дрова в костре, космы падают ей на глаза, и она нетерпеливым движением отбрасывает их. Дрова разгораются, и блики пламени пляшут по лицу мужчины. У мужчины широкий нос, толстые губы и взлохмаченные, завивающиеся в мелкие кольца волосы. Мужчина натягивает тетиву на лук, но, видимо, прочность тетивы ему не нравится, и он то надевает ее, то снова растягивает и снимает. У ног мужчины лежит собака и задумчиво смотрит в огонь.

Я подумала, что это — первая прирученная собака. Наверно, это так и было. Потому что все остальное тоже было первое. Первый огонь, первое жилище и, наверно, первые люди. Так мне показалось в тот день.

Я знала, как звали мужчину и женщину — Ичоти и Пароди. Они приходили в Айранкаль, чтобы пригласить меня к себе в пещеру. Я опустилась у костра и задала не очень умный вопрос:

— Так и живете?

— Так и живем, — ответила Пароди. — А что, плохо?

Ичоти посмотрел на меня и вздохнул.

— Нет, ничего, — поспешила я заверить Пароди.

— Слон сюда не заберется, — начал Ичоти, — гору разрушить не сможет, дождь сюда не попадает, а камень держит хорошо тепло. И вода совсем близко.

— Это где же? — удивилась я.

Я не заметила поблизости даже ручейка.

— Идем, — поднялся Ичоти.

Мы вышли из пещеры, и я услышала звук льющейся воды.

— Куда ты смотришь? — сказал Ичоти. — Вон, смотри туда.

Неподалеку от пещеры стоял глиняный горшок, и в него действительно лилась вода. Она лилась из укрепленных на подпорках половинок бамбуковых стволов. Стволы были соединены друг с другом и тянулись откуда-то из зарослей. Так я увидела первый водопровод.

Наверно, я бы увидела здесь еще немало интересного, но под вечер явился Сиданкани и сказал, что если я сейчас же не отправлюсь в обратный путь, то меня растопчут дикие слоны и съедят тигры, которые имеют привычку бродить по ночам в самых неожиданных местах. Мне пришлось подчиниться. Как-никак Сиданкани был вождем. Да и встреча с дикими слонами меня почему-то не привлекала.

А назавтра был уже настоящий обратный путь. Путь к берегу большого озера Нейяр. Мы без труда нашли серый валун, куда причалила несколько дней назад наша лодка. Над рекой стояло высокое полуденное солнце. Поверхность воды ослепительно блестела. Здесь, на открытом месте, было очень жарко. Порой мне казалось, что от моей кожи поднимается голубоватый дымок и я начинаю гореть. Прибрежные кусты и деревья совсем не давали тени. Мы сидели с господином Кришнаном на «необитаемом» валуне, как два Робинзона, легкомысленно оставившие своих Пятниц далеко в джунглях. А лодки все не было. Пели птицы, плескалась вода о валун, шумел ветер в деревьях.

Первым не вытерпел господин Кришнан.

— А что, если они забыли о нас? — спросил он.

— Ну забыли так забыли, — ответила я, мучаясь от жажды и жары. — Во-первых, жизнь без приключений не интересна, сказал

один мой хороший знакомый. А во-вторых, мы всегда можем вернуться снова к каникарам.

Снова томительно потянулись часы ожидания.

— Если возвращаться, так надо сейчас, — забеспокоился господин Кришнан. — Если мы уйдем часом позже, нам не миновать зверей, идущих на водопой.

Господин Кришнан, как всегда, был прав.

Не успела я подняться с валуна, как в мир привычных звуков вторглось что-то постороннее. Мы прислушались. Через несколько минут у нас уже не было сомнения, что это звук лодочного мотора.

— Ура! — оголтело закричал господин Кришнан и почему-то запрыгал на валуне.

А я получила полное представление о том, как вели себя при виде паруса все потерпевшие кораблекрушение робинзоны.

— Ура! — еще раз прокричал господин Кришнан, но уже с меньшим энтузиазмом. Из-за поворота показалась лодка, и, конечно, пройти мимо нас она никак не могла. Это было ясно даже господину Кришнану.

Потом мотор заглох, и Раман, одарив нас белозубой улыбкой, бросил нам причальный конец...

Меч раджи и племя вишаванов

Все началось с того, что потерялось целое племя. Таинственно исчезло с лица керальской земли. Племя называлось вишаваны. Вишаваны тоже были австралоидами. И их надо было найти.

— Вишаваны? — переспросили меня в правительственном отделе, ведающем племенами. — Первый раз слышим. Каникаров знаем, панья знаем... Вы, может быть, перепутали название?

Нет, название я не перепутала. Я не имела такой дурной привычки. О вишаванах я узнала из книги керальского этнографа Кришны Айера «Касты и племена Траванкура», которая вышла еще в 30-х годах. В книге о вишаванах было написано мало. Но я запомнила три главные, с моей точки зрения, вещи. Во-первых, что вишаваны обитают где-то в округе Коттаям (автор не давал точного их расположения). Во-вторых, что они использовали древнейшее оружие австралоидов — духовые ружья, из которых стреляли стрелами. И наконец, в-третьих. В веке восемнадцатом местный раджа подарил вождю вишаванов меч, браслет и кусок шелковой ткани. Вождь, которого, по утверждению Кришны Айера, звали Валия Пандиян, браслет надел на руку, в шелк задрапировался, а мечом стал рубить головы непокорных соплеменников. Вот, собственно, и все. В книге было еще описание некоторых обычаев вишаванов, но они ничем существенным не отличались от обычаев остальных племен. Только три вышеупомянутых момента выделяли вишаванов среди керальских австралоидов.

Тривандрам нам ничем не помог. Тогда мы погнали наш «Викинг» в Коттаям. Все-таки этот округ был упомянут в книге. В Коттаяме, в местном коллекторате, тоже ничего не знали о вишаванах. Но зато в местной библиотеке нашлась книга Луиза «Племена Кералы». Автор утверждал, что вишаваны откочевали, но куда — он умолчал.

— Ну, что же, — вздохнул господин Кришнан. — Будем искать вишаванов сами. Это тоже неплохое приключение.

И мы устремились к лесистым отрогам Западных Гхат. А по дороге решили останавливаться в каждом городке и спрашивать о вишаванах

чиновников, которые занимались племенами. Чиновники эти имели странный титул — инспектора по благосостоянию.

В первом же городке Тходупужа вышеупомянутый инспектор никакого представления о вишаванах не имел. Но зачем-то уселся в наш «Викинг» и доехал с нами до границы своего района. В Муваттупужа инспектором была женщина. Вопрос о вишаванах ее почему-то рассмешил. И так сильно рассмешил, что она продолжала смеяться до самого того момента, когда шофер повернул ключ зажигания. Мы поняли, что на местные власти надеяться не приходится. Оставались лесники, вернее, лесничий.

Второй день мы блуждали по горным дорогам. И наконец, у реки Перияр мы обнаружили поселок, где жил лесничий. Лесничий оказался молодым, образованным и приветливым.

— Вишаваны? — задумался он. — Убей меня бог, что-то я о таких не слышал. Но вы не огорчайтесь. За рекой Идамалаяр, говорят, живет какое-то племя. Может быть, это ваши вишаваны?

— Может быть, — согласились мы уныло.

На реке Идамалаяр, в горах, сооружался ирригационный комплекс. Рубили джунгли, взрывали скалы. По грунтовой дороге мы спустились километра на три ниже строительства. Дорога кончилась, и мы через заросли вышли к берегу реки. Она была очень похожа на реку Нейяр. Только берега оказались более низкими. По реке ходил плот, сделанный из тонких стволов бамбука. Плотовщик упирался длинным шестом в дно реки и причаливал то к одному берегу, то к другому.

— Эй! Эй! — прокричали мы плотовщику.

Он поднял голову и посмотрел в нашу сторону.

— Перевезти, что ли?

— Перевезти!

Плот медленно развернулся и направился к месту, где мы стояли.

Мы ступили на залитые водой бамбуковые стволы. Под нашей тяжестью плот осел, и вода поднялась по щиколотку.

— Теперь стойте спокойно, — предупредил плотовщик. — А то утонем.

И плот двинулся к противоположному берегу. На берегу, в зарослях, слышались крики, трещали ветви.

— Слона поймали, — равнодушно сказал плотовщик. И действительно, человек десять загонщиков возились около ямы. В яму

попал молодой слон. Слон метался в яме и время от времени посыпал себя сырой землей из хобота. Загонщики шестами с крючьями подводили к яме веревочную петлю и пытались набросить ее на слона. Но каждая попытка кончалась неудачей. Загонщики кричали, но слон сбрасывал петлю. Он даже становился для этого на голову.

Слон тяжело дышал, а в его глазах метались отчаяние и страх. Они были очень выразительны, эти глаза, как у человека. Иногда страх и отчаяние сменялись яростной ненавистью. Слон бросался на отвесную стену ямы и вонзал в нее клыки. Но петля все-таки захлестнула его. И тогда слон затрубил. Тоскливо и пронзительно. К яме подошли прирученные слоны и покорно потащили своего собрата на веревке по спущенным в яму бревнам. А слон все трубил и трубил. Как будто возвещал джунглям и всему миру о великой беде, случившейся с ним. О том, что уже до самой своей смерти он никогда не будет свободным.

Потные и усталые загонщики, тихо переговариваясь, расселись по краям ямы. Мы подошли к самому старшему из них и спросили о вишаванах.

— Вишаваны? Нет, не знаю, — ответил он, как отвечали нам многие до него. — Правда, если пересечь джунгли и перевалить гору Масляный камень, то там живут какие-то люди. Но кто они, я не знаю.

— А кто знает туда дорогу? — спросила я.

— Я, — молодой парень, смущенно улыбаясь, поднялся с земли.

— Вот и отведи их туда, — сказал старший загонщик.

— Ладно, — согласился парень. — Сегодня уж, видно, слонов больше не будет, а я прогуляюсь.

И мы пошли с берегов «Реки между горами», так переводится Идамалаяр, в направлении горы Масляный камень. Наступил третий день наших поисков.

Лесная тропа круто шла вверх. Рядом с тропой местами кусты и трава были примяты. Здесь ночевали дикие слоны. Проводник шел впереди, ступая легко и бесшумно. Иногда он останавливался и делал нам знак рукой. Мы тоже останавливались. Проводник, методом, известным только ему одному, выяснял, нет ли поблизости опасности. Не бродят ли рядом свирепые дикие слоны, не сидит ли в засаде тигр, не крадется ли пантера.

Масляная гора оказалась довольно крутой. Не менее восьми километров бесконечного подъема. Временами тропу пересекали

заросли высокой травы, сырой от еще непросохшей росы. В траве водились кровожадные пиявки, ловко вцеплявшиеся в ноги и даже заползавшие в ботинки. После них оставались ранки, которые долго кровоточили. У самой вершины проводник вдруг остановился как вкопанный и даже забыл сделать знак рукой. Он стоял неподвижно, устремив взгляд куда-то в заросли. Я проследила за его взглядом и тоже остановилась как вкопанная. В зарослях происходило свидание двух кобр. Они стояли над травой, раскачиваясь и переплетаясь. Каждое их движение было исполнено грации и изящества. И временами что-то человеческое проскальзывало в этих их движениях и ласке. Кобра, гибко откидывала длинную шею и мягко и нежно подставляла свое лицо (да, в тот момент мне казалось, что у нее лицо) под поцелуй партнера. Зрелище было завораживающим, но и не менее опасным. В такие моменты кобра не спрашивает, с какими намерениями ты остановился рядом с ней. Стараясь не дышать, мы на цыпочках благополучно миновали влюбленную пару. Начался спуск.

Вокруг сплошной стеной стояли джунгли. Кроны огромных деревьев были усеяны крупными красными цветами. Ветер обрывал лепестки, и они, опускаясь вниз, устилали красным мягким ковром тропу. Наш путь в буквальном, а не в переносном смысле был устлан цветами. Правда, этот путь был сначала устлан слоновым пометом, потом пиявками, ну, а теперь цветами. И это разнообразие было приятным. Так по цветам мы вышли в узкую горную долину. И неожиданно над зарослями кустарника я увидела длинную тростниковую трубку. Трубка во что-то «прицелилась», и из нее вылетела маленькая стрела, устремившаяся куда-то вверх. В кустах послышался шорох, трубка исчезла, и стало тихо. Нас заметили. Я подошла к кустам и услышала чье-то прерывистое дыхание.

— Эй! — сказала я. — Выходи.

В кустах завопили, но никто не вышел.

— Вот я сейчас его... — с угрозой сказал господин Кришнан.

Эта шутивая угроза почему-то возымела действие. Над кустами показалась голова лесного австралоида. Глаза смотрели настороженно и немного испуганно.

— Ну, выходи. Что стоишь? — сказал проводник.

— А, это ты! — улыбнулся австралоид, узнав проводника.

Он вылез из кустов, прижимая к себе древнее духовое ружье.

— Ты кто? — спросил господин Кришнан.

— Маланкоду.

— Кто? — удивилась я. — Ты же вишаван.

— Нет, — стоял на своем австралоид. — Я маланкоду.

И тут на господина Кришнана нашло озарение.

— И никогда не был вишаваном? — подозрительно спросил он.

— А как же! — австралоид растянул в улыбке толстые губы. —

Мои предки были вишаванами.

— Какие, например?

— Мой дед был вишаваном.

— А ты не вишаван? Как же это так получилось? — поинтересовалась я.

— Да так вот и получилось, — почесал в затылке австралоид. — Когда-то мы умели лечить от змеиных укусов, от змеиного яда — «виша». Поэтому нас и называли вишаванами, а вообще-то мы маланкоду, горцы.

— Кто бы ты ни был, — сказал господин Кришнан, — а мы тебя теперь не отпустим.

Австралоид вжал голову в плечи и, ища взглядом поддержки у проводника, отступил в кусты.

— Ну, ну! — грозно сказал господин Кришнан. — О бегстве не помышлять. Все равно догоним. Веди нас в деревню.

Австралоид уныло опустил голову и покорно поплелся впереди.

Деревня показалась не скоро. Мы пересекли горную долину, прошли под палящими лучами солнца открытое пространство и только тогда на пригорке заметили три аккуратные бамбуковые хижины. Наше появление в деревне переполоха не вызвало. Каждый продолжал заниматься своим делом. Женщины толкли неочищенный рис в деревянной ступе, мужчины мастерили ловушки, и даже наш новый знакомый принялся дуть в свою трубку, пытаясь сбить сидевшую на дереве птицу. И только вождь Моили, согнутый старик со зловещим выражением лица, которое совсем не соответствовало его характеру, принес циновку и сделал приглашающий жест.

О чем мы говорили? О многом. Все жители деревни постепенно присоединились к нашей беседе. Они были приветливы и радушны. Просто в первый момент они проявили свою традиционную вежливость при встрече гостя: первым его должен встретить вождь.

Деревня называлась Куркули. Она была удивительно чистой и аккуратной. Вождь Моили любил порядок во всем. Жители деревни тоже. Даже наша беседа была очень упорядоченной. Говорил в основном Моили. Остальные или дополняли или поправляли его. С толковыми поправками Моили соглашался, глупые категорически отвергал.

Когда-то племя было большим, и оно жило в лесах Коттаяма. Мужчины охотились, а женщины выращивали рис на полях. Они и сейчас это делают. Под поля выжигали участки в джунглях. Когда земля истощалась, они переходили в другие места. Так они и кочевали с одного места на другое. Потом у них стали отбирать земли и теснить в горы. А совсем недавно приходил к ним важный чиновник и сказал, что все эти леса затопят, когда построят ирригационный комплекс. И им нужно будет уйти. Но никто из них не знает, куда уходить. Наверно, дальше, на восток. Но там уже кончаются горы и леса. А без леса племя не проживет. До сих пор они добывают в лесу съедобные коренья, мед, воск, тростник, слоновые бивни. Лет пятнадцать назад их было не менее тысячи человек. Они молились богине Бхадракали и ежегодно приносили ей в жертву петуха. И богиня защищала их от черной оспы. А потом почему-то перестала защищать, и на племя напала черная смерть. Люди умирали каждый день, и некому было их хоронить. Некому было выполнить погребальную церемонию. Поэтому до сих пор духи этих умерших носятся в воздухе и причиняют много беспокойства. В тот год от всего племени осталось всего двести человек. А сейчас их триста. В год черной смерти опустели многие деревни. И осталось на все племя пять деревень. Эти деревни расположены далеко друг от друга на границе округов Коттаям и Тричур. Поэтому они редко видятся со своими родственниками. Да и люди в округе о них мало знают. Слишком немного их осталось. Всего триста человек на пять деревень.

Я слушала рассказ Моили и все-таки не была уверена, что передо мной вишаваны. Может быть, они согласились с нами из вежливости? Уж очень мы настаивали на том, что они вишаваны. И тогда они придумали версию о предках вишаванах. Такое ведь тоже может случиться. Правда, два признака из трех были налицо. Они кочевали по округу Коттаям, и у них было духовое ружье — тумбитарам. Таким оружием не пользовалось ни одно племя Кералы. Но, во-первых, по

округу Коттаям кочевали и другие племена, а во-вторых, тумбитарам мог быть и заимствован племенем у тех же вишаванов, которых они, возможно, когда-то встретили. Оставался третий признак вишаванов — меч, подаренный раджей. Если это подтвердится, тогда можно считать, что перед нами вишаваны. И я спросила о мече.

— Да-да, — радостно закивал Моили и все остальные. — Такой меч в племени существует.

Когда-то очень давно этот меч подарил вождю вишаванов Деше Пандияну славный раджа Карта. Столицей владений раджи был Котамангалам. И действительно, Деша Пандиян рубил мечом головы своим соплеменникам. Вождь был сильным и жестоким человеком, и все его боялись. А раджа Карта очень его уважал. Он даже учредил при вожде совет министров. И сам вождь, и его министры правили племенем от имени Карты. Они выполняли его распоряжения и безоговорочно отдавали радже все, что племя приносило из лесу или выращивало на полях. Когда Деша Пандиян умер, меч остался в племени. Больше им не секли головы, но стали поклоняться как символу могущества двух людей: раджи Карты и покойного вождя.

Меч переходил из поколения в поколение. От вождя к вождю. От дяди к племяннику, потому что в племени наследником всегда был племянник, сын сестры — человек из своего рода. Дети принадлежали роду матери, как и полагается в матриархальных племенах. Они были чужими для мужчины. Своим для него всегда являлся племянник. Но несколько лет назад эта традиция была нарушена. Вождь Паранги Раман, которого уже нет в живых, передал меч своему сыну, а не племяннику, ставшему вождем. И поэтому вождь племени Моили остался без меча. А владельцем меча на сегодняшний день является Муттайя Раман. Он живет на реке Чалакоди. Река течет далеко на севере в округе Тричур.

Итак, вместо меча я услышала только рассказ о нем. Рассказ не противоречил тому, что я знала. Только слегка было изменено имя вождя. Зато в рассказе присутствовали факты ранее неизвестные. Но все могло оказаться легендой. Легендой, которую слышали от других...

Из Куркули мы ушли на следующий день. По дороге я думала о вишаванах и о мече. Господин Кришнан тоже.

— А может быть, они просто самозванцы и никакие не вишаваны? — сказала я господину Кришнану. — И меча у них нет. И вообще был ли этот меч, может быть, его совсем не было? И не было раджи, и не было жестокого вождя.

— Да, — согласился господин Кришнан. — История сомнительная. Надо выяснить все до конца. Начнем с раджи.

— Как? — удивилась я. — Ведь он жил в восемнадцатом веке.

— Ну и что? — засмеялся господин Кришнан. — Подумаешь, восемнадцатый век! Для Индии это почти сегодняшний день. Если такой раджа был, то все его потомки должны быть на месте. Куда им деться? Поедем найдем их и расспросим.

И мы поехали. На юг, в Котамангалам. В более безнадежном, с моей точки зрения, предприятии я ранее не участвовала даже с господином Кришнаном. Мы опять колесили по горным трактам, тряслись на грунтовых лесных дорогах и, наконец, прибыли в Котамангалам. Котамангалам оказался небольшим городком, расположенным среди гор и лесов. Там были пыльная городская площадь, кинотеатр, рынок, магазины, конторы и около десяти тысяч жителей. Неподалеку от площади стоял, спесиво возвышаясь над остальными зданиями, квадратный неуклюжий дом.

— Даю голову на отсечение, — сказал господин Кришнан, — что это дворец раджи.

Безнадежность нашего предприятия настроила меня на иронический лад.

— И сейчас товарищ придет из дворца приветствовать экспедицию и скажет...

— Я знаю, что скажет товарищ Карта, — прервал меня господин Кришнан. — Остановись здесь, — ткнул он пальцем в спину шофера.

Мы остановились. Но в доме оказалась контора. Никто из клерков не знал и не слышал о нашем радже. Господин Кришнан уныло вернулся в машину.

— Так мы можем ездить целый день, целую неделю и целый месяц, — рассердилась я, — пока не опросим все десять тысяч жителей.

Господин Кришнан благоразумно молчал.

— Опрос мы начнем немедленно, — продолжала я. — Вон идет девушка. Сейчас я ее спрошу.

Я поняла, что начинаю какой-то недостойный спектакль. Но усталость и вызванное ею раздражение, видимо, брали свое. Я ничего не могла поделать с собой.

— Останови! — велела я Гопалу.

«Викинг» послушно остановился.

— Простите, — нарочито громко сказала я девушке. Та удивленно вскинула на меня глаза. — Простите, не вы ли потомок славного правителя Карты?

— Раджа Карта был моим прапрадедом, — просто ответила девушка.

— Что?!

Позади меня раздался какой-то шипяще-булькающий звук. Господин Кришнан давился от смеха. Ехидного и уничтожающего смеха. Смеха, который утверждал неоспоримое превосходство самого господина Кришнана и его страны надо мной, жалким иностранцем. Когда господин Кришнан отсмеялся, а я наконец закрыла рот, который оставался открытым недопустимо долгое время, мы спросили девушку о мече. Та о мече ничего не знала. Но нашему делу очень обрадовалась.

— Сейчас я заеду с вами в контору, отпрошусь у начальника и буду в вашем распоряжении. Моя мать, наверно, что-нибудь знает.

Начальник конторы счел наше дело чрезвычайно важным для города и немедленно отпустил свою подопечную. Мать девушки, старая дородная матрона с медлительными манерами, много рассказала о радже, но о мече не имела представления.

Зато она знала всех потомков славного Карты. Их оказалось полгорода. Среди них были учителя, клерки, лавочники, директор кинотеатра, профсоюзный лидер, продавец мороженого, ночной сторож и даже два коммуниста. Все они много знали о радже, но опять-таки ничего не знали о мече. К вечеру я оказалась обладательницей обширнейшего материала, на основании которого я могла составить подробное жизнеописание раджи Карты. И уже совсем поздно мы попали к потомку, который держал клинику. Мы застали его в единственной комнате клиники, заставленной пузырьками с разными целебными снадобьями. Этот потомок мне показался наиболее благоразумным.

— О! — удивился он. — Вы повидали почти всех моих родственников. Тогда о радже Карте я рассказывать не буду. Меч? Да что им всем память отбило? Никто не помнит? Я был лучшего мнения о них. Меч действительно был. Висел на стене в тронном зале. И однажды, когда вождь вишаванов, имя его я забыл, принес радже подарки, то Карта — на него иногда такое находило — снял меч со стены и отдал вишавану. Это я точно знаю. Мне рассказала об этом моя бабушка. А вишаваны, говорят, живут отсюда недалеко. Кажется, на Чалакоди. И меч, наверно, у них сохранился. Ведь он был для них реликвией. Они поклонялись этому мечу.

Так мы получили подтверждение, что раджа Карта действительно существовал. И существовал довольно активно, если оставил после себя такое многочисленное потомство. И раджа этот подарил в восемнадцатом веке меч вождю вишаванов. Теперь оставалось найти этот меч. После Котамангалама я не считала уже такое занятие безнадежным...

Наша дорога шла на север — туда, где текла река Чалакоди. Опять были только горы и джунгли. Придорожных деревень становилось все меньше. Наконец, осталась одна-единственная последняя харчевня. В харчевне за стаканом чая сидел вишаван из той деревни, которую мы искали. Сначала он не хотел нам показывать дорогу. После долгих уговоров согласился. Но видимо, продолжал нам не доверять и повел через джунгли не по тропе, а через какие-то бамбуковые завалы, болото и сплошное переплетение кустов, которые сам и рубил тесаком. Где-то чуть в стороне от нас послышались выстрелы. Вишаван остановился, предостерегающе поднял палец и тихо сказал:

— Слон.

Я не знала, что слоны умеют стрелять. Но оказалось, что слон просто ломал бамбук. И бамбуковые стволы лопались со звуком, похожим на выстрел. Слон стоял шагах в десяти от нас и, нетерпеливо поводя ушами, хоботом гнул бамбуковые стволы и ломал их. Зачем ему это понадобилось, я не знала. Вдруг откуда-то сверху раздался смех. Чуть дребезжащий и ироничный. Я подняла голову и увидела на дереве черную обезьяну. Она корчила рожи, громко смеялась и показывала лапой на слона. И если бы черная обезьяна могла говорить, она бы обязательно крикнула:

— Посмотрите на этого большого дурака, люди добрые! Что он делает? Ну что он делает?

Но обезьяна говорить не умела и только смеялась над несуразным слоном. Слон был так занят своим непонятным делом, что не заметил ни нас, ни обезьяны. Километров через пять мы вышли на лесную поляну. На поляне было небольшое тапиоковое поле, а рядом стояла хижина. Очень похожая на те, что я видела в деревне Куркули. В хижине оказался единственный человек. И этим человеком был Муттайя Раман! Круг чудес завершился. В стене хижины заткнутый за бамбуковую планку торчал ржавый и прокопченный меч. Знаменитый меч был не более метра длины с чуть изогнутым лезвием. От этого он больше напоминал саблю, чем меч. Рукояти на мече не было, и торчал лишь железный штырь, на котором она когда-то помещалась.

— Чей меч? — на всякий случай спросила я.

— Мой, — ответил Муттайя Раман с некоторым испугом.

— А к тебе он как попал?

— Давно когда-то раджа Карта подарил его вождю вишаванов. Им даже секли головы, — хвастливо добавил он.

Третий компонент стал на свое место. И я поняла, что мы отыскиали все-таки вишаванов.

Меч оказался в надежных руках. Муттайя Раман исправно молился ему, поил аракой и угощал тапиокой. Он был уверен, что дух некогда могущественного раджи помещается именно в этом мече. И конечно, обращался с оружием соответственно.

Но жизнь Муттайи Рамана не была столь безоблачной, как могло показаться с первого взгляда. Меч принадлежал ему, а вот вождем племени был Моили. В этом, на взгляд Муттайи Рамана, было большое несоответствие.

— Моили очень упрямый старик, — жаловался он. — Я предлагал сделать все по-человечески. Возьми, сказал я ему, меч, а я буду вождем племени. Так он мне на это ответил, знаете что? Ты, говорит, присвоил меч, который по праву принадлежит мне. А теперь еще хочешь быть вождем? Я говорю: у тебя меч, а я — вождь. Давай сделаем все по-справедливому. А он отвечает: ты сын, а я племянник. И все, что было у Паренги Рамана, принадлежит мне. Очень упрямый старик. Никак я с ним не могу договориться.

Чем кончилась эта тяжба, я не знаю. Неизвестно у кого теперь меч: у Моили или все еще у Муттайи Рамана. Одно можно сказать с уверенностью, что меч до сих пор хранится в племени вишаванов.

...В маленьком городке перед Тричуром мы остановились поужинать. Городок продолжал праздновать рождество, хотя уже кончалась первая декада января 1972 года. На домах горели цветные бумажные фонарики и свечи, вставленные в дверные проемы. Металось пламя факелов, установленных на низких железных столбах. На шпилье местной церкви была зажжена большая пятиконечная звезда. Время от времени на железной ограде церкви вспыхивали бенгальские свечи, обдавая улицу фонтанами холодного огня. Цветные фонарики горели на пальмах, в кронах деревьев. Теплый ветер раскачивал флажки, протянутые вдоль улиц. Сияющие гирлянды фейерверка расцветали в темном небе и опадали вниз тысячами золотистых искр.

Мимо нас проехала открытая машина. В ней сидели три библейских волхва. Волхвы орали какую-то песню явно не библейского происхождения. Городок был наряден и праздничен. Он светился множеством огней. И люди улыбались, глядя на эти огни. Но мне почему-то не хотелось улыбаться. Сквозь веселые праздничные огни проступали темные ночные джунгли и кучка полуобнаженных людей, жмущихся к пламени костра...

Из Тричура господин Кришнан сообщил в Тривандрам, что племя вишаванов отыскалось, и передал их координаты. Говорят, что чиновники наконец внесли их в список отсталых племен Кералы.

Вместо заключения

Мои путешествия по Южной Индии закончились. Почему я выбрала именно Южную Индию? Дело в том, что судьба древнейших австралоидных племен складывалась неодинаково. В разной степени они уничтожались или вытеснялись более поздними народами. В Северной Индии, которая подвергалась частым нашествиям, почти не сохранилось этих племен. Центральной Индии повезло больше. Там до сих пор австралоидный тип распространен среди таких крупных племен, как кхонды, гонды, ораоны. Что же касается Южной Индии, то здесь мы находим целые островки этого древнейшего населения.

В древности эта часть страны была покрыта труднопроходимыми тропическими лесами. В лесах обитали австралоидные племена. Миграционные потоки пришлых народов вливались в Индию с севера и запада. Лесной массив Южной Индии долгое время оставался не затронутым влиянием этих миграций. Поэтому южноиндийским австралоидам удалось до сих пор сохранить чистоту своего антропологического типа.

Что же это за тип? Небольшой рост, темная кожа, удлинённая голова, густые вьющиеся волосы, широкие носы, толстые губы, крупные зубы. Эти же черты мы находим и у австралийских аборигенов. По имени этого материка и тип получил название — австралоидный. Но причем тут Австралия? — могут спросить. Какая связь между Индией и материком, который находится в тысячах километров от индийского побережья?

Древние пути народов были прихотливы и неожиданны. Когда-то австралоиды заселяли обширные территории Южной и Юго-Восточной Азии. Около тридцати тысяч лет назад, как утверждают ученые, миграционный поток этого населения направился по существовавшему тогда мелководному мосту, который соединял Юго-Восточную Азию с Австралией, и заселил последнюю. В течение многих тысяч лет в географии района, по которому шла миграция, происходили изменения. В результате Австралия оказалась отрезанной от Азиатского материка огромными пространствами воды, которые могли преодолеть только опытные мореходы. Связь между материками была утеряна.

В течение долгого времени и в Азии и в Австралии происходили свои исторические и этнические процессы. В результате и там и здесь сохранились лишь небольшие группы древнейшего австралоидного населения.

Изучать древнюю жизнь, особенно если она дошла до наших дней, всегда важно и интересно. Но для чего это надо делать? Что это дает? Зачем нужно изучать австралоидов Индии, которые принадлежат прошлому? Наше настоящее возникло из этого прошлого и разобраться в настоящем, не зная прошлого, трудно, а подчас и невозможно.

Кто населяет Южную Индию сегодня? Группа дравидийских народов. В эту группу включаются крупные народы, такие, как тамилы, телугу, малаяли, каннара. К ней относят и малые народы (в том числе и племена), такие, как курги, тода, панья, кадары и т. д. Но что значит «дравид», «дравидийский»? Какие общие моменты включают эти термины? Возьмем антропологический тип. Является ли он общим для всех дравидов? Вряд ли. Если мы поставим маленького темнокожего панья рядом с высоким светлокожим тода, то любой скажет, что эти двое принадлежат к разным расам. Панья — австралоид, а тода — европеоид-средиземноморец. Может быть, у них есть что-то общее в культуре? Культуры их тоже разные. Такие же разные, как и культуры керальских найяров и кадаров. Ну, а язык? А вот языки всех этих больших и малых народов принадлежат к одной языковой семье — дравидийской. Значит, язык является для них чем-то общим. Не закономернее ли тогда называть дравидийские народы «народами, говорящими на дравидийских языках»?

Но все это не так просто. До сих пор в науке существует так называемая «дравидийская проблема». Проблема пока нерешенная. Кто такие дравиды? Являются ли они аборигенами или пришельцами? Вряд ли мы сможем решить эту проблему, если будем считать дравидов давно сложившимся культурно-этническим целым. Их целостность начинает формироваться только сейчас.

Прошлое Южной Индии надо брать в его развитии и становлении. А развитие начиналось с австралоидных племен, которые сейчас говорят на дравидийских языках. Эти племена, составляющие часть дравидийских народов, — аборигены здешних мест. Поэтому для них «дравидийской проблемы» не существует.

Эта проблема связана в большей степени с другой частью южноиндийского населения — светлокожими представителями средиземноморской подрасы, говорящими тоже на дравидийских языках. Вот они-то, возможно, и были пришельцами. И пришельцами поздними. Сейчас трудно установить, когда они проникли в Индию. Может быть, несколько тысяч лет назад, может быть, десять тысяч, может быть... Короче говоря, все это пока догадки.

Да полноте, скажете вы. Если они так давно пришли, то неизбежный процесс смешения с местным населением уже должен был сформировать новый антропологический тип, и «чистота» первоначальных средиземноморцев вряд ли при этом могла сохраниться. Верно, так должно было случиться в любой стране, но не в Индии.

Индийское общество, до недавнего времени разделенное строгими кастовыми и племенными перегородками, до сих пор не довело этот процесс смешения до конца. У кургов, тогда, в керальской касте найяров и в других группах южноиндийского населения можно обнаружить и сейчас «чистый» средиземноморский тип. Эти люди высоки и светлокожи. У них прямые носы, тонкие губы, прямые волосы, удлинённой формы глаза. Их головы относят к разряду «длинных», или доликоцефальных.

Два потока, австралоиды и средиземноморцы, формировали так называемые дравидийские народы. И формируют до сих пор.

Много тысяч лет назад в странах Средиземноморского бассейна развивались и процветали древние культуры. Такие культуры существовали в Египте, Месопотамии, Иране. Самая древняя индийская культура возникла пять тысяч лет назад. Она получила свое название по имени городов Мохенджо-Даро и Хараппы, которые в те времена существовали в долине Инда. Эта культура испытывала большое влияние Средиземноморья. Возможно, что средиземноморцы и были ее основателями. Но культура Мохенджо-Даро и Хараппы развивалась во взаимодействии с местным австралоидным населением и со временем приобрела самобытные, оригинальные черты. Там, в долине Инда, несколько тысяч лет назад, возможно, и начался тот процесс смешения двух этнических потоков и двух культур, который позже продолжился уже на территории Южной Индии. Вероятно, мохенджодарцы не были единственными

средиземноморцами в Индии. Миграционные потоки этих народов могли повторяться через определенные промежутки времени.

Есть основания предполагать, но только предполагать, что средиземноморцы, привлеченные богатствами Южной Индии, в какой-то отдаленный период начали ее колонизацию. По всей видимости, процесс этой колонизации не был мирным. Племена австралоидов сопротивлялись. Но пришельцы были лучше вооружены, и это решило судьбу австралоидов. Потом наступил период «мирного сосуществования». Но это «мирное сосуществование» не было полным. Легенды покоренных племен донесли до нас отголоски каких-то сражений и войн. Постепенно стала формироваться группа смешанного населения. Как средиземноморцы, так и австралоиды участвовали в ее образовании. По всей видимости, эту группу антропологически можно определить как дравидов. Культуры обоих этнических потоков тоже взаимодействовали. Возникали общие культурные элементы, созданные теми и другими. Вместе с тем какие-то культурные элементы австралоидов перекочевывали к средиземноморцам и наоборот. Выделить элементы древней культуры австралоидов из общего культурного потока дравидийских народов — значит объяснить многие неясные моменты в происхождении индийского населения. Попытки такого рода делались рядом индийских и английских ученых. Этнограф Хаттон писал: «Вклад протоавстралоидов в индийскую культуру, возможно, заключается во введении керамической посуды. Наличие бумеранга, так же как и духового ружья, в Южной Индии может быть отнесено тоже к ним. Что касается религии, то им можно приписать тотемизм».

Некоторые черты анимистических верований, проникшие в индуистскую религию, имеют австралоидную основу. Возможно, и мегалитическая культура, широко распространенная на юге Индии, в первую очередь была связана с австралоидным населением. Курумба, например, до сих пор сооружают дольмены и отмечают погребения кольцом камней. «Дьявольские танцы» лесных племен положили начало искусству индийского танца катакхали. Можно перечислить немало таких моментов.

Те же два потока формировали и дравидийские языки. Поэтому у этих языков имеется общность с языками Месопотамии и Элама, с одной стороны, и с австралийскими — с другой. Хотя, эта последняя

связь дравидийских языков, по мнению многих лингвистов, представляется сомнительной.

Во втором тысячелетии до нашей эры в Индию вторглись так называемые арийские племена. Они принадлежали к индоевропейской группе народностей. Это был третий крупный этнический поток, который участвовал в формировании индийского народа и его культуры. Арии постепенно проникли в Южную Индию. Каста жрецов-браминов представляла их интересы. Эта каста вошла в соприкосновение с южноиндийским населением, в том числе и с австралоидами. Брамины наступали на австралоидов, стараясь идеологически поработить их. Храм играл такую же важную роль в этом наступлении, как и меч арийского воина — кшатрия. Юг Индии дает немало примеров захвата племенных храмов пришлыми жрецами-браминами и использования ими племенных божеств. Австралоидное население в свою очередь подпадало под влияние индуизма, поклоняясь богам его пантеона.

Проблема взаимодействия разных культур Индии сложная и многогранная. В этом взаимодействии племена древних австралоидов занимают свое важное место. Выявить это место можно только в процессе изучения культуры остатков древнейшего населения Индии.

Существует еще один момент, на котором хотелось бы остановиться в заключение. Встречаясь с австралоидными племенами и работая среди них, я каждый раз думала об их судьбах, о тех неожиданных и прихотливых путях, которыми они шли. Что же способствовало сохранению их племенной организации и их образа жизни?

Южная Индия по ряду исторических и географических причин отставала в своем развитии от северной. Как уже было отмечено, именно здесь в труднодоступных местах, относительно изолированных от внешнего мира, смогли задержаться остатки древнейшего населения. Деление индийского общества на изолированные касты, в которых существовали свои строгие законы, препятствовало социальному и этническому слиянию этих сохранившихся племен с более развитыми общинами Индии. Кастовая система господствовала в стране многие века и в течение них австралоидные племена, отвергнутые этой системой, оставались в стороне от главных путей, по которым шло развитие Индии.

Затянувшиеся феодальные отношения также в какой-то мере способствовали консервации племенных «островков».

Естественный и закономерный путь развития Индии был грубо нарушен вторжением английских колонизаторов. В течение двухсот лет английские власти «заботливо» культивировали раздробленность и отсталость страны. Проводя свою традиционную политику «разделяй и властвуй», иноземные хозяева Индии были заинтересованы в сохранении кастовой системы, в разжигании розни между религиозными общинами и, наконец, в неприкосновенности различных племенных групп. Последним они предоставили право самим заботиться о своей судьбе. Судьба эта оказалась в большинстве случаев тяжелой. Племена не выдерживали прямого столкновения с миром эксплуатации, наживы и денег. Одни из них вымирали и гибли, другие превращались в изгоев и нищих, просящих подаяние на городских улицах, третьи уходили в глубь джунглей и гор, стараясь закрыть все пути, ведущие в этот непонятный и страшный мир. Родовая организация и родовая солидарность стали главной защитой малых племен от этого мира. Поэтому они пытались ее сохранить и держались за нее, как за последнюю надежду.

В 1947 году Индия стала независимой. В числе всех сложностей и трудностей, доставшихся ей от колониального прошлого, и проблема племен. Как им помочь? Как облегчить их нелегкую судьбу? Как защитить от мелких и крупных эксплуататоров?

Премьер-министр независимой Индии Джавахарлал Неру проявил большую заинтересованность в судьбе племен. При правительствах штатов, где имелось большое племенное население, были созданы специальные министерства и отделы. В ряде районов страны возникли блоки по развитию племен. Правительство выделило деньги на проведение дорог, на постройку домов, школ, больниц. Работники блоков начали бороться против притеснений племен со стороны торговцев, ростовщиков, помещиков. Иногда им удавалось действительно добиться результатов.

Ежегодно на общеиндийских конференциях по благосостоянию племен обсуждаются проблемы, которые волнуют и представителей прогрессивных политических партий, и правительственных чиновников, и ученых-этнографов. Однако вопрос, как способствовать развитию племен, как облегчить их положение, пока остается

открытым. Решить его крайне сложно. Капиталистические отношения, господствующие в Индии, мешают этому. Те, кто стремится облегчить участь малых племен, встречают на своем пути много трудностей и не всегда получают желаемые результаты.